

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РОССИИ

2-03

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

МОСКВА
2003

Серия

«Экономические и социальные проблемы России»

*Центр социальных научно-
информационных исследований*

Отдел экономики

Редакционная коллегия:

В.А. Виноградов – академик, председатель;
Н.А. Макашева – д-р экон. наук, зам. председателя;
В.С. Автономов – член-корреспондент РАН;
И.Е. Дискин – д-р экон. наук (ИСЭПН РАН);
В.Е. Маневич – д-р экон. наук (ИПР РАН);
Н.Л. Полякова – канд. филос. наук (МГУ).

С 69

Редактор и составитель выпуска –
канд. геогр. наук *В.Г. Былов*

Социально-экономические проблемы миграции в современной России: Сб. обзоров / РАН. ИИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Отв. ред. и сост. Былов В.Г. – М., 2003. – 8 л. – 160 с. (Экономические и социальные проблемы России / Редкол. сер.: Виноградов В.А. – председатель и др.; 2003, 2.)

Миграция рассматривается как комплексный процесс, влияющий на многие стороны социально-экономической жизни современной России. Анализируются структура и динамика миграционных потоков в контексте общемировых тенденций, их влияние на демографическую ситуацию в стране, на состояние рынка труда, прежде всего изменение в структуре предложения рабочей силы, а также особенности социальных проблем, возникающих в связи с миграцией. Указанные проблемы рассматриваются как в общенациональном, так и региональном аспектах, причем особое внимание уделяется московскому региону.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
<i>В.Г. Былов. Современное состояние внешней миграции населения Российской Федерации (обзор).....</i>	7
<i>С.Н. Куликова. Миграция в Российской Федерации (сводный реферат).....</i>	24
<i>С.Н. Куликова. Миграционная политика в РФ (сводный реферат).....</i>	48
<i>С.Н. Куликова. Проблемы Российской миграции: взгляд из Франции (сводный реферат).....</i>	60
<i>В.Г. Былов. Проблемы привлечения и использования иностранной рабочей силы в России (обзор).....</i>	70
<i>В.Г. Былов. Миграция населения. вып.4.: система иммиграционного контроля</i>	79
<i>В.Г. Былов. Современная миграционная ситуация в приграничных районах Дальнего Востока: (мнения экспертов)</i>	95
<i>В.И. Шабаева. К.Б.Зайцев. Современная миграционная ситуация в Восточной Сибири / ран. ин-т социал.-полит. исслед. - М., 2001. - 51 С.</i>	111
<i>В.И. Шабаева. Миграционная ситуация в городской местности России к началу ХХI в.</i>	122
<i>В.Г. Былов. Международная миграция населения: Россия и современный мир</i>	132
<i>В.Г. Былов. Население в трансформируемом обществе: демографические процессы и проблемы</i>	142

Введение

Данный сборник обзоров и рефератов посвящен развитию миграционных процессов в Российской Федерации на начало третьего тысячелетия. Миграция рассматривается как комплексный процесс, влияющий на многие стороны социально-экономической жизни современной России. Поэтому в данном издании проведен анализ структуры, динамики и направления миграционных потоков. Эти процессы можно рассматривать как отражение общемировых тенденций и одновременно – как отражение текущего социально-экономического положения страны, демографической ситуации и состояния рынка рабочей силы в России и странах СНГ.

При подготовке данного издания большие надежды возлагались на публикацию результатов Всероссийской переписи населения 2002 г. К настоящему времени появились только первые, далеко не полные результаты, в том числе касающиеся проблем миграции населения. Как свидетельствуют материалы сборника, эти результаты нельзя считать в полной мере достоверными и тем более исчерпывающими. В этой связи следует отметить, что значительное число исследований за последние десятилетия, не говоря уже о более раннем периоде, не имели достаточно достоверной статистической базы. Вопрос учета миграции, особенно внутри страны, всегда был достаточно сложным, а после отмены обязательной прописки, замененной регистрацией по месту жительства и введением иммиграционных карт, проблема охвата соответствующих контингентов населения стала еще более острой. Даже ответственные работники Госкомстата РФ не могут с достаточной долей уверенности говорить о степени достоверности и ми же приводимых статистических данных, полученных в ходе переписи. Добровольность сообщения

данных о своем положении и отсутствие в ряде случаев сплошного учета, сохраняющаяся «прозрачность» государственных границ РФ со странами ближнего зарубежья – все это придает данным приблизительный характер. Так, даже количество мигрантов определяется с исключительной неточностью: по свидетельству известного специалиста по вопросам внутренней миграции Ж.Зайончковской, в современной России оно определяется с амплитудой колебания от 1,5 млн. до 15 млн. человек.

В то же время данные последней переписи о миграционном обмене населения РФ со странами СНГ и Балтии за период с 1989 по 2001 г. свидетельствуют о значительном превышении иммиграции над эмиграцией – соответственно 8888,0 тыс. и 4040,8 тыс. человек, что в итоге дало положительное сальдо миграционного обмена в 4847,2 тыс. человек и общую величину обмена почти 13 млн. человек. Подобная миграция еще в советское время с трудом поддавалась какому-либо учету. Во многих случаях можно было говорить только о тенденциях.

Не лучше обстоят дела с учетом иммиграционных потоков и с определением данных миграционного обмена с некоторыми странами, прежде всего с Китаем, Афганистаном и Северной Кореей. Можно отметить не только относительную проницаемость государственных границ, но и практику использования для прикрытия эмиграции туристических поездок. Поэтому в отношении учета подобных мигрантов можно констатировать, что никто не знает о реальной численности подобных иммигрантов в России, а также о реальной роли России как транзитного пункта для миграции жителей развивающихся стран в промышленно развитые страны Западной Европы и Северной Америки. Все это создает дополнительные трудности при оценке численности иммигрантов.

Если для оценки величины внешней миграции можно в известной мере использовать материалы пограничного контроля, то внутренняя миграция еще менее отражена в материалах статистического учета, притом что процесс имеет важные народнохозяйственные и социальные последствия. В этом отношении важны даже первоначальные данные последней переписи. Они свидетельствуют о завершении мер по стимулированию освоения малообжитых районов Севера и Востока Российской Федерации. Еще в советский период российскими исследователями В.Переведенцевым и Ж.Зайончковской была выявлена картина развития возвратной

миграции из районов Восточной Сибири и Дальнего Востока в сторону европейского Центра и районов Средней Азии. Материалы последней переписи 2002 г. показали, что начался исход жителей из северных и восточных регионов с концентрацией мигрантов в западных и юго-западных районах России. Этот процесс совпал с переселением русскоязычного (прежде всего русского) населения из республик национальных окраин Закавказья и Средней Азии. В числе факторов, способствующих подобной миграции, следует указать на прекращение распространенной в советские времена практики дотирования развития этих республик из Центра, политики освоения восточных территорий, обострение национальных трений, рост национализма в этих республиках, стремление заменить более профессионально подготовленных русских специалистов национальными кадрами, часто не обладающими соответствующей подготовкой.

Социально-экономический кризис ознаменовался началом процесса рураллизации. В условиях экономического застоя, свертывания промышленного производства, роста безработицы в городах РФ городское население стало покидать крупные индустриальные центры и переселяться в малые города и сельские населенные пункты. Происходит фактическая депопуляция некоторых районов, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, и как следствие расширяются возможности для иностранной экспансии, главным образом китайского населения, которая осуществляется в значительной мере нелегально.

Одним из обнадеживающих результатов последней переписи следует считать сокращение интеллектуальной эмиграции («утечки мозгов»). Всего же за 1991–2002 гг., с момента начала переходного периода, Россию покинули, по официальным данным, 1160 тыс. человек. Однако, как свидетельствуют материалы сборника, миграционный обмен со странами дальнего зарубежья постепенно затухает. Массовая эмиграция практически закончилась. Причинами этого явления можно считать как завершение стартового периода трансформации, так и определенное разочарование молодых ученых в отношении возможностей своего блестящего трудоустройства на Западе.

Перечисленные проблемы в той или иной степени нашли отражение в материалах данного сборника. Притом скорее можно говорить о постановке проблем и определении возможных направлений их обсуждения, нежели об их решении.

Современное состояние внешней миграции населения Российской Федерации (Обзор)

Значительные перемены в социально-экономическом положении и тенденциях развития России на рубеже столетий нашли определенное отражение в процессах как внутренней, так и внешней миграции. Крушение «железного занавеса», распад прежде могущественной советской империи, образование независимых государств на просторах СССР, объединение некоторых из них в форме СНГ, значительное расширение информации и контактов – все эти процессы не могли не отразиться на миграционном обмене. На протяжении последнего 15-летия наибольший размах и соответственно наибольший интерес вызывали два основных явления в сфере миграции: расширение интеллектуальной эмиграции из России, прежде всего в страны старого зарубежья, и рост иммиграции русскоязычного населения в Россию из стран нового (ближнего) зарубежья.

В течение длительного времени масштабы миграционных процессов из-за определенного ослабления функций государственного учета и контроля оставались практически не известны, в основном определялись оценочно. Этому в значительной степени способствовали как большой интервал в проведении общегосударственной переписи населения страны (предыдущая Всесоюзная перепись населения СССР была проведена в начале 1989 г.), так и не всегда обоснованные, зачастую носящие оценочный и предварительный характер скоропалительные и конъюнктурные оценки численности населения и состояния его текущей миграции, не

имеющие точно выверенной, определенной статистической базы. Так, миграционный прирост населения РФ за последнее десятилетие прошлого столетия (1990–1999) определялся в 3270 тыс. человек, а за предшествующее десятилетие еще советского периода в истории России – в 1827 тыс. человек. По мнению известного демографа Ж.Зайончковской, миграционный прирост населения России достиг максимума в 1994 г., а затем неуклонно снижался, причем к 1999 г. он упал ниже среднего годового уровня предшествующего десятилетия 80-х годов (составив соответственно 285,2 тыс. человек в 1980–1989 гг. и всего 154,6 тыс. в 90-е годы) (1, с.101).

В 90-е годы предполагалось, что увеличение миграционного прироста населения РФ может происходить при резком сокращении двусторонней миграции. В 1999 г. в Россию прибыло 379,7 тыс. человек, а выехало за пределы страны 215 тыс., тогда как после крушения «железного занавеса» и облегчения условий выезда на постоянное место жительства за рубежом из страны выехало полтора миллиона российских граждан. В то же время из стран ближнего и дальнего зарубежья в Россию прибыло 2 млн. человек. Отмечается также почти двукратное сокращение и внутренних миграций – с 4,7 млн. в 1989 г. до 2,5 млн. человек в 1999 г. (1,с.101).

Следует отметить, что реакция населения на финансово-экономическое положение России в конце столетия нашла свое отражение в масштабах, направлении и развитии миграционных процессов. Особенно сильно отразился на ходе миграционных процессов финансовый кризис (дефолт) августа 1998 г. Внутренние миграции сократились в 1999 г. незначительно, однако финансовый кризис существенно сказался на размерах как эмиграции, так и иммиграции: под его влиянием многие граждане РФ устремились за рубеж в поисках более стабильного финансово-экономического положения, а въезд в Россию существенно сократился из-за опасений дальнейших финансовых потрясений, потери накопленных сбережений.

Выход из финансового кризиса обозначился лишь в середине 1999 г., хотя его влияние ощущалось еще на протяжении длительного времени и значительно сказалось на миграционных процессах. По мнению Ж.Зайончковской, эмиграция оказалась более чутким барометром изменения финансового положения страны в сравнении с иммиграцией: наиболее информированные россияне, предчувствуя

финансовые коллизии, устремились за рубеж еще за два месяца до объявления дефолта. С апреля 1999 г. рост эмиграции сильно затормозился, что можно было считать свидетельством появления первых признаков нормализации и стабилизации в российской экономике.

Что касается иммиграции, то ее реакция на финансовый кризис была еще более выраженной, хотя по времени она несколько запаздывала. В 1999 г. сокращение иммиграции резко ускорилось в сравнении с предшествующим периодом. Так, в 1997 г. она сократилась на 8%, в 1998 г. – на 15, в 1999 г. – на 26% (в 1999 г. реакцией состоятельной части россиян явилось увеличение эмиграции на 10% в сравнении с уровнем предшествующего года; 1, с.102).

Проведение в конце 2002 г. Всероссийской переписи населения явилось важным моментом для определения реальной численности населения страны и определения тенденций ее демографического развития, в том числе для получения более достоверных данных о размерах и направлениях внешней миграции. Как показал анализ ее предварительных результатов, во-первых, в России начался процесс руреализации; во-вторых, резко сократилась «утечка мозгов» из России; в-третьих, начался исход жителей из северных и восточных регионов с концентрацией мигрантов в западных и юго-западных регионах; в-четвертых, Россия вышла на четвертое место в мире по количеству мигрантов, прибывших в страну за последнее десятилетие (с.11).

По мнению председателя Госкомстата РФ В.Соколина, рост населения РФ в сравнении с ранее предсказываемым сокращением (145,2 млн. вместо 143,3 млн. человек) был обусловлен в первую очередь развитием иммиграции в Россию. В этой связи показательны результаты почти синхронных переписей в других республиках СНГ (кроме Узбекистана и Молдовы, где переписи не проводились). Во всех этих республиках, кроме Таджикистана с его чрезвычайно высоким уровнем рождаемости, численность населения по переписи оказалась ниже данных текущего учета. По количеству иммигрантов Россия (7,8 млн. человек) вышла на третье место в мире после США и Германии, однако число мигрантов с каждым годом сокращается (4, с.11).

По мнению главы Госкомстата РФ, с 1991 по 2003 г. из России выехали 1160 тыс. человек. Однако миграционный обмен со странами

дальнего зарубежья тоже постепенно затухает. Массовая эмиграция закончилась. Так, в начале 90-х годов из страны ежегодно уезжало на постоянное место жительства более 100 тыс. человек, а в 2002 г. всего 54 тыс. человек. По мнению Соколина, нельзя однозначно утверждать, что этот выезд из России является процессом преимущественно «утечки мозгов». Так, из выехавших из страны в 2002 г. высшее образование имели 8 тыс. человек, среди них было всего 42 кандидата и 11 докторов наук (4, с.11–12).

Как отмечает Соколин, при проведении переписи фиксировалось фактическое население страны, что не позволяет говорить о наличии в России 2 млн. незарегистрированных мигрантов. В стране было зарегистрировано 249,8 тыс. человек, временно находившихся на территории РФ, но постоянно проживающих за рубежом (иностранных студентов, предпринимателей, туристов, сезонных рабочих). Однако в это число были включены далеко не все гастарбайтеры, поскольку в случае проживания их в России более одного года они по международным правилам включались в постоянное население РФ. Равным образом в переписи не содержится точных данных о числе китайцев, проникших на территорию российского Дальнего Востока. В то же время в число россиян, находящихся за рубежом (105,5 тыс. человек), включены проживающие и работающие на Байконуре, военнослужащие российских воинских контингентов за пределами РФ и сотрудники российских представительств за рубежом.

Согласно данным переписи, в стране происходит концентрация населения на западе и юго-западе России. Этому способствует миграция населения из восточных и северных регионов – происходит явление, противоположное наблюдаемому в советский период и во времена Российской империи. Миграция осуществляется волнообразно: первоначально люди перебираются из Сибири и Дальнего Востока на Урал и в Поволжье, а затем оттуда в центр и на юг (с.12).

Показательны данные о миграционном обмене РФ со странами СНГ и Балтии, которые могут служить яркой иллюстрацией тенденций, обозначившихся в развитии миграции после распада СССР (см.табл.).

Таблица

**Миграционный обмен населения РФ со странами СНГ и Балтии
в 1989–2001 гг. (тыс. человек)**

Страна	Эмиграция из РФ	Иммиграция в РФ	Сальдо
Эстония	38,2	155,3	+78,9
Латвия	26,0	96,4	+70,4
Литва	33,9	87,2	+53,3
Белоруссия	420,2	408,0	-12,2
Украина	1868,0	2200,0	+332,0
Молдавия	173,4	260,6	+87,2
Грузия	91,1	483,5	+392,4
Армения	57,6	272,1	+214,5
Азербайджан	169,5	561,7	+392,2
Казахстан	713,7	2359,6	+1645,9
Узбекистан	209,8	958,5	+748,7
Туркмения	54,0	183,9	+129,9
Таджикистан	62,9	430,2	+367,3
Киргизия	122,5	431,0	+308,5
Итого	4040,8	8888,0	+4847,2

По мнению Соколина, перспективы изменения численности населения РФ будет во многом определять миграция. Итоги переписи 2002 г. могут служить основанием для выработки реальной миграционной политики с учетом естественной убыли населения, его перераспределения по территории и сокращения числа трудоспособного населения с учетом снижения продолжительности жизни (в 2002 г. до 58,5 года для мужчин и до 71,9 года для женщин (4,с.14).

Специфика развития внешней миграции России в переходный период нашла свое отражение в ее половозрастном составе. Всего за советский период 1960–1990 гг. почти три четверти российских мигрантов были в возрасте моложе 30 лет. Характерно, что по достижении этого возраста участие в миграционных процессах почти прекращалось. Однако в период социально-экономической трансформации России после 1990 г. участники миграционных потоков заметно «постарели»: при общем возрастании масштабов миграции сильно сократилась доля молодежи в возрасте 15–19 лет, а мигранты

моложе 30 лет стали составлять в целом менее 60% общего потока мигрантов. В то же время значительно вырос удельный вес мигрантов зрелого возраста (40 лет и старше) и самых старших возрастных групп (60 лет и более).

Для отдельных направлений миграционного обмена свойственен определенный половозрастной состав участников. Так, для когорты вовлеченных в процесс иммиграции из республик бывшего Союза характерен более низкий удельный вес молодежи в возрасте от 14 до 25 лет в сравнении с вовлеченными во внутреннюю миграцию (по данным на 1999 г., соответствующие проценты составили 19,5 и 35,6; 1, с.104). Это объясняется в первую очередь сокращением притока учащейся молодежи в Россию из стран СНГ и Балтии. В 1999 г. в связи с учебой внутри России иммиграция подобной молодежи обеспечила только одну восьмую общей когорты иммигрантов, а из числа мигрировавших из стран СНГ и Балтии эту цель назвали только 3,3% всех опрошенных мигрантов (1, с.104). В то же время доля молодежи, направляющейся на учебу на Запад, в составе эмиграционного потока была еще меньше, поскольку российские студенты и стажеры, обучающиеся на Западе, не попадали в число эмигрантов, сохраняя российское гражданство и регистрацию по месту жительства.

По данным Ж.Зайончковской, среди участников внешней миграции в конце 90-х годов отмечается более высокая доля пожилых людей. В целом мигранты старше 30 лет составляют почти 40% вовлеченных в поток внутренней миграции, их почти 53% среди иммигрантов, прибывающих из бывших союзных республик. Подобные мигранты составляли почти 51% общей численности эмигрантов в другие страны. Среди участников миграционных процессов довольно значительна доля детей, поскольку эмигранты из России стремятся, как они считают, обеспечить светлое будущее своему подрастающему поколению. Характерно, что в результате иммиграции Россия пополняется, по мнению Зайончковской, стариками и вообще лицами старших возрастных групп, которые стремятся закончить свой жизненный путь на родине. Характерно, что обычно в мировой процесс миграции вовлекается возрастная группа более молодого возраста. По данным на 1999 г., миграционный прирост населения России на одну четверть состоял из лиц

старше 50 лет и тем самым как бы вписывался в общую картину возрастного состава населения РФ.

Общий социально-экономический кризис в России не обошел стороной и миграционные процессы. Как свидетельствуют данные о составе мигрантов, в России резко сузились возможности для профессионального образования и поиска работы молодыми специалистами, особенно из стран СНГ, что явилось важным фактором выезда молодежи за пределы страны. Среди иммигрантов сократился удельный вес детей в возрасте до 15 лет, а в целом мигранты в значительной степени «постарели». Только среди эмигрантов отмечался устойчивый удельный вес детей: их доля не падала. Среди прибывающих в Россию возросла доля лиц старших возрастов.

Среди мигрантов больше половины составляли женщины, причем преобладание женщин в составе мигрантов объясняется прежде всего их высоким удельным весом среди старших возрастных групп. Сильным «мужским перевесом» отличаются категории трудоспособных мигрантов, выехавших из России в другие страны СНГ.

Миграционный обмен России с другими странами носил разноплановый характер. Следует выделить по специальному составу обмен между Россией и странами СНГ и Балтии, развитие процессов депатриации русских, эмиграцию за пределы СНГ и Балтии, развитие процессов миграции беженцев и вынужденных переселенцев, а также новое направление внутренней миграции в пределах России.

Наибольшим изменениям в течение последнего десятилетия подвергся миграционный обмен России с бывшими республиками СССР. Именно возвратная миграция из указанных стран на просторах бывшего СССР несет основную «ответственность» за быстрое увеличение миграционного прироста населения России. Только за счет подобного обмена население РФ за последнее десятилетие ХХ в. выросло, согласно имеющимся оценкам, на 4,3 млн. человек, тогда как за предшествующее десятилетие 80-х годов прирост составил всего 1,5 млн. человек (1, с.106).

Усиление миграционного обмена с указанными странами было вызвано действием ряда факторов. Во-первых, в первой половине 90-х годов жизненный уровень большинства россиян благодаря более

быстрому процессу социально-экономической трансформации оказался заметно выше по сравнению с уровнем жизни других стран – членов СНГ. Во-вторых, многие бывшие союзные республики для ускорения разрыва с советским прошлым, стремясь обезопасить себя от влияния русскоязычного населения (в первую очередь русских), стали поспешно принимать законы и постановления, исключающие двойное гражданство. Это привело к активизации процессов репатриации русского населения. В дальнейшем упомянутый острый финансовый кризис 1998 г. привел к замедлению процессов репатриации и иммиграции в Россию, что сказалось на численности въехавших в РФ. Сдерживающее влияние на развитие процессов иммиграции и репатриации оказывали военные действия в Чеченской Республике, определенные трудности обустройства репатриантов и переселенцев в России и некоторое ослабление прессинга со стороны титульных народностей в бывших союзных республиках по отношению к русскому населению, определенное затухание вооруженных конфликтов.

По мере определенной стабилизации положения в России происходило сокращение эмиграции, причем эмиграция сокращалась стремительнее в сравнении с въездом. Именно этот процесс обеспечил увеличение миграционного прироста населения России. Россия фактически исчерпала свой миграционный потенциал: кто хотел выехать из России, фактически уже сделал это, а кто хотел переселиться в РФ, также уже поспешил это сделать. Переселение в Россию стало основным вектором миграций на постсоветском пространстве, а решающее воздействие на указанные миграционные процессы оказало экономическое и социально-политическое положение России.

В обмене со всеми странами ближнего зарубежья сокращение миграционного прироста произошло за счет сокращения иммиграции в Россию. Основная причина состоит в том, что миграционный потенциал русской diáspory в странах ближнего зарубежья на протяжении 90-х годов оказался в определенной мере исчерпанным. Например, отмечается резкое сокращение миграционного обмена между Россией и Казахстаном: в этой республике определенное обострение межнациональных отношений, в значительной степени инспирированное властями, привело к 1997 г. к определенному всплеску миграции русского населения в Россию. Отмечалась

определенная стабилизация в иммиграции русского населения в Россию из Украины и Узбекистана. В то же время отмечалась устойчивая тенденция миграции населения из России в Беларусь – ее размеры были сравнительно небольшими, но показывали тенденцию к росту.

По мнению Зайончковской, миграционный обмен России с Беларусью, Молдовой, Украиной, Литвой и Эстонией имеет более или менее взаимный характер, хотя с двумя последними республиками миграция населения сократилась до минимума. Что касается Закавказья, Средней Азии и Казахстана, то отток населения в Россию примерно в 6–7 раз превышал миграцию из России (1, с.108).

Особое внимание российских исследователей на рубеже тысячелетий привлекали проблемы репатриации русских (1, 2). Эта репатриация стала, по определению Зайончковской, определяющим миграционным трендом на постсоветском пространстве в 90-е годы (1, с.111). Еще в 60-е годы на территории СССР отмечалось усиление центростремительных движений русского населения из республик советских окраин, преимущественно из республик Закавказья. В последний период существования СССР усилился процесс возвращения русских не только из Закавказья, но также из республик Средней Азии и Казахстана. Характерно, что потоки мигрантов направлялись не только на территорию собственно России, но также в Молдову, Балтию, на Украину и в Беларусь.

Этому способствовал этнический сепаратизм, подогреваемый националистически настроенными политическими лидерами в республиках Средней Азии и Казахстане, который поддерживался местной партийно-хозяйственной номенклатурой, одобрялся коренным местным населением, которое стремилось вытеснить русских в ходе конкуренции за престижные рабочие места и приватизируемую государственную собственность, за выгодные позиции в бизнесе и властных структурах. В этот же переломный период отмечался застой в промышленности, распространение системы задержки выплаты зарплаты, сокращение всего материального производства, где русские в силу более высокой квалификации занимали часто руководящие должности. В этих условиях у русского населения обострился кризис идентичности, что резко ускорило процесс русской репатриации и придало ей повсеместный характер.

Анализируя развитие процессов репатриации, известный российский исследователь В.А.Ионцев отмечает, что трудно назвать еще какой-либо другой народ, который столь щедро, как русский, «разбрасывал» бы своих людей за границы России. На территорию бывших советских республик (страны ближнего зарубежья) за 1896–1991 гг. переселилось более 10 млн. человек, а в страны дальнего зарубежья – чуть менее 10 млн. человек. На начало 90-х годов только в странах старого зарубежья (США, Франция, Австралия, Канада и др.) насчитывалось около 20 млн. российских соотечественников (2, с.293). Именно коренные социально-экономические преобразования в России усилили процессы возвращения соотечественников в Россию.

Согласно имеющимся оценкам, за последнее десятилетие ХХ в. из бывших союзных республик в РФ выехало 3 млн. этнических русских из 25,3 млн. проживавших там в конце 80-х годов, тогда как еще в течение 80-х годов размеры русской репатриации были в 6 раз меньше (1, с.111). Кроме того, эмиграция русских в бывшие союзные республики почти прекратилась, что в 90-е годы обеспечило значительный миграционный прирост населения России. В целом русская диаспора в неславянских постсоветских республиках за счет репатриации в Россию сократилась более чем на $\frac{1}{5}$. Эти республики потеряли русское население еще больше в результате выезда в такие независимые государства, как Украина и Беларусь, и в результате эмиграции в другие страны. При этом следует иметь в виду, что славянские государства Украина и Беларусь потеряли за счет репатриации ничтожно малую часть русского населения, чего не скажешь в отношении государств Балтии и Средней Азии.

В этих государствах репатриация происходила под влиянием этнической дискриминации или открытого нарушения прав человека. «Выдавливание» русских осуществлялось посредством ограничения в политических и гражданских правах, в использовании в официальной среде русского языка и требования сдачи экзамена на знание языков титульной национальности, вытеснения русских с их постов в сфере управления, из сфер интеллектуального труда, частнопредпринимательской деятельности.

Вооруженные конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии, Таджикистане также способствовали усилию репатриации русского населения. Обострение национальных отношений в Казахстане,

Киргизии, Туркменистане также внесло свой вклад в усиление репатриации русских из этих республик. Однако Россия в условиях затяжного социально-экономического кризиса была не в состоянии оказывать репатриантам действенную помощь, что также создавало препятствия для подобной миграции.

Особого внимания заслуживает развитие миграционного обмена России со странами дальнего зарубежья, за пределами стран СНГ и Балтии. Из России в зарубежные страны после крушения СССР устремился мощный поток интеллектуальной и этнической эмиграции. Как известно, в конце 80-х годов была изменена политика в отношении этнической миграции, что послужило сильным толчком для ее развития. Следует отметить, что учет лиц, находящихся в когорте этнических мигрантов, определялся по факту снятия с регистрации по месту жительства, а потому оказался далеко не полным: многие, выезжая из страны, по разным соображениям не выписывались. Поэтому точно определить численность участников процесса представляется невозможным.

Направление этнической эмиграции на протяжении всего периода конца 90-х – начала третьего тысячелетия в общих чертах было стабильным. Больше всего этнических эмигрантов выезжало в Германию, за ней следуют Израиль и США. Эмиграция в Германию этнических немцев достигла пика в 1995 г., составив 79,6 тыс. человек, а в последующий период сократилась и в течение ряда лет колебалась вокруг 50 тыс. человек. Эмиграция в Израиль евреев по размаху значительно уступала выезду в Германию и постепенно угасала, в 1997 г. опустившись до 14,3 тыс. человек. Финансовый кризис августа 1998 г. способствовал усилиению этнической миграции, что в 1999 г. привело к его более чем удвоению. Удельный вес США значительно уступал двум упомянутым странам, составляя 11–15 тыс. человек, чему способствовал более строгий отбор и контроль за иммиграцией. Тем не менее указанные три страны обеспечивают свыше 90% когорты российской этнической миграции (1, с.114–115).

Хотя основу подобной эмиграции обеспечивают этнические меньшинства, их роль падает. В начале 90-х годов за рубеж устремились самые активные их представители, а в последующий период доля немцев и евреев постепенно сокращалась при увеличении эмиграции русского населения. В итоге к концу столетия

руssкие стали самой многочисленной этнической группой в составе подобных мигрантов. Кроме того, russкие эмигранты как бы осваивают весь зарубежный мир, уже не имеют четко очерченного направления эмиграции: в 1999 г. самая многочисленная группа russких устремилась в Германию (44% всех эмигрантов за рубеж), на втором месте стоит в качестве направления эмиграции Израиль (34%), далее идут США, Канада, Финляндия и прочие страны.

Постепенно в сферу этнической миграции помимо Москвы и Санкт-Петербурга втягиваются и провинциальные центры, что ведет к уменьшению удельного веса столицы и Санкт-Петербурга в общем объеме этнической миграции.

Характерной особенностью эмиграции последнего 15-летия были существенные размеры интеллектуальной миграции. Россия, как и ряд других стран, в первую очередь развивающихся, стала поставщиком наиболее квалифицированных кадров, а эмиграция из России приобрела в отмеченный период характер «утечки мозгов». Из страны в большом количестве устремились на Запад талантливые ученые, особенно физики, компьютерщики, математики, программисты. В эмиграцию отправились многие студенты, стажеры. В их составе примерно уравновешено соотношение мужчин и женщин, однако возрастной состав характеризуется преобладанием более молодых.

Между западными и российскими предпринимателями развернулась борьба за талантливых студентов и молодых ученых из России. Для привлечения «мозгов» из России используются такие средства, как выделение грантов и именные стипендии. Пока что иностранные компании имеют явное финансовое преимущество. В конце апреля 2003 г. Фонд содействия отечественной науке, учрежденный Р.Абрамовичем, О.Дерипаской, А.Мамутом, выделил очередные гранты 84 российским ученым, а всего за три года было выделено более 2 млн. долл. (с.38). Отечественные предприниматели осознали выгодность инвестиций в мозги отечественных молодых и талантливых ученых, которые потом можно использовать на благо возглавляемых ими компаний. Это тем более выгодно, что иностранные компании ведут настоящую «охоту» за молодыми российскими учеными. Поэтому возникает надежда, что в России удастся сократить «утечку мозгов» на Запад. Этому призваны способствовать не только гранты Министерства образования, но и

такие формы, как учрежденный им совместно с Алтайским государственным техническим университетом Государственный фонд содействия развитию малых форм предпринимательства с целью привлечения студентов к развитию инициативы и предпримчивости в научно-техническом творчестве («Ползуновские гранты»).

Однако государственные гранты не могут конкурировать с грантами частных предпринимателей и тем более с представляемыми иностранными фондами и компаниями, ни по размерам, ни по разнообразию. Благотворительный фонд В. Потанина также осуществляет три стипендиальные программы («северную», федеральную и «школьную») для студентов и школьников, а также выдает гранты аспирантам и молодым преподавателям. Именные стипендии выдает также с 1999 г. нефтяная компания ЮКОС, возглавляемая М. Ходорковским. Стипендиаты должны быть студентами вузов, связанных с нефтеперерабатывающей, химико-металлургической и газовой отраслями (5, с.39).

Теоретическая наука в России нашла поддержку частной компании «Вымпелком», учредившей благотворительный фонд «Династия», а отбор кандидатов на именные стипендии студентам и молодым ученым осуществляет ученый совет при Международном центре фундаментальной физики в Москве (5, с.39). Творческие вузы получают средства из благотворительного фонда пианиста Н. Петрова для именных стипендий студентам Московской консерватории им. Чайковского, Российской академии музыки им. Гнесиных, Школы-студии при Государственном академическом ансамбле народного танца под руководством И. Моисеева.

Однако в деле привлечения российских специалистов и студентов российским вузам и благотворительным фондам трудно конкурировать с иностранными компаниями и фондами. Причем помочь российским ученым, аспирантам и студентам оказывается не только в пределах России, но и за рубежом, что стимулирует развитие эмиграции. К тому же помочь, оказываемая из-за рубежа, гораздо больше и более привлекательна, чем вспомоществование российского бизнеса, стремящегося не только проявлять меценатство, но и уводить значительные суммы из налогооблагаемой базы. Иностранные компании получили возможность отбирать будущих своих сотрудников из числа студентов старших курсов московских вузов (МГТУ им. Баумана, МГУПС – бывшего МИИТа и др.) (5, с.40).

Крупнейшие иностранные общественные фонды также стараются «вербовать» российских студентов для последующего привлечения их на работу в свои страны. В их числе Фонд Форда, совместный фонд Академии наук и ООО «Филип Морис сейлс энд маркетинг», фонд Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (АСПРЯЛ).

Как отмечает автор, наиболее хорошо отложенная система «охоты за головами» – американская. США в целях привлечения талантливой иностранной молодежи предоставляют иностранным студентам разные виды вспомоществования: стипендии – простые, типа материальной помощи, без дополнительных обязательств от студентов, кроме благодарности; дотации, выдаваемые неформальными научными обществами, работающими над конкретными проектами; стипендии в скрытой форме типа снижения официальной стоимости обучения особо перспективных студентов.

Для привлечения специалистов американский фонд APICS выделяет стипендии и гранты иностранным студентам при условии, что эти студенты, обучающиеся в своей стране, приедут в американский университет для выполнения в его стенах определенного исследования. Помощь иностранным студентам оказывают также фонд IMA, образовательный фонд памяти Роберта Кауфмана, фонд Международного клуба бизнесменов.

Именные стипендии в большинстве своем носят временный характер (рассчитаны максимум на год-два) Российские студенты, проучившиеся в западных вузах, возвращаются в свои институты и защищают дипломы. Затем в 70% случаев заключают контракт с тем западным университетом, где обучались, или с той фирмой, где стажировались, и уезжают на Запад. Так осуществляется в последние годы «утечка мозгов» (5, с.41).

В процесс использования талантливых российских «мозгов» для стимулирования научных исследований во Франции в интересах развития ее национальной экономики включились и французские предприниматели. Франция проявляет большую заинтересованность в привлечении талантливых российских студентов на французский образовательный рынок и позднее – во французскую экономику, а потому вузы страны втрое увеличили квоту для российских студентов. Считается, что русские студенты, имея огромный потенциал, отличные теоретические знания, могут дать толчок развитию

французской высшей школы, а французские предприятия, работающие на российском рынке, нуждаются в квалифицированных специалистах из России (6, с.56). Поэтому президент Франции Ж.Ширак в начале 2003 г. предложил увеличить квоту обучающихся во Франции российских студентов с 2 тыс. до 6 тыс. человек.

Автор статьи в журнале «Итоги» М.Соловьева опровергает утверждение французской стороны о бесплатном обучении во Франции. Французская сторона расширяет сеть представительств EduFrance, планируя открыть их во всех крупнейших университетах центра России. При этом упорно навязывается мысль, что карьеру можно сделать только с европейским дипломом. Действительно, российские дипломы о высшем образовании в большинстве своем за рубежом не котируются, а многие вообще не признаются. Действительно, многие инженерно-технические предметы, менеджмент, управление, экономика и право преподаются в европейских вузах лучше, чем в России, а материально-техническое обеспечение университетов и технических вузов более современное; европейское гуманитарное образование исторически не было идеологизировано, как в прошлом в России.

Хотя услуги этого представительства, как и все высшее образование Франции, теоретически считаются бесплатными, за многое надо платить: за оформление документов при поступлении (200–500 евро), за жилье (200–250 евро в месяц), за медицинскую страховку, за питание. Месячные расходы достигают 1000–1500 евро, что при контингенте обучающихся иностранных студентов во Франции в 170 тыс. человек означает солидное денежное вливание во французскую экономику (6, с.58). Поэтому очевидна экономическая выгода от увеличения квоты приема российских студентов во Франции.

Столь же важны и экономические последствия привлечения во Францию новых молодых специалистов и научных кадров, особенно обладающих интеллектуальным потенциалом и знаниями российских студентов, способных двигать вперед образование и науку Франции. Франция в последние годы пошла даже на смягчение своих требований по части знания французского языка от иностранных студентов. Для этого студенты могут слушать лекции на английском языке или за счет французского вуза изучать несколько месяцев французский.

Франция делает все возможное, чтобы привлечь в страну лучшие мозги. Поэтому она не пошла на подписание соглашения с РФ о взаимном признании документов об образовании, что соответствует политике активной «охоты за головами», которую ведет Франция. Кроме того, привлекая к исследованиям иностранных студентов, Франция получает ощутимую выгоду: интеллектуальный продукт, выдаваемый студентом, принадлежит той стране, в которой он учится. В то же время непризнание российского диплома должно, как считают французы, стимулировать отъезд молодых и умных, стремящихся сделать научную карьеру, во Францию (б, с.58).

Перед Россией стоит важная задача упорядочения внешней миграции населения, в том числе не только эмиграции, но и иммиграции. В этой связи принятый еще в недавнем прошлом Государственной Думой РФ закон «О гражданстве РФ» предполагает существенное усложнение процедуры получения российского гражданства. Соискателям придется сдавать экзамен на знание русского языка, а совершившим преступление на своей исторической родине дорога в Россию будет вообще закрыта (исключение из этого правила может сделать только президент РФ). Вопросы миграции намечено было передать в Службу общественной безопасности МВД РФ. Это подразделение, в котором будет сосредоточено 2/3 личного состава российской милиции, помимо вопросов миграции будет отвечать за безопасность граждан РФ (8, с.18).

Как отметил глава Службы общественной безопасности МВД А.Чекалин, иностранные граждане совершают ежегодно в России около 30 тыс. преступлений (8, с.19), причем подавляющая часть преступлений совершается против тех же иностранных граждан. Самым распространенным видом преступлений в отношении иностранцев является вымогательство. При действовавшей до последнего времени системе иностранные граждане (в основном выходцы из СНГ) могли при минимуме усилий стать гражданами РФ. До недавнего времени процедура оформления гражданства на основе публикуемых в периодической печати объявлений носила полумошеннический характер, вплоть до подделки документов.

В МВД намечалось создать орган по борьбе с нелегальной миграцией, по учету мигрантов (чем ранее занималось Министерство по делам федерации через специально созданный орган – Федеральную миграционную службу), по поиску незаконных

мигрантов и их депортации. Возможно создание пунктов временного размещения для нежелательных иммигрантов и их последующей депортации. МВД предложило ввести специальный залог, который иностранцы будут платить по прибытии в Россию, что должно гарантировать в случае депортации иностранца возмещение расходов по его высылке. Намечалось выйти с законодательной инициативой об усилении ответственности за незаконную иммиграцию. Намечалось не применять жесткие меры наказания вплоть до лишения свободы, а лишь использовать экономические рычаги типа штрафных санкций, наложения ареста на имущество.

Пока что финансовые ресурсы РФ не позволяют устраниить «прозрачность» южных границ России, однако, по мнению автора, целесообразно использовать институты межгосударственных соглашений.

Список литературы

1. Зайончковская Ж.А. Миграция // Население России/ Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека; Отв. ред. Вишневский А.Г. – М., 2001: Восьмой ежегодный демографический доклад. – С.101–129.
2. Ионцев В.А. Экономические и демографические аспекты «внешней» миграции населения в России// Эмиграция и депатриация в России / Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В.; Сост. и гл.ред. Бондарев А.А. – М.: Попечительство о нуждах рос. депатриантов, 2001. – С.293–391.
3. Особенности международной миграции рабочей силы в России // Рубинская Э.Т., Солодков Г.П. Россия в процессах международной трудовой миграции: Учеб. пособие / Сев.-Кавк. акад. гос. службы, Рост. междунар. ин-т экономики, Каф. междунар. экон. отношений. – Ростов н/Д, 2001. – С.203–345.
4. Камакин А. Расчет окончен // Итоги. – М., 2003. – №17 (359). – 29 апр. – С.10–16.
5. Соловьева М. Охотники за умными головами // Итоги. – М., 2003. – №18 (368). – 6 мая. – С.38–41.
6. Соловьева М. Охота за головами: Франция признает российских студентов и не признает российские дипломы // Итоги. – М., 2003. – №9 (351). – 4 марта. – С.56,58.
7. Радзиховский Л. Дорогое гражданство // Итоги. – М., 2002. – №8 (298). – 26 февр. – С.22.
8. Камакин А. Милиция защитит Россию от иностранцев // Там же. – С.18–20.

В.Г.Былов

Миграция в Российской Федерации (Сводный реферат)

Сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов С.Ю.Корнекова и Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена И.С.Семенова анализируют направление и характер внутренней миграции в России (1). По их мнению, в современной России произошли коренные изменения в причинах, направлении и интенсивности миграционных потоков. На протяжении всего послевоенного периода, вплоть до начала 90-х годов, преобладали миграционные потоки из центральных областей Европейской части на Восток и Север, однако в 90-е годы их направление изменилось на противоположное. Основная причина, обусловившая столь кардинальные изменения в их географии, – переориентация российской экономики на рыночные отношения.

Экономический кризис, по мнению авторов, способствовал появлению (особенно в наиболее сложных в социально-экономическом и климатическом отношении районах Севера и Востока) значительных контингентов «лишних людей»: безработных, членов их семей, частично работавших пенсионеров, оставшихся без средств к существованию в связи с закрытием многих предприятий и сокращением объема производства. «Лишними людьми» оказался и весьма многочисленный контингент военнослужащих и членов их семей вследствие существенного сокращения вооруженных сил в приморских районах Дальнего Востока и Севера европейской части. Последнее обусловлено коренными изменениями в геополитическом и экономическом положении современной России.

Однако усиление оттока населения из суровых в климатическом отношении районов страны, где все виды деятельности человека сопряжены с пороговым удорожанием, является не только следствием глубокого экономического кризиса, но и объективным и долговременным явлением. Сегодняшний экономический потенциал отечественных районов Крайнего Севера и приравненных к ним территорий не сопоставим с численностью занятого в его хозяйстве и проживающего здесь населения. Это обусловлено как чрезвычайно низким уровнем производительности труда (в 7–12 раз ниже, чем на канадском Севере), так и весьма слабой системой территориального разделения труда с южными регионами. Последнее заставляет северян производить самим многое из того, что экономически выгоднее завезти. В результате в районах Крайнего Севера и приравненных к ним территориях России проживали в 1999 г. 11,7 млн. человек, тогда как население всего зарубежного Севера не достигает и 200 тыс. человек (1). Отсюда единственно рациональный путь освоения богатого природно-ресурсного потенциала северных и восточных районов страны – максимальная механизация труда при возможно меньших затратах живого человеческого труда, что с успехом было апробировано на Аляске и в районах канадского Севера.

Другие кардинальные изменения в миграционных процессах на территории нашей страны не столь долговременны и сопряжены с распадом СССР, обострением политических и национальных проблем в бывших союзных республиках. В миграционном обмене с остальными государствами постсоветского пространства на протяжении 90-х годов Россия имела ярко выраженное положительное сальдо, достигавшее наибольших величин в самые тяжелые периоды экономического кризиса. В суммарном притоке мигрантов лидировали Казахстан и Украина, вместе поставлявшие более половины прибывающих в Россию мигрантов. Основной поток эмигрантов направлялся на Украину, в Германию и Казахстан. Положительное сальдо внешней миграции имеет чрезвычайно важное значение для России в силу прогрессирующей естественной убыли ее населения. На сегодняшний день оно является единственным фактором, сдерживающим стремительное сокращение абсолютной численности россиян.

Характер трудовой миграции в мире и в России анализируется в статье сотрудников миграционной службы Челябинской области Н.Н.Суворовой и Е.А.Поповой (2). Как отмечают авторы, в конце 80-х – начале 90-х годов в России сложилась весьма непростая ситуация в сфере занятости. С одной стороны, экономический кризис вызвал рост безработицы и падение уровня жизни, что побуждало представителей ряда профессий искать приложение своим силам за рубежом. С другой стороны, Россия по сравнению с государствами СНГ сохранила более прочное экономическое положение, а потому ее рынки рабочей силы оставались привлекательными для иностранных граждан. Свою стимулирующую роль сыграла и «теневая экономика», спрос которой на рабочую силу не мог быть полностью удовлетворен за счет местных источников.

По данным государственной статистики, в России трудовая иммиграция примерно в 10 раз превышает трудовую эмиграцию. В последние годы число зарегистрированных не опускается ниже 210–240 тыс. человек. Основные страны – экспортеры иностранной рабочей силы определились еще пять лет назад: Украина (28% от всего числа работников), Турция (13), Китай (12), КНДР (6), Вьетнам (5), Югославия (6), Армения и Молдова (по 3%). Это официальные данные. Количество незаконных трудовых мигрантов в десятки раз превышает официальные данные, в том числе нелегалов из стран СНГ.

Территориальная структура распределения иностранной рабочей силы в России неравномерна. Трудящиеся-мигранты устремляются туда, где есть соответствующие ниши на рынке труда: Центральный район, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Урал.

Переходя далее к анализу ситуации в Челябинской области, авторы отмечают, что доля иностранной рабочей силы в регионе составляет 2% общего количества трудовых мигрантов. Основной поставщик – Китай (около 50% общей численности иностранной рабочей силы). Далее следуют Корея, Польша, Югославия, Вьетнам, Турция. Трудящиеся-мигранты заняты в строительстве, промышленности, сельском хозяйстве, торговле, общественном питании.

Масштабы международной миграции рабочей силы неуклонно возрастают во многих регионах нашей страны. Эта тенденция характерна для всего мира. За последние 40 лет масштабы международной миграции рабочей силы возросли с 3,2 млн. до 35 млн.

человек. Центрами притяжения рабочей силы являются США, Канада, Австралия, Западная Европа. Кроме того, миграция направлена в нефтедобывающие (арабские) страны.

Следует различать два вида последствий миграции рабочей силы. Для стран – экспортёров рабочей силы они связаны с расходами на обучение и здравоохранение, размером безработицы и налогов, объемом валового национального продукта, ростом инфляции. Для страны, принимающей мигрантов, последствия носят как положительный, так и отрицательный характер. Бесспорным, однако, является одно: от перемещения рабочей силы выигрывают сами мигранты, их работодатели и работники «страны-донора» (в связи со снижением предложений рабочей силы).

Ранее процесс международного обмена трудовыми ресурсами был сравнительно стихийным. Сейчас же он все более становится управляемым. Международная организация труда (МОТ) в этом плане играет особую роль. Она обязывает страны, следующие нормам международного права, организовывать бесплатные службы для информации мигрантов, содействовать перемещению мигрантов, оказывать им медицинские услуги, разрешать перевод на родину заработанных средств. Каждая страна на основе национального законодательства определяет свою политику в области регулирования процессов перемещения рабочей силы. Она включает в себя как иммиграционное, так и эмиграционное направление. Российское правительство своим постановлением «О мерах по поддержанию занятости населения» (№ 659 от 22 июня 1999 г.) определило «принять дополнительные меры по предотвращению нелегального привлечения и использования иностранной рабочей силы».

Из-за существующих разногласий в действующем законодательстве Российской Федерации незаконно работающие граждане СНГ и их работодатели реально никакой материальной и уголовной ответственности не несут. Однако такого рода ответственность должна быть, и определяться она должна нормами международного права и особенностями развития нашей страны.

Рассматривая влияние сложившейся в регионах миграционной ситуации на состояние рынков труда Российской Федерации, О.А. Парфенцева, сотрудник ИМЭИ при Минэкономразвития России (3), указывает, что функционирование современного рынка труда России находится в прямой зависимости от состояния предложения

рабочей силы, формирующегося не только под влиянием естественного движения населения, но и сложившейся миграционной ситуации. Особенности естественного и миграционного движения свидетельствуют о вероятном изменении предложения на рынке труда в средне- и долгосрочной перспективе. Для одних регионов высокие показатели естественного и механического движения являются причиной сохранения кризисного состояния рынков труда, для других – тенденции демографической ситуации можно рассматривать как фактор, способствующий в перспективе выходу рынков из кризиса.

По особенностям сложившейся миграционной ситуации и по степени влияния миграции на формирование трудоактивного населения за период 1996–1999 гг. регионы Российской Федерации объединяются в шесть типов: «слабые реципиенты», «умеренные реципиенты», «активные реципиенты», «активные доноры», «умеренные доноры», «слабые доноры».

Анализ состояния рынков труда по выделенным типам показал, что для большинства регионов России миграция выступает как фактор роста численности населения трудоспособного возраста и, следовательно, миграция способствует росту предложения рабочей силы на рынке труда. Это характерно для регионов, образующих тип «активные» и «умеренные реципиенты». Миграционный прирост в этих регионах составляет от 50 до 100% естественного прироста населения трудоспособного возраста.

В регионах-донорах миграция способствует разрушению рынка труда, так как разрушается демографическая база, сокращается кадровый и интеллектуальный потенциал регионов типа «активные» и «умеренные доноры».

Таким образом, миграция в ряде случаев способствует нерациональному перераспределению экономически активного населения по территории страны, его преимущественной концентрации в центральных, южных и юго-западных районах и сокращению численности и плотности населения северных и восточных окраин.

Как показала оценка вклада внешнего и внутреннего миграционных потоков в формирование трудоактивного населения в каждом из типов регионов, в целях улучшения демографической базы и пополнения трудового потенциала, а также эффективного

распределения рабочей силы между субъектами РФ, особую актуальность сегодня приобретает привлечение в страну (особенно в типы «активные» и «умеренные» доноры) этнических русских из ближнего зарубежья. Тем более что, учитывая емкость территории и промышленный потенциал, Россия может принять всех желающих возвратиться на родину. По подсчетам специалистов, миграционный потенциал населения ближнего зарубежья составляет 24 млн. человек (3, с.116). Однако активный приток населения в Россию возможен только в случае улучшения социально-экономического положения в стране, повышения спроса на труд и эффективного использования рабочей силы.

Неравномерность размещения населения по территории страны, различия демографической и миграционной обстановки обусловливают региональные различия совокупного предложения рабочей силы на рынке труда. В то же время диспропорции социально-экономических условий, уровня жизни, уровня производства между субъектами РФ обусловливают различия в формировании спроса экономики на рабочую силу на различных территориях. Несбалансированность спроса и предложения рабочей силы создает напряженность на рынке труда.

Для выявления степени влияния миграции на рынок труда был введен специальный показатель – коэффициент миграционной нагрузки (КМН) на рынок труда, определяемый как отношение миграционного прироста населения трудоспособного возраста к заявленной в службы занятости потребности в рабочей силе.

Расчетные данные за 1996–1999 гг. показали, что в целом влияние миграции на рынок труда снижается. Однако в ряде регионов КМН остается достаточно высоким, в первую очередь по причине низкого спроса на рабочую силу. Максимальное значение КМН – в Республике Ингушетия (29 человек на 1 вакансию). Более пяти мигрантов в трудоспособном возрасте на одну вакансию претендуют в таких регионах, как республики Северная Осетия, Адыгея, Алтай. Среди регионов Центральной России выделяются Ленинградская, Новгородская, Ивановская, Калининградская области. Наименьший коэффициент миграционной нагрузки на рынок труда наблюдается в регионах с наибольшей возможностью самозанятости и самотрудоустройства и с высоким спросом на рабочую силу. Как показала оценка, такие регионы располагаются в

основном в центральных районах России и относятся к «активным» и «слабым» реципиентам.

В регионах-донорах КМН на рынок труда имеет отрицательное значение. При этом чем выше модуль значения коэффициента, тем быстрее разрушается рынок труда, т.е. сокращается численность населения трудоспособного возраста, а следовательно, сокращается трудовой потенциал. Анализ особенностей функционирования рынка труда и формирования его основных параметров в типологических группах регионов-доноров показал, что снижение предложения рабочей силы происходит в результате того, что выезжают наиболее активные квалифицированные кадры, а это сокращает трудовой и интеллектуальный потенциал, разрушает сам рынок труда территорий, относящихся в первую очередь к «активным» и «умеренным» донорам.

На основе сопоставления показателей занятости населения и рынка труда с КМН с учетом выявленных тенденций и закономерностей, с учетом влияния миграции на рынок труда было выделено 37 наиболее проблемных регионов. Кроме того, сравнительный анализ качественных характеристик местного экономически активного населения и мигрантов показал, что в 37 регионах желателен приток мигрантов с высшим и специальным образованием, а в 17 регионах – миграционный приток даже высококвалифицированных кадров может осложнить ситуацию на рынке труда.

О.А. Парфенцева считает, что выделение регионов, где миграция способствует дисбалансу на рынке труда, является достаточно важным моментом, поскольку это необходимо: а) для разработки основных направлений политики занятости, учитывющей особенности региональных рынков труда, формирующихся в сложившейся миграционной ситуации; б) для определения основных мер регулирования миграционных потоков с учетом состояния региональных рынков труда.

Е.К. Кириллова (сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, г. Москва) рассматривает положение на рынке труда временной рабочей силы из Украины, Беларуси и Молдовы в России (4). Указывается, что значительную роль в формировании рынка труда в России играет трудовая миграция на основе контрактов и лицензий. За последние два года временная

трудовая миграция имеет небольшую тенденцию к снижению Так, по данным ФМС, в 1999 г. в Россию было привлечено 211,4 тыс. человек иностранных работников. Это почти на 31 тыс. человек меньше по сравнению с 1998 г. и ниже, чем в 1996 г., на который пришелся пик миграционной активности временных трудовых мигрантов. При этом трудовая миграция из стран СНГ несколько уменьшилась (99,1 тыс. человек в 1999 г. против 115,9 тыс. в 1998 г. и 118,6 тыс. в 1997 г.), а из других стран возросла (112,2 тыс., 126,4 тыс. и 122,9 тыс. человек соответственно) (4, с.73).

Иностранная рабочая сила в 1999 г. привлекалась в 84 субъектах Российской Федерации. Самыми крупными ареалами использования иностранной рабочей силы, как и в прошлые годы, оставались Москва – 73,2 тыс. человека, или 34,6% ее общей численности, Ханты-Мансийский автономный округ – 15,2 тыс. человек (7,2%), Приморский край – 10,1 тыс. человек (4,8%), Ямало-Ненецкий автономный округ – 9 тыс. человек (4,2%), Московская область – 8,6 тыс. человек (4,1%), Белгородская область – 8,1 тыс. человек (3,8%), Краснодарский край – 6,6 тыс. человек (3,1%) (4, с.73).

Иностранная рабочая сила привлекалась из 123 стран мира. Главными странами – поставщиками иностранных рабочих по-прежнему оставались Украина (62,9 тыс. человек, 29,7%), Турция (26,7 тыс. человек, 12,6%), Китай (24,3 тыс. человек, 11,5%), Вьетнам (10,1 тыс. человек, 4,8%), КНДР (10,1 тыс. человек, 4,8%), Республика Молдова (8,6 тыс. человек, 4,1%) и Республика Югославия (8,2 тыс. человек, 3,9%) (4, с.73).

Анализ статистической информации показал, что в нынешних условиях в целом сохранились тенденции прошлых лет, однако есть и специфические изменения. Так, с 1997 г. несколько сократилось привлечение иностранной рабочей силы в строительство, в сельское хозяйство. В то же время заметно возросла численность временных трудовых мигрантов в общей коммерческой деятельности. Сократилось в 2 раза число иностранной рабочей силы из Украины – в промышленности (с 19,9 тыс. человек в 1996 г. до 9,9 тыс. человек в 1999 г.), на транспорте (с 13,5 тыс. человек до 8,2 тыс.), в строительстве (с 37,4 тыс. до 25,8 тыс.). В торговле и общепите удельный вес занятых иностранных рабочих увеличился почти в 2,5 раза. В то же время численность иностранной рабочей силы из Молдовы в российской промышленности имеет тенденцию к

увеличению (2,5 тыс. человек в 1999 г. по сравнению с 1 тыс. человек в 1996 г.); на 1/4 увеличилось количество иностранных работников из Украины, занятых в торговле и общественном питании. С подписанием договора об образовании Союза России и Беларуси последняя приобрела иной политический статус. С 1997 г. регистрация иностранной рабочей силы из Беларуси не ведется, так как она теперь не является таковой, в то время как в предшествующие годы оттуда прибывало ежегодно 10–11 тыс. зарегистрированных работников (4, с.73).

За последние годы возрастает число нелегальных мигрантов, составляющих, по экспертным оценкам, примерно 30–40% от численности официально регистрируемых (легально работающих) временных трудовых мигрантов. По данным некоторых экспертов, их численность гораздо больше, чем легальных. Однако из-за несоответствия нормативных актов федерального и регионального законодательства существует законодательный вакуум в отношении нелегальной миграции. Чтобы навести порядок в трудоустройстве огромного количества иностранной рабочей силы и улучшить контроль за режимом их пребывания в Москве, утвержден новый порядок учета и оформления иностранных граждан, работающих в сфере услуг.

На основе обследования занятости временных трудовых мигрантов из Украины, Беларуси и Молдовы в различных отраслях хозяйства Москвы и Белгородской области были выявлены состав, условия работы и оплаты труда, условия быта, дальнейшие намерения временной рабочей силы, изучено положение на рынках труда данных категорий иностранной рабочей силы в настоящее время, выявлена динамика изменения по сравнению с 1995–1996 гг., когда были проведены первые исследования указанных трудовых мигрантов. Были обследованы временные трудовые работники, занятые в основных сферах: в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле, в сфере обслуживания, коммерческой деятельности, образовании и т.п. Единственное промышленное предприятие в Москве, которое привлекает иностранную рабочую силу, – АМО ЗИЛ. Там в основном работают гастарбайтеры из Молдовы. Украинские работники в Москве в большинстве своем работают на стройках и в городском транспорте – автобусных и троллейбусных парках, а также в фирме «Автолайн». Несколько

меньше их в торговле – в этой сфере они предпочитают работать неофициально, без оформления лицензии.

Предварительные итоги социологического обследования показали, что расширилась география стран-доноров иностранной рабочей силы, причем если раньше это были преимущественно крупные города и областные центры, то теперь наряду с ними много маленьких городов и поселков. В г. Белгороде появилось большое число совместных российско-украинских предприятий, которые работают там с привлечением значительного количества высококвалифицированной рабочей силы из Украины. Отличительной особенностью привлечения иностранной рабочей силы в настоящее время является большое количество временных работников в деятельности, связанной с ремонтом квартир, офисов, сервисным обслуживанием и т.п. Однако такие работники трудятся преимущественно по устной договоренности.

Временные трудовые мигранты, как правило, семейные, при этом большинство предпочитает оставлять семьи дома. Возраст мигрантов от 25 до 45 лет. Работающие в Москве – в основном со средним и средним специальным образованием, в Белгороде много с высшим образованием – это те, кто занят в коммерческих структурах, либо преподает в высших учебных заведениях.

Большинство мигрантов ориентировано на краткосрочную работу в России, немногие выдерживают длительный срок с минимальным количеством выходных, продолжительным рабочим днем, высокой напряженностью, в отрыве от семьи, с минимумом условий быта. Многие сталкиваются с грубым отношением со стороны правоохранительных органов.

В целом анализ статистической информации показывает, что количество привлекаемой иностранной рабочей силы из стран СНГ в российскую экономику неуклонно уменьшается. Институт лицензирования по существу не работает. В России по-прежнему требуется совершенствование законодательной базы по регулированию временной трудовой миграции.

Л.Б.Карачурина (сотрудник ВЗФЭИ, г. Калуга) (5) и А.Н.Порохова (сотрудник Минфедерации, г. Вологда) исследуют специфику миграционных процессов в Калужской и Вологодской областях (6).

Калужская область в начале 90-х годов наравне с Московской первой приняла экстренно эвакуированных беженцев из Азербайджана и впоследствии постоянно выделялась значительными показателями приема вынужденных мигрантов. По межгосударственному соглашению о выводе российской армии из Германии недалеко от Калуги, в поселке городского типа Воротынск (Бабынинский район), немецкой стороной было начато масштабное строительство благоустроенного жилья для семей российских военнослужащих, выезжающих из Германии. Эти два обстоятельства в совокупности с географической близостью к столице, по всей видимости, послужили основой для создания в начале 90-х годов нового имиджа области как некоей «миграционной воронки».

Однако миграционный приток населения из бывших союзных республик, отмеченный для Калужской области в 1990–1996 гг., не настолько новое явление для региона, ибо подобный же по размеру приток имел место и в конце 70-х годов, в период бурного промышленного развития области. Другое дело, что эти два потока (начала 90-х и почти уже 30-летней давности) абсолютно различны по своей форме и содержанию. В 70-е годы миграция в область преимущественно из Украины, Белоруссии, Молдавии, Эстонии обеспечивала рабочей силой строящиеся предприятия (машиностроения, деревообработки, пищевой промышленности) и научно-исследовательские институты г. Обнинска и г. Калуги и была как бы классическим примером «миграции за рабочими местами». В 90-е же годы основные миграционные потоки в область направлялись из Казахстана и Средней Азии. И это в основной своей массе – вынужденная миграция.

Кроме того, если в 70-е годы по размерам межреспубликанского миграционного прироста область не выделялась по сравнению с соседними, то в 90-е годы это отличие более чем очевидно. Объяснением подобной миграционной привлекательности области является комплекс обстоятельств, среди которых на первое место, по мнению Л.Б. Каракуриной, претендуют не объективные экономические, политические и прочие факторы развития региона, а субъективные предпочтения мигрантов, складывающиеся при воздействии «эффекта толпы», определенных шаблонов поведения людей в тех или иных ситуациях.

В итоге в 1990–1996 гг. область устойчиво занимала первое место в Центральном районе по общему абсолютному приросту численности населения (14,7 тыс. человек за 1992–1996 гг.). По компонентам он складывался из отрицательного естественного прироста (так же как во всех областях Центрального района) и значительного миграционного прироста (55,6 тыс. человек). По интенсивности миграционного прироста в расчете на численность постоянного населения область имела сходные показатели с Белгородской, Калининградской, Ленинградской областями, Алтайским, Краснодарским и Ставропольским краями. В этой группе все регионы, кроме Калужской области, являются приграничными (Ставропольский край административно-юридически тоже не пограничный, но соседство с Чечней фактически делает его таковым).

Однако, как и во многих других регионах России, начиная с 1994 г. в Калужской области наблюдается ежегодное сокращение миграционного прироста. Так, если в 1994 г. он составлял порядка 17 тыс. человек, в 1997 г. – около 10 тыс., в 1998 – около 5 тыс., в 1999 г. – уже менее 2,5 тыс. человек. Ежегодное снижение в указанные три года составляло 50%. Если подобная тенденция сохранится, то еще через три года миграционный прирост населения может смениться убылью. Этот настораживающий факт следует расценивать как очередное доказательство снижения общей миграционной активности населения. Оно же, в свою очередь, означает либо крах многовековых для славянского населения России психологических установок на мобильность, либо «накапливание» миграционного потенциала, что, по мнению автора, представляется более вероятным.

Прогноз возможной смены в недалеком будущем, пусть и небольшого, миграционного прироста населения Калужской области убылью представляется еще более реальным, если проанализировать динамику распределения миграционных потоков по их видам. Она характеризуется следующими данными (см. табл.).

Таблица (5, с.71)

Общие итоги миграции населения Калужской области (тыс.)

Потоки миграции	1998 г.			1999 г.		
	число прибывающих	число выбывающих	миграционный прирост	число прибывающих	число выбывающих	миграционный прирост
Всего человек	25,7	20,8	4,9	21,8	19,5	2,3
в том числе:						
– внутриобластная миграция	8,6	8,6	–	7,7	7,7	–
– межобластная миграция	11,0	10,7	0,3	9,4	10,4	-0,9
в том числе:						
миграционный обмен с областями Центрального района	12,8	15,2	-2,4	11,4	14,1	-2,7
– миграционный обмен со странами СНГ и Балтии	6,1	1,2	4,9	4,6	1,1	3,5
в том числе:						
Казахстаном	1,9	0,2	1,7	1,5	0,1	1,4
Украиной	1,4	0,5	0,9	0,9	0,5	0,3
Узбекистаном	0,8	0,04	0,7	0,8	0,07	0,7
– международная миграция	0,06	0,4	-0,3	0,04	0,3	-0,2

В 1999 г. положительное сальдо наблюдалось в области уже только в миграционном обмене с республиками бывшего СССР (этот вид миграции начиная все с того же 1994 г. имеет тенденцию к постоянному снижению и в целом по России, и по Калужской области в частности). Поток же межобластной миграции в 1999 г.

изменил свою ориентацию: число выбывших из области превысило число прибывших в нее. Выбывало население Калужской области, особенно городское, преимущественно в другие области Центрального района – 62% в целом по области и около 80% – по городскому населению. Здесь население Калужской области проявляет постоянство – основное место переселении из Калужской области – столица и Московская область. Эти субъекты Федерации прирастали населением за счет Калужской области даже тогда, когда область имела положительный для себя миграционный прирост со всеми экономическими районами, и в том числе Центральным. Фактически на протяжении десятилетий область очень активно отдает свое население лишь одному миграционному «партнеру» – Москве. Впрочем, такая структура миграционного обмена характерна для всех областей, примыкающих к Москве.

Влияние Москвы проявляется также в том, что по самым разным порайонным миграционным классификациям – будь то коэффициент интенсивности миграционного прироста или доля бывшей межреспубликанской миграции в общем миграционном обороте – в Калужской области устойчиво выделяется три группы административных районов: депрессивные и самые бедные юго-западные районы, которые объективно имеют меньшую привлекательность для мигрантов, центральная часть – г. Калуга и ближайшие пригородные районы, северо-восточная, «московская» зона притяжения мигрантов (Обнинск, Боровский, Тарусский, Малоярославский районы) – рекреационная и относительно промышленно развитая, с высокой плотностью населения.

Очевидно, переселение в такие районы может восприниматься мигрантами как этап на пути переезда в Москву или как более дешевое по сравнению с Москвой место жительства, но с возможностями (северо-восточные районы Калужской области находятся в двух часах езды от столицы) работы или проведения досуга в ней.

А.Н.Порохова, рассматривая роль миграции в решении демографических проблем в Вологодской области (6), считает, что демографическая ситуация в Вологодской области не отличается от положения дел в других регионах Севера (6). Ежегодная убыль населения (за последние 10 лет численность жителей Вологодской области сократилась на 30 тыс. человек), диспропорция между

сельским и городским населением (30 и 70%), старение населения, низкая плотность населения (9 человек на 1 кв. км), снижение межрегиональной и внутриобластной миграции. Внешняя миграция с 1995 г. перестала перекрывать естественную убыль населения. Количество прибывших в область практически равно количеству выбывших из нее (б, с. 131).

Установка государства на увеличение численности населения за счет естественного прироста находится в противоречии с существующими законами и сложившейся практикой:

- предусмотрены льготы матерям-одиночкам;
- государственная помощь опекаемым детям и многодетным семьям не предусмотрена семьям, нуждающимся в такой помощи и имеющим одного или двух детей и в основном обеспечивающим качество населения;
- система социального страхования гарантирует оплату абортов, но расходы на лечение женщин, страдающих бесплодием, государством не предусмотрены, и т.д.

В 1992–1993 гг. в Вологодской области был принят закон «Об альтернативном воспитании», призванный помочь семьям, имеющим детей, и изменить демографическую ситуацию в области. В соответствии с ним при рождении ребенка матери гарантируется ряд льгот и выплат, не предусмотренных федеральным законодательством. Объем выплат оказался столь значительным, что через несколько лет областной бюджет оказался не в состоянии их финансировать, и они были отменены.

Из числа прибывших в Вологодскую область вынужденных переселенцев процент многодетных семей и матерей-одиночек выше, чем у местного населения, причем в основном это выходцы из бывших республик Средней Азии и Казахстана. Эти семьи продолжают увеличиваться и в дальнейшем.

Мигранты расселяются в основном в городах (90% от прибывших), из них 70% – в Вологде и Череповце. Сельская местность в силу отсутствия дополнительных льгот и трудностей проживания в ней остается непривлекательной.

С 1999–2000 гг. экономика Вологодской области имеет устойчивую тенденцию к росту, большинство показателей работы промышленных предприятий (рост производства, заработная плата

сотрудников и др.) опережает аналогичные показатели соседних областей.

В этих условиях губернатор Вологодской области заключил с Федеральной миграционной службой России в 1999 г. соглашение о создании программы переселения с целью объединения федерального, областного и местных бюджетов для обустройства вынужденных переселенцев и самих граждан.

Итогом понимания администрации области важности и актуальности проблемы стало принятие на коллегии администрации области решения, закрепленного распоряжением губернатора № 74-р от 19 июля 2000 г. о внесении в программу социально-экономического развития Вологодской области 2000–2003 гг. раздела «Миграционная политика».

Е.С.Красинец (сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва) исследует использование иностранной рабочей силы в теневой экономике России (7). Один из процессов, резко изменивший ситуацию на российском рынке труда, – рост международного трудового обмена, который сопровождается многими проблемами, наиболее актуальными из которых являются увеличение масштабов нелегальной занятости иностранных граждан.

Принципиальные различия в факторах легальной и нелегальной иммиграции отсутствуют. Эти факторы в решающей мере определяются межстрановыми различиями в уровне жизни населения и ситуацией на рынке труда. Вместе с тем при объяснении роста масштабов нелегальной миграции большое значение имеют и некоторые специфические причины. В их числе – огромные масштабы теневого, неформального и криминального секторов российской экономики, несовершенство законодательства, регулирующего миграцию, «прозрачность» многих участков государственной границы, неэффективный иммиграционный контроль, неразработанность организационно-экономических механизмов депортации иностранных граждан.

Незаконная иммиграция и занятость серьезно влияют на макроэкономические процессы, ведут к ряду нежелательных последствий. Главные из них:

1) расширение масштабов теневой экономики, рост распространения нелегитимных видов занятости, снижение управляемости и повышение непредсказуемости экономических процессов;

2) усиление напряженности на «формальном» рынке труда, рост безработицы в официальной экономике;

3) искажение системы взаимоотношений между субъектами рынка и государством, необоснованное завышение конкурентных преимуществ предприятий, практикующих теневые действия и незаконное использование иностранной рабочей силы;

4) возрастание потерь для бюджета из-за недополучения платы за использование иностранной рабочей силы и уклонения от уплаты налогов.

Нелегальные мигранты осуществляют противоправную коммерческую деятельность, занимаются контрабандным вывозом за рубеж дефицитной продукции и валюты, способствуют усложнению криминогенной обстановки. Создавая неконтролируемый рынок товаров и услуг и стимулируя развитие в нем теневых сегментов, нелегалы препятствуют созданию в России эффективного цивилизованного рынка труда.

Е.С.Красинец и сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН Я.Цуприкова отмечают, что одна из основных особенностей трансформационных процессов в сфере миграции – рост масштабов нелегальной миграции (8). Особую тревогу и озабоченность вызывает ее рост в крупных городах и приграничных территориях.

Оценивая проблему нелегальной миграции на примере Воронежской области, подавляющее большинство экспертов отместили, что нелегальная миграция в регионе увеличивается. На вопрос: «Как изменились масштабы нелегальной иммиграции за последние три года?» – опрошенные эксперты дали такие ответы: ее масштабы увеличились – 72% от числа опрошенных, не изменились – 21, сократились – 4, затрудняюсь ответить – 3% (7, с.90).

Выделяются следующие основные характеристики нелегальной миграции и занятости:

– масштабы нелегальной иммиграции иностранной рабочей силы многократно превышают размеры легальной трудовой иммиграции;

- в наибольшей степени нелегальная занятость распространена среди мигрантов, въехавших на законных основаниях и незаконно пребывающих в регионе;
 - число нелегалов в неформальной сфере занятости существенно превышает количество незаконных мигрантов в формальном секторе экономики;
 - основная сфера нелегальной занятости иностранцев – в новом частном секторе хозяйства;
 - масштабы нелегального использования иностранных работников существенно различаются по отраслям экономики; основные миграционные потоки нелегалов идут в строительство, торговлю, сферу услуг и сельское хозяйство;
 - преобладающее большинство среди нелегалов составляют лица, работающие без трудового соглашения (контракта);
 - существует ряд причин роста нелегальной иммиграции иностранных граждан, однако фундаментальный фактор этой динамики – расширение масштабов скрытой и незаконной занятости в теневой экономике;
 - среди причин нелегальной иммиграции иностранных работников особую роль играют малая гибкость рынка труда и административно-бюрократические барьеры для легальной занятости иностранной рабочей силы;
 - в отдельных сегментах рынка труда незаконные мигранты создают острую конкуренцию местным работникам;
 - снижение незаконной иммиграции напрямую связано с ликвидацией экономических условий, стимулирующих незаконную деятельность, совершенствованием организационно-правовых и экономических механизмов привлечения и использования иностранных работников.
- Опросы экспертов подтвердили, что влияние нелегальной миграции на рынок труда противоречиво и имеет как негативные, так и позитивные последствия. Основные ее негативные последствия они видят в том, что интересы нелегальных мигрантов и местных работников сталкиваются в сфере занятости населения. Нелегальная иммиграция обостряет конкуренцию на рынке труда и препятствует повышению заработной платы местных работников. С другой стороны, незаконная иммиграция обеспечивает заполнение

непrestижных и непривлекательных рабочих мест и тем самым большую сбалансированность на рынке труда.

Распространение нелегальной миграции предполагает формирование целого комплекса правовых институтов и должно рассматриваться в контексте общего иммиграционного законодательства. Оно должно включать четкую юридическую регламентацию критериев и процедур въезда в страну, учитывающую все разнообразие современных иммиграционных потоков. Основная идея состоит в том, чтобы укрепить правовую базу легальной иммиграции, расширить возможности легального пребывания и занятости в стране, в то же время ужесточить политику в отношении нелегалов, нарушающих внутреннее законодательство и создающих криминальную опасность.

По мнению экспертов, в рамках комплекса неотложных мер по организационно-экономическому регулированию процессов нелегальной иммиграции и занятости необходимо выделить мероприятия по двум основным направлениям: в части мер, делающих экономически невыгодным для работодателей нанимать нелегальных мигрантов, и по созданию эффективного механизма выявления нелегалов и их депортации.

Е.С.Красинец выделяет три основных блока вопросов по снижению нелегальной иммиграции и занятости. В их числе:

а) реформирование законодательства, направленное на сокращение латентных иммиграционных процессов;

б) введение более эффективных экономических санкций за нарушение действующего порядка регистрации и занятости мигрантов;

в) дальнейшее развитие государственной системы регулирования процессов иммиграции и занятости иностранных граждан.

Обосновывая направления общей политики занятости и миграционной политики в регионах с наиболее сложной ситуацией на рынке труда, обусловленной миграционной ситуацией, и в целях снижения отрицательного воздействия миграции на рынки труда, О.А.Парфенцева (3) считает, что основной упор целесообразно делать на меры, которые призваны:

– в регионах-реципиентах – ограничивать приток мигрантов, а следовательно, препятствовать увеличению числа безработных и

способствовать ротации местного и уже прибывшего в регионы безработного населения, т.е. в первую очередь – их трудоустройство;

– в регионах-донорах – удерживать отток наиболее активной части населения и частично стимулировать приток мигрантов, т.е. самортизировать негативное влияние миграции на разрушающуюся демографическую базу и трудовой потенциал. Поэтому в таких регионах необходимо уделить большое внимание мероприятиям в области создания и сохранения рабочих мест.

Основными направлениями эффективного использования свободной рабочей силы, представленной местным незанятым населением и мигрантами, для всех без исключения российских регионов являются:

- экономическая поддержка и развитие действующей системы рабочих мест и стимулирование позитивных структурных преобразований;

- учет территориальных особенностей распределения населения, его демографических, социально-экономических, образовательных и профессионально-квалификационных характеристик;

- учет потребностей региональной экономики в рабочей силе соответствующих количественных и качественных параметров, активное внедрение мигрантов, отвечающих потребностям социально-экономического развития этих регионов;

- развитие трудовой миграции на контрактной основе для снижения напряженности на рынках рабочей силы;

- установление квотирования на предприятиях и организациях, пользующихся иностранной рабочей силой, для предотвращения конкуренции на рынках труда за престижные и высокооплачиваемые рабочие места;

- создание системы штрафов для предприятий и организаций, использующих нелегальную рабочую силу;

- поощрение предпринимательской деятельности мигрантов и деятельности малого бизнеса в области создания рабочих мест для мигрантов и безработных.

Сотрудница института народнохозяйственного прогнозирования РАН И.М.Бадыштова (9) указывает, что в условия современной иммиграционной ситуации в России вопросы отношения россиян к мигрантам приобретают особую актуальность.

В этой связи Центром изучения проблем вынужденной миграции в СНГ и лабораторией анализа и прогноза миграций Института народнохозяйственного прогнозирования РАН в апреле 1999 г. были проведены обследования населения в трех городах европейской части России – Москве, Н. Новгороде, Смоленске. Анализ результатов опросов подтвердил опасения некоторых ученых о все более широком распространении в России мигрантофобии. В представлениях горожан масштабы притока мигрантов в города, особенно крупные и средние, значительны. В Москве, например, подавляющее большинство (76,1%), а в Н. Новгороде почти половина (48%) респондентов считают, что мигрантов у них очень много.

Ощущимое большинство населения российских городов (примерно 2/3 опрошенных) относится к мигрантам откровенно недружелюбно, что выражается, в частности, в ответах на вопрос о пользе пребывания приезжих в городах. Наиболее низка доля населения, лояльного к мигрантам, в Н. Новгороде – всего 10% опрошенных считают, что присутствие приезжих полезно для их города; в Смоленске и Москве данные показатели составляют 14 и 22% соответственно. Это, однако, не означает, что все остальные опрошенные не видят никакой пользы от присутствия приезжих в их городе. Жители столицы в этом плане наиболее прагматичны. Для них, в первую очередь, важно, что мигранты заполняют «непrestижные» рабочие места (так считают 72% всех опрошенных москвичей), снижают цены на ремонт и строительство жилья (42% опрошенных), снабжают город дешевыми товарами и услугами (35,5% опрошенных). Жители же Смоленска, например, наибольшее значение придают тому, что благодаря мигрантам население города пополняется энергичными, предпримчивыми людьми, хорошими специалистами (50% опрошенных), мигранты также, по их мнению, привносят в жизнь города этническое и культурное разнообразие (29% опрошенных).

Результаты опросов показали, что немногие из местных жителей сочувствуют мигрантам, стремятся им помочь, и, наоборот, значительна доля тех, кто враждебен к приезжим. Как проявление крайней степени коллективного эгоизма местных жителей следует рассматривать их ответы на вопрос о возможности приема беженцев из зон вооруженных конфликтов: только 17,4% москвичей полагают,

что Россия должна это делать; доля же думающих так нижегородцев и смолян удручающе низка – 6,7 и 8,2% опрошенных соответственно.

Большинство участников опроса (примерно 60% по всем трем городам) полагают, что расселять мигрантов следует преимущественно в сельской глубинке. Около 70% москвичей и нижегородцев и более половины смолян выступают за различной степени ограничения прав мигрантов на жизнь в городе – от полного запрета всем переселенцам без различия до разрешения только тем, у кого в данном городе имеются родственники. Только 12–16% опрошенных высказались за разрешение мигрантам свободной прописки в городах. В пользу возможности расселения их в «своем» городе (городе опроса) высказалась ничтожно малая доля опрошенных – от 3,1% в Н. Новгороде до 1,1% в Москве (9, с.32).

Анализ результатов опросов-интервью показал, что основными мотивами мигрантофобии в городах России являются, прежде всего, опасения местных жителей по поводу обострения криминогенной ситуации в городах в связи с притоком мигрантов: так ответили 75% опрошенных в Москве, 60 – в Н. Новгороде, 52% – в Смоленске. В качестве других причин негативного отношения к мигрантам отмечается их конкуренция с местным населением на рынке труда и жилья, а также осложнение социальной обстановки – усугубляемая мигрантами грязь, нищета, попрошайничество.

Исследование выявило тот факт, что на общем в целом негостеприимном фоне восприятия мигрантов горожанами к приезжим разных национальностей и отношение разное. Наиболее терпимы опрошенные россияне к русским репатриантам: от 48% респондентов в Москве до 64% в Н. Новгороде считают что Россия должна принимать преимущественно русских из стран СНГ. При этом подавляющее большинство респондентов (80%) высказались за предоставление убежища русским беженцам из зон вооруженных конфликтов. Достаточно высок уровень лояльности также к беженцам из Югославии (вероятно, потому, что их в России почти нет). Напротив, чрезвычайно настороженно относятся наши горожане к иммигрантам из стран Африки, Китая, Афганистана.

Лишь немногим терпимее отношение к нашим бывшим и нынешним согражданам из республик Центральной Азии, Закавказья и Северного Кавказа. Принимать их готовы всего 5–10% опрошенных; при этом треть москвичей в нижегородцев и 14%

смолян высказались за запрет прописки для кавказцев. В качестве оснований для такого запрета выдвигаются подозрения в криминальной деятельности кавказцев на территории России, их стремление брать под свой контроль движение товаров и денег (через сферы гостиничного, ресторанных и автомобильного сервиса, торговлю, наркобизнес).

Итак, результаты проведенных опросов свидетельствуют, что выявленная мигрантофобия в России имеет выраженную этническую окраску: только 14% москвичей, 10 смолян и 6% жителей Н. Новгорода полагают, что Россия должна принимать всех мигрантов независимо от национальности и страны происхождения.

Таким образом, даже принимая во внимание тяжелую социально-экономическую ситуацию в России, результаты проведенных исследований не дают оснований для вывода о существовании в России развитых и глубоких демократических традиций, высоком уровне межэтнической терпимости. Можно полагать, что накладывающие отпечаток в целом на мировоззрение населения эти обстоятельства, безусловно, нашли свое отражение и в его отношении к проблеме миграции.

Список литературы

1. Корнекова С.Ю., Семенова И.С. Коренные изменения географии миграционных процессов в России // Социально-экономическое и демографическое развитие: Взаимосвязи в современной России: Междунар. науч.-практ. конф., 17 нояб. 2000 г.: Докл. и тез. докл. / Науч. совет «Пробл. демографии, миграции и труд. ресурсов» РАН. ГУ ИМЭИ при Минэкономразвития России. – М., 2001. – С.82–84.
2. Суворова Н.Н., Попова Е.А. Международное перемещение рабочей силы // Там же. – С.148–150.
3. Парфенцева О.А. Влияние сложившейся в регионах миграционной ситуации на состояние рынков труда Российской Федерации // Там же. – С.115–119.
4. Кириллова Е.К. Временная рабочая сила из Украины, Беларуси и Молдовы в России: Положение на рынке труда // Там же. – С.72–75.
5. Каракурина Л.Б. Специфика современных миграционных процессов в Калужской области // Там же. – С.70–72.
6. Порохова А.Н. Роль миграции в решении демографических проблем в Вологодской области // Там же. – С.130–132.

-
7. Красинец Е.С. Иностранный рабочий труд в теневой экономике России // Там же. – С.88–90.
 8. Красинец Е., Цуприкова Я. Нелегальная миграция и ее последствия в приграничных территориях Российской Федерации // Там же. – С.90–91.
 9. Бадыштова И.М. Как россияне относятся к мигрантам? // Там же. – С.30–33.

С.Н.Куликова

Миграционная политика в РФ (Сводный реферат)

1. Воробьева О.Д. Миграционная политика и ее реализация // Социально-экономическое и демографическое развитие: Взаимо-связи в современной России: Междунар. науч.-практ. конф., 17 нояб. 2000 г.: Докл. и тез. докл. / Науч. совет «Пробл. демографии, миграции и труд. ресурсов» РАН. ГУ ИМЭИ при Минэкономразвития России. – М., 2001. – С.14–21.
2. Мкртчян Н.В. Перспективы миграционной политики России // Там же. – С.110–112.
3. Регент Т.М. Теоретические проблемы управления миграциями в общей системе управления социальными процессами // Там же. – С.134–136.

Рассматривая проблемы миграционной политики России, Н.В.Мкртчян, сотрудник Минфедерации России, считает, что Россия в новом столетии должна продолжать заниматься нерешенными проблемами в экономике, обществе, государстве, в том числе и миграционными процессами (2).

О.Д.Воробьева, руководитель Департамента миграционной политики Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, в докладе «Миграционная политика и ее реализация» (1) указывает, что в современной России отсутствует единая научно обоснованная общегосударственная миграционная политика. Многочисленные постановления и подзаконные акты отечественного правительства и администрации, направленные на регулирование миграционных процессов, отнюдь

не заменяют, а скорее подменяют ее. Большинство общегосударственных мер в отношении миграционных процессов в нашей стране преследуют сиюминутные выгоды, а нередко принимают пожарный характер. Чаще всего они далеки от долговременных целей государства, общества и интересов самих переселенцев. Кроме того, многие государственные постановления в области миграции, не имея соответствующей финансовой и материальной поддержки, либо малоэффективны, либо вообще обречены на провал.

В основе рациональной миграционной политики должна лежать научно обоснованная концепция, содержащая цели, задачи и методы их реализации. Пока Российская Федерация не имеет такой концепции. Отдельные принципиальные и во многом фундаментальные положения такой концепции формулировались отечественными и зарубежными демографами.

Концепция миграционной политики нашего государства должна учитывать следующие обстоятельства:

– с позиций долговременных интересов государства в отношении внешней миграции первостепенной задачей является привлечение иммигрантов и сдерживание эмиграции; эта задача сегодня и на обозримую перспективу исключительно актуальна;

– необходимо больше внимания обращать на качественную сторону иммиграции, создавая наиболее благоприятные условия для привлечения в страну русскоязычного населения из бывших республик Советского Союза, а также для привлечения из-за рубежа квалифицированных и высококвалифицированных трудовых ресурсов;

– во внутренней межрегиональной миграции населения следует предусмотреть последствия реальной (и по всей вероятности долговременной) тенденции оттока населения из сибирских и малообжитых регионов Крайнего Севера, приравненных к нему территорий, восточных районов страны в среднюю полосу и южные районы России, где создавать соответствующие благоприятные условия для переселенцев.

Отмечается, что Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики стало сейчас государственным органом, ответственным за проведение государственной миграционной политики в Российской Федерации. В настоящее время перед Министерством стоит первоочередная задача: разработать

Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации. Миграционная политика должна учитывать следующие обстоятельства.

Миграционная ситуация в Российской Федерации постепенно утрачивает ряд кризисных черт, характерных для начала 90-х годов. По мере стабилизации социально-политической и экономической ситуации в стране миграционные процессы складываются не только под влиянием деструктивных факторов. Хотя все же острой остается проблема вынужденной миграции. Поэтому к основным приоритетным направлениям государственной миграционной политики авторы относят следующие.

1. Содействие вынужденным мигрантам в переселении и обеспечении условий для их быстрой интеграции в социальную среду. Это направление предполагает, прежде всего, создание условий для жилищного обустройства мигрантов и их интеграции на рынке труда (зачастую второе важнее первого) (1). Однако при существующих масштабах государственного содействия в обустройстве вынужденных мигрантов эта работа растягивается минимум на 10–15 лет. И это при благоприятном стечении обстоятельств: отсутствии межэтнического вооруженного противостояния на постсоветском пространстве, разрешении конфликтов на территории России, решении проблемы Чечни, ежегодном целевом выделении средств на обустройство вынужденных переселенцев в объемах не ниже последних двух-трех лет (2).

2. Содействие привлечению иммигрантов в Российскую Федерацию, исходя из интересов обеспечения экономики страны и ее регионов трудовыми ресурсами. Учитывая тревожные демографические перспективы и возможную напряженность на рынке труда, необходимо разрабатывать меры селективной миграционной политики (по отдельным странам, профессиям, квалификационным признакам). В данном направлении предполагается разработка системы мер по натурализации и адаптации иммигрантов, вовлечения их в российский социум (в приоритетном порядке – граждан стран СНГ). Необходимо также содействие возвращению в страну высококвалифицированных специалистов, определение пропорций привлечения мигрантов на временной и постоянной основе (1). Как все более-менее развитые страны (к которым Россия все же относится хотя бы в силу определенного развития

производительных сил) и страны с быстро стареющим населением, Россия в недалеком будущем будет вынуждена привлекать иммигрантов, как на временной, так и на постоянной основе. Пока иммиграционная политика строится в основном исходя из положения России как правопреемницы бывшего СССР и взятых в начале 90-х годов международных обязательств. Государственная миграционная политика Российской Федерации должна стремиться максимизировать положительное влияние иммиграции на демографическую динамику населения России. В перспективе необходима разработка и реализация селективной иммиграционной политики, которая будет строиться исходя из pragматических экономических и геополитических интересов. Проведение селективной иммиграционной политики должно сопровождаться процедурой натурализации иностранцев и применения санкций к лицам, натурализация которых на территории России нежелательна. Незаконная иммиграция должна пресекаться, и для этого необходимо создать эффективно действующие механизмы (2).

3. Дальнейшая цивилизованная интеграция России в международный рынок труда, регулирование экономической миграции квалифицированных кадров. Важным моментом в решении этого вопроса является усиление взаимодействия центральных и местных органов власти. Оно должно быть направлено на контроль за привлечением и использованием иностранной рабочей силы, защиту отечественного рынка труда, обеспечение приоритетного права российских граждан на занятие вакантных рабочих мест, соблюдение работодателями условий трудовых контрактов (1). Россия должна разрабатывать эмиграционную политику, осуществлять регулирование экономической миграции квалифицированных кадров. Необходима система мер, направленных на стимулирование возвращения в Россию эмигрантов, ранее выехавших за границу на постоянное место жительства или по трудовым контрактам, в первую очередь – высококвалифицированных специалистов и предпринимателей. Одновременно в стране следует выработать и поддерживать систему приоритетной поддержки высококвалифицированных специалистов ведущих отраслей (2).

4. Создание условий для добровольного возвращения беженцев в места их прежнего проживания.

5. Поддержка и развитие конструктивных взаимоотношений с соотечественниками за рубежом (1). Учитывая развитие интеграционных тенденций на постсоветском пространстве, а также все более активное вхождение в мировой рынок труда, Россия должна выработать политику в отношении граждан, длительное время живущих и работающих в других государствах, имея при этом в виду, что эти люди представляют собой важнейший «человеческий потенциал», который желательно использовать с максимальной пользой для страны. Должна быть четкая политика в отношении зарубежных соотечественников, в том числе бывших эмигрантов (необязательно представителей коренных российских народов, а «русско-культурных», по определению демографа М. Тольца), которая бы предоставляла им ряд преференций при иммиграции в страну, вложения капиталов и т.п. (2).

6. Обеспечение контролируемости иммиграционных процессов на территории Российской Федерации.

7. Стимулирование территориального распределения населения, содействие более эффективному использованию трудовых ресурсов. Это направление включает создание условий для повышения территориальной мобильности рабочей силы (таких как развитие, балансирование рынков жилья и рынков труда). Сюда относится также содействие переселению граждан из ликвидируемых населенных пунктов, разработка и проведение мероприятий по ограничению притока мигрантов в районы с неблагоприятными экологическими условиями. В качестве способов регулирования миграционных потоков следует назвать использование целевых инвестиционных программ, введение протекционистских мер в интересах определенных отраслей, регионов, проведение определенной кредитно-финансовой, налоговой политики, имея в виду совершенствование межбюджетных отношений. Для регионов с экстремальными природно-климатическими условиями, как наиболее рациональный, предусматривается постепенный переход на преимущественно ротационную систему формирования трудовых ресурсов (1). Необходимо ограничивать приток мигрантов в районы с неблагоприятными экологическими и природно-климатическими условиями, содействовать переселению граждан из указанных местностей, из ликвидируемых населенных пунктов, поселков и городов с деградирующей градообразующей базой (2).

8. Создание условий для сохранения и дальнейшего формирования населения в важных в geopolитическом отношении регионах Российской Федерации (приграничных и др.). Это направление предусматривает восстановление экономической активности предприятий и развитие новых секторов экономики зоны Севера с расширением применения рабочей силы из других регионов страны на временной основе. Будет оказываться государственное содействие развитию инфраструктуры и социальной сферы в стратегически важных районах путем проведения активной региональной экономической политики (1).

Не менее важная составляющая государственной политики – политика в отношении внутренней миграции. Она должна выполнять функцию оптимизации территориального распределения населения, содействовать более эффективному использованию трудовых ресурсов, обеспечивать geopolитические интересы страны. Она должна создавать условия через развитие рынка жилья и рынка труда, их балансирование для повышения территориальной мобильности рабочей силы. Миграционные процессы будут регулироваться посредством целевых инвестиционных программ и введения ряда протекционистских мер в отношении определенных отраслей и регионов.

Нельзя полностью пускать на самотек процессы формирования численности и состава населения в важных в geopolитическом отношении регионах Российской Федерации, прежде всего – на востоке страны. При этом основной акцент должен быть сделан не на переселении мигрантов из других областей, а на сохранении уже проживающего населения. Иммиграция из зарубежных стран в регионы будет идти. Однако не стоит преувеличивать опасения в усложнении этнической структуры населения в этих регионах: важно, чтобы иммигранты становились лояльными российскими гражданами (2).

Таким образом, миграционная политика не будет ограничиваться только решением проблем вынужденных мигрантов и созданием системы иммиграционного контроля. Она должна быть ориентирована на регулирование миграционных потоков в целях улучшения демографической и социально-экономической ситуации в России.

Главной формой реализации миграционной политики всегда был и останется программно-целевой метод: разработка и реализация Федеральной миграционной программы, других федеральных целевых программ, региональных программ субъектов Российской Федерации.

Начиная с 1994 г. Федеральная миграционная программа является реальным механизмом исполнения федеральных законов Российской Федерации «О вынужденных переселенцах» и «О беженцах» и нормативных актов, касающихся вопросов вынужденной миграции. За период действия программы получили помочь в обустройстве за счет средств федерального бюджета более 500 тыс. человек (в том числе более 100 тыс. за счет долговременных беспроцентных возвратных ссуд на жилищное обустройство, строительство и/или приобретение жилья) и за счет местных бюджетов – более 100 тыс.

За период действия федеральных законов «О вынужденных переселенцах» и «О беженцах» и Федеральной миграционной программы, постепенно снижается численность как обратившихся за ходатайством о предоставлении статуса вынужденного переселенца и беженца, так и обладающих данным статусом. В целом по России в 1998 г. получили статус вынужденного переселенца – 117,7 тыс. человек, в 1999 г. – 78,7 тыс. человек. По существующему прогнозу, приток вынужденных мигрантов только из стран СНГ и Балтии в 2000 г. должен был составить около 80–85 тыс. человек, в 2001 г. – 70–75 тыс. человек (по среднему варианту прогноза).

Причин тут несколько: это и относительное снижение экономической привлекательности России в целом, и затянувшееся решение вопросов обустройства. Но это общие цифры. Сегодня нужны прогнозные расчеты с более высокой степенью детализации, в различных вариантах, опирающиеся на различные сценарии, подходы. Нужен целевой прогноз, прогноз-предупреждение.

Но, несмотря на общее сокращение притока вынужденных мигрантов в Россию, острота проблемы по их приему и обустройству не снижается. Происходит падение уровня обеспеченности прибывающих вынужденных мигрантов и растет доля социально незащищенных групп, а это ежегодно увеличивает число людей в очередях на жилье, предоставление ссуд и компенсационных выплат.

В последние годы из-за проводимой контртеррористической операции в Чеченской Республике увеличилась доля расходов на содержание вынужденных мигрантов в условиях чрезвычайной ситуации (лагеря и городки на территории Чечни и Ингушетии, арендованные гостиницы в других регионах).

Существует такая статья расходов федерального бюджета, как «компенсационные выплаты за утраченное жилье и имущество гражданам, пострадавшим в результате разрешения кризиса в Чеченской Республике в 1996 г. и покинувшим ее безвозвратно». Эти расходы не предусматривались Программой, однако именно из Программы отвлекаются средства на их финансирование. За последние два с половиной года компенсации получили более 14 тыс. семей на общую сумму 1 млрд. 372 млн. руб. Не являясь мероприятием Программы, этот вид расходов ежегодно составлял около трети ее бюджета: в 1998 г. – 36%, 1999 г. – 33, 2000 г. (план) – 30% (1,с.18).

Надо сказать, что в дополнение к средствам федерального бюджета всегда изыскивались возможности по привлечению дополнительных источников финансирования программных мероприятий. Основные средства были предоставлены УВКБ ООН (в 1998–1999 гг. – 1122 тыс. долл. США), МОМ (124 тыс.) и программой ТАСИС.

О.Д.Воробьева считает, что назрела необходимость разработки принципиально новой программы на 2002–2005 гг., учитывающей постоянно меняющиеся (в сторону усложнения) миграционные процессы как внутри страны, так и за ее пределами. Необходимо работать над поиском новых подходов и направлений по обустройству вынужденных переселенцев. Во-первых, нужно поэтапно переходить от 100%-ного финансирования приобретения (строительства) жилья для вынужденных переселенцев к предоставлению им жилищных субсидий, различных видов ссуд и кредитов. В ближайшее время жилье вынужденным переселенцам, относящимся к социально незащищенной категории граждан, будет предоставляться только за счет приобретения уже готового жилья, преимущественно на вторичном рынке или площадей с высокой степенью строительной готовности.

О.Д.Воробьева полагает необходимым разработать механизм участия собственных средств вынужденных переселенцев в

приобретении (строительстве) жилья, а также участия работодателей в финансировании жилищного обустройства вынужденных переселенцев. Строительство жилья в компактных поселениях должно осуществляться с привлечением собственных средств вынужденных переселенцев, ссуд и других источников.

Необходимо пересмотреть существующее положение о порядке предоставления вынужденным переселенцам долговременной беспроцентной возвратной ссуды, чтобы максимально приблизить ее размер к стоимости социальной нормы общей площади на одного человека. Кроме этого, требуется пересмотреть сроки погашения ссуды, расширить виды ссуд. Объемы средств, направляемых территориальным органам на выплату ссуд, должны зависеть от очередности на их получение в субъектах Российской Федерации и текущего возврата.

Если будут создаваться новые компактные поселения, то они должны использовать существующую социальную и инженерную инфраструктуру. Максимальное содействие в обустройстве, особенно в компактных поселениях, будет оказываться на территориях, где складываются благоприятные условия для их успешной интеграции и трудовой деятельности, а также там, где есть активная позиция местных органов исполнительной и законодательной власти, хозяйственных руководителей.

Создание рабочих мест (или, точнее, малых предприятий акционерной формы собственности) необходимо в большей степени привязывать к существующим центрам временного размещения вынужденных переселенцев. Но там, где нет центров, должно быть четкое их сочетание с проживанием и занятостью вынужденных переселенцев. Их создание должно экономически просчитываться и обосновываться с учетом всех строгих требований, предъявляемых к получателям инвестиций и кредитов.

При разработке и реализации региональных программ обустройства территориальным органам Минфедерации России совместно с администрациями субъектов Российской Федерации и переселенческими организациями предстоит обеспечить целенаправленную и скоординированную работу по активному поиску и привлечению финансовых средств на эти цели из бюджетов различных уровней и внебюджетных источников.

Продолжается большая законотворческая работа. Особое внимание будет уделено обеспечению контролируемости иммиграционных процессов и созданию действенной системы противодействия нелегальной миграции иностранной рабочей силы.

Что касается международного сотрудничества, то основными направлениями остаются поддержание отношений с международными организациями – партнерами России в области миграции, заключение соглашений с рядом государств СНГ и Балтии по вопросам переселения, установление и развитие связей с миграционными и другими уполномоченными ведомствами зарубежных стран.

Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией (1998) уже ратифицировано Российской Федерацией, Азербайджанской Республикой, Республикой Беларусь, Республикой Таджикистан, Республикой Армения и Украиной.

На Совете глав правительств СНГ в 2000 г. Россией было принято Положение об общей базе данных о незаконных мигрантах и порядке обмена информацией о незаконной миграции. Минфедерации России в настоящее время прорабатывает механизмы реализации этого положения.

Ведется подготовка проекта конвенции государств – участников СНГ о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей, которая должна развить существующую международно-правовую базу в данной области и урегулировать широкий круг вопросов трудовой миграции в пространстве СНГ.

Рассматривая перспективы миграционной политики России, Н.В.Мкртчян считает, что, несмотря на определенные позитивные моменты в миграционной ситуации, остается еще много нерешенных миграционных проблем, которыми придется заниматься в ближайшие десятилетия. Снизившиеся объемы притока в Россию мигрантов из стран СНГ и Балтии, сокращение числа ежегодно регистрируемых вынужденных переселенцев и беженцев не должно породить иллюзии, что миграционные проблемы России остались в XX в.

Общий «вектор», которому должна следовать государственная миграционная политика, – свобода миграционного движения населения, снятие различного рода барьеров на пути легальной

миграции, не противоречащей экономическим интересам Российской Федерации, и обеспечению ее безопасности.

Миграционная политика должна «заглядывать» вперед, учитывать перспективы влияния миграционных процессов на социально-экономическую, демографическую и политическую ситуацию в стране.

Т.М.Регент, сотрудница Российского нового университета (г. Москва), указывает, что миграционные процессы являются особым объектом управления и имеют ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать при разработке миграционной политики (3).

1. Прежде всего, миграция населения – очень чуткий социально-демографический процесс, мгновенно реагирующий на изменение различных факторов, например экономических. При управлении миграцией, в отличие от управления иными социальными процессами, эффект управленческих воздействий, равно как и эффект действия факторов, затрудняющих их осуществление, достигается за очень короткий промежуток времени. Чтобы достичь должного эффекта, необходим оперативный мониторинг состояния управляемой системы, большую важность имеет информационное обеспечение процесса управления.

2. Несмотря на утверждения многих ученых, сделанных применительно к управлению миграциями в условиях социалистического планового хозяйства, миграции населения всегда был присущ высокий элемент стихийности. Государственное управление миграцией не может и не должно охватывать все виды миграционных перемещений населения по территории страны, а только наиболее «проблемные» миграционные процессы. Критерий проблемности должен стать краеугольным камнем миграционной политики в силу объективных ограничений возможностей к ее осуществлению.

3. При управлении миграцией необходимо использовать (или создавать) территориальную дифференциацию «уровней жизнеощущения» в широком понимании комплекса социально-экономических условий жизни людей.

4. Управление миграцией не может осуществляться только в рамках социально-экономической, или расселенческой, или демографической политики. Оно синтезирует в себе их элементы, равно

как и само является важным компонентом в комплексе проводимых ими мер.

5. Управление миграцией населения может состоять из следующего комплекса воздействий: формирование миграционных установок населения; определение оптимальных масштабов, направлений миграции, формирование переселенческих контингентов; содействие процессу адаптации населения. Управление миграционными процессами в районах исхода мигрантов по сути своей принципиально иное, чем в районах их вселения.

6. Миграционные процессы тесно связаны с потоками информации, прежде всего о местах вселения и средствах их достижения; не случайно одна из моделей миграции увязывает направления миграционных потоков с путями распространения информации. Поэтому важна информационная поддержка принятия управлеченческих решений, направленная на объект управления.

7. Наконец, нельзя не учитывать, что, в отличие от большинства развитых стран, в России существует богатое наследие управления миграционными процессами. С одной стороны, это важно с точки зрения возможности учета отечественного опыта, но с другой – необходимости исправлять допущенные ранее «перегибы» и просчеты миграционной политики. Государство имеет определенные обязательства, которые нельзя не учитывать при управлении миграционными процессами, прежде всего в сфере внутренней социально-экономической миграции.

С.Н.Куликова

Проблемы российской миграции: Взгляд из Франции (Сводный реферат)

1. Tinguy A. Le «retour» des russes: ou en est la Russie aujourd’hui? // Problemes econ., P., 2002. — № 1235. — P. 16-27.
2. Tingui A. Refugies en Russie, reflet d’un monde en desarroi //Hommes et migrations. — P.,1996. — № 1198-1199. — P.64-68.

Сотрудница Национального центра научных исследований Франции анализирует развитие миграционных процессов в России и странах ближнего зарубежья после распада СССР. Она отмечает, что распад СССР повлек за собой перераспределение населения на его бывшей территории. Возникшие межэтнические противоречия и экономические проблемы способствовали депатриации русских из бывших союзных республик и развитию русофобии. После крушения Советского Союза в Россию начали прибывать сотни тысяч депатриантов. По данным ООН, число беженцев и вынужденных переселенцев в экс-СССР к концу 1994 г. составило 2,5 млн. человек (2,с.64). Больше всего их в государствах Закавказья: 900 тыс. человек — в Азербайджане, 380 тыс. — в Армении, 280 тыс. — в Грузии; далее идут Россия — 840 тыс. и Таджикистан — 36 тыс. (2,с.64).

Первая группа мигрантов прибыла из стран, находящихся за пределами прежнего СССР, одни из которых расценивали Россию как убежище и защиту, другие — как перевалочный пункт для переезда в западные страны, третья — как страну, где можно получить привлекательную работу. В национальном и географическом отношении иммиграционный поток из стран, не являющихся

бывшими республиками СССР, очень разнообразен. Мигранты являются выходцами из 43 стран. Одна из самых многочисленных групп – афганцы (61% из 18 тыс. зарегистрированных семей), далее идут выходцы из Ирака (в большинстве – курды), Сомали, Анголы, Эфиопии, Шри-Ланки, Ирана, Заира, Судана. Выходцы из первых шести стран составляют примерно 90% всех иммигрантов. Подобная картина характерна не только для России: Украина также стала страной иммиграции или страной транзита. Однако в России это явление приобрело большие масштабы из-за присоединения страны к Женевской конвенции и более высокого жизненного уровня населения в сравнении с другими странами ближнего зарубежья (2).

Вторая группа мигрантов, более многочисленная, прибыла из так называемой «новой заграницы» (стран ближнего зарубежья). Подавляющее большинство из них являются репатриантами – этническими русскими или русскоязычными: они «возвращаются» на русскую землю, которую многие считают этнической или исторической родиной. Миграционный потенциал бывших республик СССР, отмечает автор, очень значителен: в момент распада СССР в них проживало более 25 млн. русских. Российские власти признают вынужденными мигрантами лиц, имеющих российское гражданство, покинувших государство, где они проживали до последнего момента из-за опасений притеснений на расовой, национальной, религиозной, языковой или социальной почве или из-за политических убеждений. В отличие от вынужденных мигрантов (российская статистика стала выделять эту группу только в конце 1995 г.), беженцы могут быть русскими или принадлежать к другой национальности, но у них пока нет российского гражданства.

Иммигранты из Казахстана и Узбекистана составили примерно половину всех переселившихся в Россию. Значительную часть прочих переселенцев составили выходцы из окраинных республик России: Ингушетии, Северной Осетии и особенно Чечни (2, с.65).

Помимо этого появился другой миграционный поток, состоящий из беженцев и ищущих политического убежища – выходцев из стран, не входивших в состав СССР. Этот поток стал увеличиваться после открытия границ и ратификации Россией в декабре 1992 г. Женевской конвенции. По данным Федеральной миграционной службы РФ, в 1995 г. 120 тыс. иностранцев приехали искать политического убежища на русской земле. Они увеличивают

ряды нелегально прибывших граждан, численность которых оценивалась в 500 тыс. человек (2, с.66). Большинство из них сосредоточены в Москве и Подмосковье. Этот миграционный поток постоянно растет.

Автор указывает, что иммиграционная политика наталкивается на многочисленные препятствия. Несмотря на присоединение России к Женевской конвенции и принятие закона о беженцах, Россия не принимает, за исключением редких случаев, ходатайства от лиц не из бывшего СССР. Не все афро-азиатские мигранты являются политическими беженцами: большинство китайцев, например, таковыми не являются. Но политических беженцев из Сомали, курдов из Ирака, Афганистана очень много. После вывода войск из Афганистана в 1989 г. и падения режима Наджибуллы в 1992 г. многие афганцы были вынуждены бежать, в том числе в государства бывшего СССР. Численность афганцев на территории бывшего СССР составила на 1995 г. около 200 тыс. человек (2, с.68). Только треть или четверть мигрантов получают статус вынужденного переселенца или беженца, им оказывается минимальная помощь, и, как правило, многие беженцы должны сами находить выход из сложившейся ситуации, прибегая к помощи родственников или друзей. Средства и возможности официальных властей очень ограничены. Поэтому многие получившие статус беженца или вынужденного мигранта не имеют работы и получают нищенское пособие.

В этих условиях роль неправительственных организаций приобретает особое значение. Координация усилий официальных служб, международных организаций и неправительственных ассоциаций является единственным путем решения проблемы нехватки средств для облегчения положения беженцев.

Российские власти утверждают, что несут особую ответственность за тех, кого российские власти называют «соотечественниками из-за границы», или «новой русской диаспорой», и которых в 1989 г. насчитывалось 25 млн. человек. Политику России в отношении приема мигрантов российские власти вынуждены были определить с 1992 г., когда создавалась Федеральная миграционная служба, имевшая представительства во всех регионах и крупных городах страны.

С 1992 г., российские власти пытались проводить политику приема. Несмотря на значительность предпринятых усилий, они не

позволили удовлетворить огромные потребности вновь прибывающих и тем более стимулировать иммиграцию

Иммиграция в постсоветскую Россию из новых независимых государств, возникших на месте бывших республик СССР, очень быстро возрастила в первой половине 90-х годов. После пика, достигнутого в 1994 г., составившего 1,145 млн. человек, она стала постепенно затухать. Тем не менее Россия остается принимающей страной. С 1990 г. по 1 января 2001 г. численность иммигрантов в РФ составила 7,8 млн. человек, за тот же период из РФ выехало 3,3 млн. человек, и таким образом миграционное сальдо составило 4,5 млн. человек (1, с.17).

Во времена существования СССР мобильность населения внутри советского пространства была очень значительна. Миграция-брутто, т.е. сумма въездов на русскую территорию РФ и выездов из РФ, была даже больше, чем после распада СССР. В течение 80-х годов она ежегодно возрастила на 1,6 млн. человек. Начиная с 1990 г. этот показатель не перестает сокращаться: с 1,5 млн. человек в 1990 г. до 450 тыс. человек в 2000 г. (1, с.17). Значительная иммиграция в постсоветский период объяснялась не большей мобильностью населения внутри советского пространства: она была связана с увеличением в 1990–1994 гг. (за исключением 1991 г.) прибытий из этих регионов на российскую землю, а также с значительным уменьшением эмиграции населения из РФ в другие новые независимые государства. В течение 80-х годов ежегодно более 700 тыс. человек покидали Россию, выезжая в другие союзные республики. С конца 80-х годов этот процесс почти прекратился. К 2000 г. количество выехавших в бывшие советские республики не превысило 83 тыс. человек (1, с.18).

Иммиграция в Россию является этнолингвистическим феноменом. Прежде всего это этнические русские и русскоязычные, в общем плане определяемые как лица, для которых русский является родным языком, которые решили вернуться в Россию, в страну, в которой многие из них никогда не жили. Их семьи уже в течение нескольких поколений жили в других республиках СССР. Между 1992 и 2000 гг. большинство ежегодно прибывающих в РФ были этническими русскими – от 66% в 1992 г. до 54% в 2000 г. (1, с.18). С учетом других этнических групп, проживающих в России (башкиры, татары, чуваши и т.д.), и славянской группы (украинцы и белорусы)

показатель прибытия составлял 88% от всех вновь прибывших в 1992 г., и 76% в 2000 г. (с некоторыми расхождениями в зависимости от страны пребывания). Так, в 2000 г. от 80 до 90% лиц, прибывших из Казахстана и Украины, составили русские или русскоязычные, в то время как менее 6% приехавших из Армении являлись русскими, а 82% являлись армянами (1, с.18).

Возвращение русских в Россию в общем плане определяется как явление деколонизации, то, что английский лорд Керзон назвал «возвращением однородности состава народа», провоцируемым крушением многонациональных империй и последующим образованием государств-наций. Это явление свойственно не только для стран бывшего СССР. Разрушение Османской империи сопровождалось исходом турок-мусульман с Балканского полуострова, крушение Австро-Венгерской империи – эмиграцией венгерского населения.

Перераспределение населения происходит неодинаковым образом. Его интенсивность, длительность, характеристики зависят от методов осуществления реструктуризации политического пространства, наличия или отсутствия военных или других конфликтов, степени укоренения затронутого населения, отношения к ним нового государства, от политики приема, проводимой страной по отношению к своим соотечественникам. Часто это длительный процесс, который включает периоды пауз, покоя, стабилизации и миграционных толчков в зависимости от конъюнктуры страны происхождения и приема.

В случае с экс-СССР, как и в других случаях, феномен не является однородным. Этнические русские и русскоязычные, живущие вне России, по-разному реагируют на крушение империи. Их склонность к отъезду и возвращению на историческую родину очень различна в зависимости от того, живут они в странах Центральной Азии, в прибалтийских странах или на Украине. Мусульманские страны Центральной Азии и Казахстан занимают первое место по числу русских, выехавших из них в Россию. Из 7,8 млн. человек, которые иммигрировали в Россию с 1990 по 2001 г., половина прибыла из этих стран. Только из Казахстана, в котором в 1989 г. насчитывалось 6,2 млн. русских, выехало более 2 млн. человек. И наоборот, эти страны все меньше привлекают иммигрантов. Для стран Кавказского региона характерно такое же положение. Из трех

стран – Армении, Азербайджана, Грузии – за рассматриваемый период выехало 1,2 млн. человек, въезд русских в эти государства очень незначителен.

Рассматривая явления, предшествующие распаду СССР, автор указывает, что отношения России с двумя славянскими государствами – Украиной и Белоруссией – очень различны. Украина была советской республикой, на территории которой находилась самая многочисленная русская диаспора – 11,3 млн. человек в 1989 г. (1, с.20). Миграция населения между Россией и ее соседом – Украиной в 80-х годах была очень велика, но с конца 80-х годов не перестает сокращаться. Однако и в настоящее время потоки населения в обоих направлениях остаются очень значительными. В 2000 г. Украина занимала первое место среди стран постсоветского пространства, куда эмигрировало русское население. На Украине не отмечается отток русского населения, наблюдаемый в других странах. Это объясняется тем, что обе страны принадлежат к одной культуре, очень давним укоренением значительной части русских, живущих на Украине, значительным количеством смешанных браков, поддержкой, которую оказывали многие этнические русские граждане получению независимости Украиной в декабре 1991 г., политикой, проводимой украинским правительством по отношению к национальным меньшинствам и удовлетворительной межэтнической ситуацией в глобальном плане. Что касается Белоруссии, то эмиграция русских из этой страны в количественном отношении очень невелика.

Положение, сложившееся в Эстонии, Латвии и Литве, значительно отличается от ситуации в Украине и Белоруссии. Напряжение внутри треугольника, которое формируют страны проживания, русское меньшинство и Россия, очень велико. Однако миграция русского населения остается очень незначительной. Иммиграция из этих трех стран, в которых проживало в 1989 г. 1,7 млн. человек, дает только 4% от общей численности иммиграции в Россию (1, с.20).

Многообразие форм возвращения в Россию русского и русскоязычного населения объясняется тем, что отчасти оно не является во всех случаях новым явлением.

В период с 1926 по 1970 г. русское население в советских республиках многократно возросло. Начиная с 70-х годов динамика

изменений по регионам была различна. В шести восточноевропейских республиках – Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Белоруссии и Молдавии – русское население продолжало увеличиваться. В Закавказских республиках и в республиках Средней Азии оно с 70-х годов начало сокращаться. Отток русского населения начался задолго до распада СССР. В мусульманских республиках он был связан в 70-х и 80-х годах с демографическими и экономическими изменениями, а также с ростом антирусских настроений. Это означало начало движения деколонизации, которое усилилось в момент распада советской империи, но которое не было единственной причиной отъезда русского населения в Россию.

Межэтнические конфликты, возникшие в конце 80-х и начале 90-х годов, спровоцировали вал беженцев, русских и нерусских. Антиармянские погромы в Сумгаите в Азербайджане, военный конфликт в Нагорном Карабахе, конфликты в Ферганской долине лежали в основе первых массовых волн иммиграции в Россию. Межэтническая напряженность и националистическая лихорадка, которыми сопровождалось достижение независимости в некоторых регионах, неизбежно выливалась в военные конфликты, но они подталкивали многих людей разных национальностей искать убежища на русской земле.

Основной причиной отъезда этнических русских и русскоязычных является потеря статуса «привилегированной национальности». Почувствовав себя гражданами второго сорта, став жертвами или считая себя жертвами дискриминации, столкнувшись с возрастающими экономическими трудностями, впервые ощутив себя иностранцами, не чувствуя себя больше в безопасности и отказавшись принять тот факт, что их дети будут обучаться в нерусскоговорящей среде, некоторые из них выбрали для себя возвращение или отъезд в Россию. Во времена СССР русские пользовались привилегиями и специфическими преимуществами, носящими одновременно культурный, политический и экономический характер. Они имели доступ к образованию, к средствам массовой информации и к культурной жизни на русском языке. У них был также доступ к получению ответственных должностей без необходимости знания местного языка. Эта ситуация за короткий период в корне переменилась. Русские перестали быть имперским меньшинством, превратившись в простое этническое меньшинство.

Кроме этого, у русских, ранее доминировавших в политическом отношении, чувство солидарности внутри группы было развито очень слабо. Одновременно они столкнулись с тем, что новые государства проводят националистическую политику и вся их деятельность носит ярко выраженный национальный характер.

Принятие начиная с 1989 г. законов о государственном языке имело огромные последствия для русскоязычного населения. Владение местным национальным языком обуславливало во многих случаях доступ к образованию, к общественной жизни, к занятости в администрации, иногда даже доступ к получению гражданства. Для русского населения этих стран шок усугублялся тем, что их экономическое положение ухудшилось. Доступ к рынку труда для некоренного населения стал очень затруднительным.

Пытаясь решить проблему положения русского и русскоязычного населения за пределами России, власти РФ начали с 1992 г. проводить политику, направленную на оказание помощи и содействия депатриации соотечественников в Россию. Однако вновь прибывающие граждане называются не депатриантами, а «вынужденными мигрантами» или «беженцами», что подразумевает преднамеренность их положения.

С 1992 по 1998 г. 1,4 млн. человек, т.е. пятая часть прибывших из новых независимых государств, получили от властей РФ статус «беженца» или «вынужденного переселенца». На 1 января 2001 г. в ФМС было зарегистрировано 808,3 тыс. человек: 782,2 тыс. – «вынужденные переселенцы» и 26,1 тыс. – «беженцы». Большинство из них – этнические русские (1, с.21).

В начале 2001 г. в прессе указывалось, что правительство не знает как или не может помочь тем, кто вернулся в Россию. Единственная проблема, которая отсутствует у приехавших, это проблема языка: все говорят по-русски. В остальном трудности, с которыми сталкиваются иммигранты, значительны и почти неизбежны, учитывая социально-экономическую и политическую напряженность, существующую в России. ФМС располагает очень незначительными финансовыми возможностями и поэтому помочь оказывается только в самых срочных и трудных случаях и в минимальных размерах. Помощь настолько ограничена, что многие просто не обращаются в соответствующие службы. Что касается тех, кому предоставлен определенный статус, то они не пользуются всем

объемом помощи, на которую они имеют право. Очень сложна ситуация с предоставлением жилья, а без жилья иммигранты не могут получить вид на жительство, без которого они не могут легально работать и претендовать на статус «вынужденного мигранта» или «беженца». Эти распоряжения противоречат закону, но действуют в крупных городах, особенно в Москве и Санкт-Петербурге.

В области занятости проблемы очень серьезны. Федеральная служба занятости разработала программу оказания помощи и интеграции приехавших в общество и на рынке труда, но ее средства ограничены и результаты тоже. Финансовая помощь так скромна, что не может компенсировать отсутствие заработной платы, в то время как многие нуждаются абсолютно во всем.

Проблемы интеграции иммигрантов тем более значительны, что большинство переселенцев являются горожанами, которым предлагается обустраиваться в сельской местности – либо по причине нехватки жилья в городе, либо потому, что это больше устраивает власти. Концентрация переселенцев в некоторых регионах, особенно в Краснодаре, Ставрополе, Белгороде, Воронеже, Саратове или Оренбурге (в районах Северного Кавказа, в среднеевропейской части России и на Урале), не способствует решению проблемы их интеграции. Они не всегда являются желанными, и им часто предлагают землю или жилье вдали от городов.

Начиная с 1995 г. возвращение русских в Россию постепенно замедлилось. Иммиграция в Россию остается значительной из Казахстана и из некоторых стран Средней Азии. Эмиграция из других регионов значительно меньше: либо в связи с тем, что русские не желают возвращаться (Эстония, Латвия, Литва), либо потому, что основная часть уже уехала (Закавказье), либо потому, что поток почти сбалансировался (Украина).

«Вынужденные мигранты», прибывающие в РФ, не встречают со стороны властей активного содействия в их возвращении на историческую родину. Миграционная служба была создана для управления процессом миграции, но ее методы и способы действия остаются явно недостаточными.

Правящие круги России не пытались до сих пор оказывать содействие возвращению русских. Они опасаются проблем, связанных с их депатриацией. Кроме того, власти считают, что интерес России состоит в том, чтобы помочь русским остаться в тех

странах, где они живут и где они могут быть проводниками культуры и влияния России. Несмотря на иммиграцию, население России с 1992 г. постоянно сокращается и в этих условиях, считает автор, иммиграция, откуда бы она ни была, кажется все более и более необходимой для России.

С.Н.Куликова

Проблемы привлечения и использования иностранный рабочей силы в России (Обзор)

В последнее десятилетие ушедшего века распад бывшего Советского Союза и установление свободы передвижения через государственные границы в условиях рыночной экономики создали благоприятные условия для очень быстрого развития временной трудовой миграции. Эта миграция стала самым динамичным и самым большим миграционным потоком в России. Однако эти трудовые поездки оказались фактически вне поля зрения государственной статистики и большая часть подобных трудовых поездок либо не регистрируется (что характерно для поездок в пределах СНГ), либо, как свидетельствуют многочисленные материалы, совершается под маской туризма (этот процесс особенно характерен для китайской трудовой иммиграции). Трудовая миграция получила развитие в обоих направлениях – как в отношении въезда иностранных рабочих на заработки в РФ, так и в отношении выезда россиян в качестве «челноков» и на заработки за границу (1, с.128).

В пределах СНГ поток трудовых мигрантов направлен в Россию, тогда как россияне выезжают преимущественно за пределы Содружества. Основная сфера деятельности подобных мигрантов – торговля, строительство, транспорт, ремонт, сервисные услуги.

Как отмечает обозреватель журнала «Профиль» В. Рудаков, Россия, обладая 13% мировой суши и всего 2,4–2,5% населения земного шара, не может не притягивать к себе миллионы мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья (2, с.20). Однако остается открытым вопрос, что делать с ними дальше. Численность приезжих в

последнее пятилетие 90-х годов прошлого столетия стала вызывать серьезное беспокойство населения и властей. Уже давно жители Кавказа стали самыми активными участниками миграционного процесса, а позднее к ним прибавились китайцы, вьетнамцы, украинцы, молдаване, корейцы, таджики.

Приехавшие граждане других государств занимаются не только рэкетом, торговлей наркотиками, розничной торговлей, но также работают строителями, водителями общественного транспорта, выполняют другую, зачастую низкооплачиваемую и непrestижную работу, к которой не лежит душа у местного населения. Постепенно развивается трудовая миграция на основе контрактов и лицензий, однако точных данных о количестве зарегистрированных иностранных рабочих до настоящего времени нет. В 1999 г. на заработки в РФ было привлечено, согласно официальным данным, 211,4 тыс. иностранных рабочих, что было даже на 13% меньше, чем в 1997–1998 гг., и почти на четверть меньше, чем в 1996 г. Трудовая иммиграция из стран – членов СНГ в 1999 г. составила 99,1 тыс. человек, из прочих стран 112,2 тыс. человек (1, с.128–129).

Хотя местное русское население часто считает, что мигранты занимают чьи-то рабочие места, главная причина нелюбви состоит в том, что они говорят на непонятном языке, живут компактно, держатся консолидированными группами. Среди населения идет процесс замещения бывших интернационалистов материами ксенофобами.

Иностранный рабочий труд привлекалась, согласно официальным данным, из 119 стран. Рост численности привлекаемых из-за рубежа иностранных рабочих из стран ближнего и дальнего зарубежья – вполне объективный факт. Основными экспортёрами рабочей силы в РФ являются Украина (30% в 1999 г. и 32,4% в 2002 г.), Китай (соответственно 11,5 и 13,6), Турция (12,6 и 7,4), Вьетнам (в 2002 г. – 7,1%), Молдова (4,7), страны бывшей Югославии (3,6), Узбекистан (3,5), Таджикистан (3,5), КНДР (3,5) и прочие страны (20,7%) (1, с.129; 2, с.21).

Однако приведенные данные весьма приблизительные, поскольку достоверных данных о численности нелегальных иммигрантов нет. Известный специалист по внутренней миграции населения в РФ Ж.Зайончковская оценивает численность нелегальных иммигрантов в конце 2001 – начале 2002 г. в пределах от

1,5 млн. до 15 млн. человек. По оценкам заместителя начальника Федеральной миграционной службы (ФМС) МВД РФ М.Л.Тюркина, в Россию ежегодно прибывает около 24 млн. иностранных граждан, хотя он и признает, что информация о мигрантах до недавнего времени носила приблизительный характер. По данным МВД, в настоящее время трудовую деятельность на территории РФ осуществляют до 3,5 млн. иностранных рабочих, однако в базе данных содержатся сведения о 350 тыс. иммигрантов, а остальные работают нелегально, не платят налогов в бюджет страны (3, с.22). По данным же Госкомстата РФ, численность легальных иммигрантов составляла менее 200 тыс. человек, в том числе всего 5,5 тыс. азербайджанцев и около 500 китайцев (3, с.21).

Китайская трудовая иммиграция привлекает особое внимание российских властей, а часто вызывает тревогу и у жителей приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока. Основанием для этого является огромная разность демографического потенциала по обе стороны российско-китайской границы. Однако характерно отсутствие реальных данных о размере китайской иммиграции: если Госкомстат РФ определяет численность китайцев, как уже отмечено, в 500 человек, то, по другим оценкам, китайская диаспора насчитывает до 5 млн. человек, а единовременное китайское присутствие на всей территории России остается в пределах 500–800 тыс. человек (1, с.128).

В России официальный статус беженцев с соответствующими правами имеют только афганцы, а прочие иммигранты-переселенцы, включая грузин, армян, азербайджанцев, имеют статус «эмигрантов» (5, с.26).

С целью получения более достоверных данных о целях прибытия в Россию, месте проживания и роде занятий с 14 февраля 2003 г. в РФ начали выдаваться миграционные карты, ежегодная потребность в которых, по данным ФМС, превысит 20 млн. экземпляров (3, с.22).

По данным МВД РФ, иностранные мигранты-работники распределяются на 2002 г. по регионам следующим образом: 36,7% осело в Центральном районе (в 1999 г. – 41,4), 17,4 – в Западной Сибири (в 1999 г. – 15,4), 12,4 – на Дальнем Востоке (в 1999 г. – 11,5), 6,9 – в Северо-Западном районе, 6,7 – в Поволжье, 6,5 – в Северо-Кавказском районе, 5,7 – в Центрально-Черноземном районе, 4,8 –

в Уральском районе, 2,3 – в Северном районе и 0,9% – в Волго-Вятском районе (1, с.129; 3,с.22).

Иностранные рабочие, по данным МВД РФ, сосредоточены преимущественно в строительстве (39,3%), торговле и коммерческой деятельности (23,3%), промышленности (13,0%), сельском хозяйстве (10,1%) и прочих отраслях (14,3%) (2, с.21).

По мнению В.Рудакова, у государства РФ вплоть до последнего времени отсутствовали четко выраженная миграционная политика и понимание того, нужны ли государству толпы людей, готовых практически немедленно взяться за любую работу, хотя государство в последнее время пыталось навести некоторый порядок в сфере миграции. Были приняты новые законы «О гражданстве» и «О правовом положении иностранных граждан», введены специальные миграционные карты, ужесточены требования к работодателям, нанимающим на работу иностранцев (2, с.21).

Как свидетельствуют данные опроса, проведенного фондом «Общественное мнение», в стране существует неоднозначное отношение к прибывшим в Россию иностранцам. Так, по мнению 96% опрошенных жителей Москвы, в столичном городе слишком много приезжих людей. Так же считает 91% жителей прочих мегаполисов, 84 – жителей больших городов, 78 – жителей малых городов и 63% – жителей сел. Соответственно считают, что приезжих мало, 2% москвичей, 4 – жителей мегаполисов, 7 – жителей больших, 13 – жителей малых городов и 30% – селян. Утверждали об отсутствии приезжих 0% жителей Москвы, 1 – жителей мегаполисов, 2 – жителей больших, 1 – жителей малых городов и 3% – селян (2,с.21).

Как свидетельствуют приводимые этим фондом данные, приезжие оказывают негативное воздействие на ситуацию в Москве (75% опрошенных в Москве), в прочих мегаполисах (67), больших городах (51), малых городах (43) и селах (22%). Не испытывают раздражения или неприязнь в отношении представителей той или иной национальности 65% опрошенных, испытывают – 32 и не смогли ответить – 3%. Что касается отношения местного населения к пришельцам-иммигрантам, то особую неприязнь в Москве и России в целом вызывают «лица кавказской национальности» (соответственно 40 и 14%), на втором месте – азербайджанцы (17 и 7), далее армяне (7 и 6), грузины (6 и 3), чеченцы (6 и 6), цыгане (1 и 6),

таджики (1 и 2), китайцы (1 и 2), вьетнамцы (2 и 0), казахи (0 и 2), турки (0 и 1) и узбеки (1 и 1%).

Выявленными причинами неприязни остаются: вызывающее поведение иммигрантов (соответственно у 38% опрошенных жителей Москвы и у 18% опрошенных жителей России), принадлежность к криминальным группировкам (соответственно 11 и 19), установление фактической монополии на рыночную торговлю, контроль за операциями на рынках (11 и 4), безделье (2 и 3), другой жизненный уклад (7 и 2), ассоциация с событиями в Чечне (7 и 1) и неопрятный внешний вид (3 и 1%) (2, с.23).

Однако вплоть до настоящего времени у представителей правящих кругов России отсутствует четкое представление о размерах и структуре миграции, о потребностях страны в пришлой рабочей силе, о требуемых специалистах и о месте их возможного использования. Этим РФ отличается от других стран рыночной экономики, где более четко определены требования к иммигрантам. Так, в Израиле главный принцип приема – национальная идентичность, в США – профессиональная подготовленность. Для России проблема критерия отбора осложнена рядом обстоятельств, в первую очередь прессом многочисленности русской диаспоры за рубежом, которую РФ не может принять по ряду причин, в том числе из-за отсутствия специальных «переселенческих фондов». К тому же для властей РФ остается проблема неумения четко сформулировать свою политику, приоритеты и способы их реализации. РФ не умеет четко учитывать фактор внешнего миграционного давления, который, по мнению руководителя Центра демографии и экологии человека А.Г.Вишневского, будет действовать с каждым годом все сильнее (2, с.24).

Указанный процесс совпадает по своему действию с ощущаемой с каждым годом все сильнее нехваткой рабочей силы. Если в 2000 г., по некоторым оценкам, нехватку рабочих рук испытывали якобы только 6% предприятий, то в 2002 г. уже 27%, что при снижающейся рождаемости и растущей смертности населения РФ невозможно решить эту проблему без иммиграции рабочей силы (2, с.24). Помимо миграционной карты МВД планировало разработать новую форму разрешения на работу для иммигрантов. С лета 2003 г. намечалось ввести специальные пластиковые карты, обладающие всеми степенями защиты от подделок, для подтверждения права

человека работать на территории РФ. Работодатель, привлекающий иностранную рабочую силу, обязан, согласно намечаемым правилам, заплатить государственную пошлину в 4 тыс. руб. (3, с.22).

Обозреватель журнала «Профиль» Н.Кириченко рассматривает в этой связи вопрос о дешевизне рабочей силы и о необходимости импорта квалифицированной рабочей силы из стран, где она по критерию «цена+качество» не хуже российской. По его мнению, импорт 7–8 млн. работников, подготовленных еще в советские времена для работы в промышленности, мог бы способствовать росту эффективности российской экономики (4, с.24). Кроме того, нeliшним было бы обострение конкуренции на рынке труда при сохранении уровня безработицы в 11–12%. При якобы наблюдаемся за последние три года быстрым росте экономики рынок труда по многим специальностям превратился бы в рынок продавца. В нынешней России, отмечает автор, труду при нынешнем найме еще рано диковать свои условия капиталу, и при возможном кризисе страна будет иметь уровень безработицы не ниже 12% без всяких перспектив ее сокращения (4, с.24).

В подобных условиях, отмечает автор, российские власти медленно активизировали и не придали еще цивилизованных форм иммиграционной политике. Они все еще боятся повторения кризисного состояния экономики, который наблюдался в 1996 г., и наличия безработного избирателя, который может поддержать левых маргиналов. Кроме того, подоходный налог, который можно хорошо собирать с официальных доходов производственных рабочих, – одна из основ государственного бюджета. В чисто механическом ускорении роста цены труда сегодня прямо заинтересован Пенсионный фонд в силу утвержденной финансовой схемы его формирования. Поэтому, считает автор, активизация иммиграционной политики равносильна стратегическому выбору власти. Только честная конкуренция на российском рынке труда может способствовать экономическому росту, а без таковой, заключает автор, государство останется бедным. Без честной конкуренции не будет честным и распределение богатства (4, с.24).

Острым остается вопрос адаптации иммигрантов, в том числе и обеспечения их образованием (5, с.25). В московских школах происходит жесткое деление на «своих» и «приезжих». Детей иммигрантов столичные власти все чаще стараются отправлять в

национальные школы, некоторые из подобных школ в сущности превратились в резервации для инородцев, тогда как другие предоставляют детям приезжих шанс адаптироваться в общество, в котором они оказались не по своей вине. Развитие иммиграции населения из республик Средней Азии и Кавказа, где всегда традиционно высок уровень рождаемости, привело к изменению демографической ситуации в Москве. Уже в настоящее время для столицы стала типичной картина, когда в окраинных районах для 20–30% всех учащихся начальной школы русский язык стал неродным. По данным департамента образования столицы, в настоящее время в Москве работает более 50 национальных школ, в том числе 5 татарских, 8 еврейских, 2 грузинских, по одной армянской, азербайджанской, украинской и т.д. (5, с.25).

В основе образовательного плана национальных школ – общепринятый государственный стандарт. При этом национальный язык, история преподаются на факультативной основе. Эти школы в основном имеют контингент учащихся из среды сравнительно давно осевших иммигрантов, а потому ученики свободно владеют русским языком, а национальная направленность образования с изучением национального языка не является адаптацией в русскоязычной среде, а средством сохранения своих национальных традиций.

В тех случаях, когда в столичных районах, густозаселенных иммигрантами нерусских национальностей, нет чисто национальных школ, а действуют обычные школы, преподавание для детей иммигрантов национальных языков осуществляется на факультативной основе. Чтобы избежать культурной замкнутости и противопоставления «своих» и «приезжих», в некоторых школах создаются национальные культурные центры (например, армянский). Факультативы по изучению национального языка доминирующей в регионе иммигрантской диаспоры посещают учащиеся и из других школ, причем отсутствие регистрации не является поводом для отказа.

Однако продолжающийся приток иммигрантов в Москву создает острую проблему адаптации вновь прибывших, в том числе психологической и социальной адаптации. Остроту проблеме придает также то обстоятельство, что дети подобных иммигрантов вообще не владеют русским языком, а их образовательный уровень значительно отстает от общепринятых стандартов. Это вынуждает создавать

специальные частные школы в районах со значительной национальной диаспорой под патронажем национальных общин. Только в столице подобных школ около десяти. Подобные школы свободны в выборе изучаемых предметов и больше ориентированы на потребности своих учеников. Их важной особенностью являются низкая плата за обучение (иногда 1 тыс. руб. в месяц) или полностью бесплатное обучение, поскольку жизненный уровень иммигрантов остается низким.

Кроме того, дети иммигрантов имеют возможность учиться преимущественно в обычных школах, а не в престижных, где учатся главным образом дети «новых русских». В ряде округов Москвы дети иммигрантов составляют до половины всех учащихся рядовых школ, а потому уровень требований в них оказывается низким, неприемлемым для коренных москвичей. Это вынудило столичные власти создавать в подобных школах специальные классы с усиленным преподаванием русского языка и обязать руководство школ формировать специальные адаптационные группы, где русский язык изучают как иностранный, откуда дети иммигрантов при достижении определенного уровня переводятся в обычные классы. Подобные проекты должны демонстрировать дружбу народов (5, с.26).

В общеобразовательных школах Москвы также открываются национальные языковые классы. Разработаны программы изучения русского языка как иностранного, дети изучают русский в процессе игры, и довольно быстро начинают грамотно писать и говорить по-русски в «нулевых» классах, а затем их переводят в обычные классы. Зачастую дети иммигрантов говорят и пишут по-русски более грамотно, чем русские дети, более организованы и вежливы, у них есть жесткая мотивация для изучения русского, поскольку его знание является для них гарантией будущего. В этом отношении они отличаются от старших своих соплеменников или детей мигрантов из стран ближнего зарубежья, которые, владея ломанным русским, не стремятся развиваться дальше. Отцы подобных детей работают на рынках, а матери сидят дома, и при выходе из дома за покупками используют детей в качестве переводчиков (5, с.27).

Касаясь социально-экономического положения мигрантов, в журнале отмечается, что мигранту для обеспечения благожелательного отношения к себе местного населения в других регионах

России надо отвечать как минимум одному из двух условий: быть «лицом славянской национальности» или соглашаться работать за гроши на самых непрестижных работах (6, с.28). Отмечается сложная ситуация в связи с наплывом беженцев из Шри-Ланки в Омской области, китайцев (промышляющих контрабандой медвежьей желчи, женьшения, трепангов) – в Приморском крае, турок-месхетинцев – в Краснодарском крае. В то же время в ряде регионов труд иммигрантов охотно используется (например, турок, работающих на строительстве разных объектов в Курской области, жителей Средней Азии, занятых на сельскохозяйственных работах в Сибири, строительных рабочих из разных стран, включая украинцев, работающих в Калининградской области). Низкая оплата труда рабочих-иммигрантов и некоторые национальные особенности, включая наличие среди иммигрантов мусульман с жесткими требованиями их религии, делают использование труда подобных рабочих выгодным для предпринимателей.

Список литературы

1. Население России / Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека; Отв. ред. Вишневский А.Г. – М., 2001.
- 2001.: Восьмой ежегодный демографический доклад. – 174 с.
2. Рудаков В. Сами мы не местные // Профиль. – М., 2003. – № 10. – 10 марта. – С.20–24.
3. Тюркин М. В нашу страну ежегодно прибывают около 24 млн. иностранных граждан // Там же. – С.22.
4. Кириченко Н. Мокрые спины и честная конкуренция // Там же. – С.24.
5. Давыдова Е., Ширяева Н. Инородное образование // Там же. – С.25–27.
6. Родина-мать и Родина-мачеха // Там же. – С.28.

В.Г.Былов

Миграция населения

/ Под общ. ред. Воробьевой О.Д. – М., 2001. Вып.4.: Система иммиграционного контроля / Регент Т.М., Архипов Ю.А. – 160 с. – Библиогр.: с.118–119.
Прил. к журн. «Миграция в России».

Данное исследование по вопросам иммиграции в Россию и системы иммиграционного контроля подготовлено деканом финансово-экономического факультета Российского нового университета, бывшим руководителем Федеральной миграционной службы РФ Т.М.Регент и ответственным работником Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики РФ Ю.А.Архиповым. В монографии рассматриваются две стороны многогранного процесса – развитие иммиграции в Россию, прежде всего въезд и пребывание иностранных граждан в РФ, и особенности предоставления им убежища на территории России.

Работа включает предисловие, введение, пять глав и приложение. В первой главе рассматриваются система и задачи иммиграционного контроля в России; во второй анализируется современная практика регулирования иммиграционных процессов за рубежом; в третьей – проблемы развития нелегальной миграции и методы ее предотвращения; в четвертой – международно-правовые аспекты предоставления убежища; в пятой – опыт предоставления убежища и статуса беженца в России. В приложении дан краткий обзор процедур и практики рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища в западноевропейских странах.

Как отмечает в предисловии руководитель департамента миграционной политики указанного министерства О.Д.Воробьева, развитие иммиграции в РФ является относительно новой и

слаборазработанной проблемой. Ранее закрытость границ бывшего СССР позволяла осуществлять достаточно спокойный миграционный обмен населением между СССР и зарубежными странами. Поток иностранных граждан был очень ограниченным по масштабам, локализованным по территории и строго определенным, включал главным образом сотрудников дипломатических и торговых представительств, специалистов, работников международных организаций на территории СССР, иностранных студентов советских вузов, туристов, членов экипажей иностранных судов и самолетов.

В последнее десятилетие XX в. под воздействием ряда факторов характер миграции в России коренным образом изменился, а сама миграционная ситуация чрезвычайно обострилась. Этому способствовали: распад СССР и образование новых независимых государств, что инициировало возникновение ранее не прогнозировавшихся миграционных процессов; переход к политике «открытых дверей», что существенно расширило обмен населением между новыми государствами на территории бывшего СССР, между РФ и странами дальнего зарубежья. Важную роль сыграла «прозрачность» границ между РФ и странами ближнего зарубежья в сочетании с практически полным отсутствием пограничного контроля в этих странах, что позволяло бесконтрольно проникать в Россию гражданам ближнего и дальнего зарубежья; наконец, рост социальной напряженности в странах ближнего зарубежья, обострение экономических трудностей и национальных конфликтов, ведущее к выталкиванию из них жителей, прежде всего русскоязычных, которые устремились на территорию РФ.

Сложившаяся новая ситуация потребовала не только обобщения опыта регулирования иммиграции в Россию в 90-е годы, анализа эффективности действия иммиграционного законодательства, но и использования зарубежного опыта в этой сфере и четкого определения государственной системы иммиграционного контроля в России, разработки практических мер по защите национальных интересов страны.

Как отмечается во введении, внешняя миграция стала в последние годы особым и долговременным фактором социально-экономического и социально-политического развития России. В РФ сформировалась значительная по численности иностранная община, включающая как иностранных граждан, так и лиц без гражданства, в

том числе беженцев и ищущих политического убежища. Подобное развитие событий создало для России новые сложные и острые проблемы, усилило угрозу ее национальной безопасности, внутренней политической, социальной и территориальной стабильности, способствовало обострению криминогенной обстановки и формированию значительных групп нелегальных мигрантов. Масштабы иммиграции в Россию до настоящего времени остаются неизвестными для российских властей из-за отсутствия четко организованного учета и «прозрачности» границ. Тем не менее экспертные оценки определяют численность иностранцев на территории России в 3,5–4 млн. человек (как граждан других государств, так и лиц без гражданства, которые не имеют четко определенного правового статуса, с.5).

По мнению авторов, развитие миграционного процесса и новая ситуация в сфере миграции способствовали расширению классического понятия «иммиграция» и ее понятийного аппарата. Появились новые термины – «внешняя миграция», «внешняя трудовая миграция», «вынужденная миграция», «незаконная миграция», «реадмиссия», «реэмиграция».

Международная миграция, затрагивающая Россию, носит следующие основные особенности. Отмечается сохранение остроты проблемы вынужденных переселенцев и беженцев при их избыточной концентрации в уже густонаселенных центральных и южных районах РФ. Под воздействием развития рынков труда и демографического дисбаланса происходит постепенное замещение вынужденной миграции из бывших советских республик миграцией экономической (по экономическим причинам), сращивание различных видов миграции в единый иммиграционный поток, направленный в Россию; высокая степень развития нелегальной иммиграции и интенсивный приток нелегальных иностранных рабочих (с.6).

По мнению авторов, в процессе развития иммиграции в Россию в 90-е годы можно выделить два этапа. В первой половине указанного десятилетия отмечалась тенденция устойчивого нарастания иммиграционного потока в РФ из республик бывшего СССР, что было вызвано развитием межэтнических конфликтов и ухудшением отношения коренного населения к русским и почему некоренному населению.

С середины 90-х годов в миграционном обмене России со странами ближнего зарубежья сформировались новые тенденции. В условиях ослабления действия фактора «шоковой терапии» после первых лет распада бывшего СССР и адаптации населения на постсоветском пространстве к новым реалиям капиталистической экономики произошло сокращение миграции на всех уровнях. Миграционный прирост в России за счет въезда из стран СНГ и Балтии начал сокращаться, что привело в 2000 г. к его падению почти на одну восьмую в сравнении с предшествующим годом. Однако тот факт, что подобная иммиграция в целом является отражением неблагоприятной социально-демографической ситуации в странах-донорах, проявлением негативного отношения к пришлому русскому населению в бывших союзных республиках, стремлением заменить русские кадры национальными, принудить русское население оставить свое жилье и имущество и выехать в РФ, привносит ряд негативных последствий.

Вынужденные перемещения населения сопровождаются обострением во многих регионах России ситуации на рынках рабочей силы и жилья, ухудшением квалификационной структуры рабочей силы, усилением «давления» со стороны маргинальных слоев и групп, обнищанием огромной массы людей, отсутствием для многих мигрантов какой-либо социальной поддержки. Вынужденные переселенцы, и ранее имевшие низкий материальный уровень, в подобной ситуации обладают крайне ограниченными стартовыми финансовыми и материальными возможностями для решения своих социальных и жилищных проблем. В то же время плачевное состояние российской экономики создает на рынке рабочей силы практически неразрешимые проблемы в части обеспечения вынужденных переселенцев работой и источниками средств существования. По расчетам авторов, две трети вынужденных переселенцев находятся на грани выживания, не имея средств даже для минимального обеспечения своих семей продуктами питания (с.7).

Еще большую остроту в последние годы приобрели проблемы, связанные с нелегальной иммиграцией иностранных рабочих в Россию. Только за последние пять лет количество задержанных на границе незаконных иммигрантов выросло примерно в 10 раз. Главными факторами, способствующими развитию нелегальной иммиграции из стран СНГ и дальнего зарубежья, являются:

сравнительно более прочное экономическое положение России и значительная разница в жизненном уровне населения как в рамках СНГ, так и по сравнению со многими странами Ближнего и Среднего Востока, Азии, Африки и других регионов.

В обострении миграционной обстановки важную роль сыграли развитие альтернативных форм занятости, связанных с использованием (хотя и в ограниченных масштабах) иностранного капитала, внедрение смешанных форм собственности, частнокапиталистического сектора и индивидуальной занятости; отсутствие эффективного иммиграционного контроля и «прозрачность» российских границ; наконец, выгодное географическое положение России для транзита мигрантов из слаборазвитых районов Азии в Западную Европу.

В то же время для России характерны неразвитость действующего российского законодательства в области миграции и сама практика его толкования. Авторы приводят основные нормативные акты российского иммиграционного законодательства и пока еще действующие законы бывшего Советского Союза. Эти акты регулируют только отдельные правоотношения, но не создают единой базы иммиграционных правовых актов в классическом понимании. Авторы приводят основные положения разрабатывавшегося нового закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В основной массе мигрантам оформляется въезд в страну по приглашениям, являющимся основанием для рассмотрения вопроса о выдаче им визы или основанием для въезда в РФ при безвизовом режиме.

В первой главе рассматриваются система и задачи иммиграционного контроля в России. Авторы отмечают значимость рассмотрения данной проблемы в связи с тем, что значительное количество вынужденных иммигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья представляют собой практически неконтролируемый поток мигрантов. В условиях «прозрачности» границ между бывшими союзными республиками, а ныне независимыми государствами, произошло значительное увеличение потока транзитных пассажиров. При этом ослаб контроль за их перемещением. На этом фоне отмечается резкое увеличение числа иностранцев, которые прибывают в РФ с нарушением установленных правил или используют Россию как промежуточный пункт на пути в более благополучные

западные страны. Значительно увеличилось число иностранцев, использующих Россию для перевалки ввозимых оружия, наркотиков, нелегалов.

Во второй главе авторы анализируют современную практику регулирования иммиграционных процессов в других странах. Иммиграционная политика зарубежных стран оказывает значительное влияние на ход и направление миграции в России как в отношении иммиграции в РФ, так и в отношении эмиграции из России. Так, отмеченное в последние годы ужесточение правил иммиграции в страны Западной Европы, США, Канаду значительно сократило эмиграцию из России в эти страны. В частности, введенные Францией меры по ограничению иммиграции и восстановление паспортного контроля на своих границах с некоторыми странами (ранее отмененного после вступления в силу Шенгенских соглашений 1995 г.) оказались на масштабах эмиграции россиян в эту страну. Были внесены изменения в иммиграционное законодательство шести членов Европейского союза (Бельгии, Франции, Германии, Нидерландов, Португалии и Великобритании в 1993 г.). Новые поправки в законодательные акты были внесены в трех странах (Дании, Италии, Австрии) в 1994 г. Изменения в законодательстве были направлены на снижение возможности получения вида на жительство. Это было достигнуто посредством более тщательной процедуры рассмотрения запросов и ходатайств о получении вида на жительство или предоставлении иного статуса, снижения расходов на социальное обеспечение и разного рода помощь новым иммигрантам.

Подобная политика промышленно развитых стран (ПРС) привела к тому, что иммигранты из стран «третьего мира», не получившие на законных основаниях визы и вид на жительство, чтобы поселиться в ПРС Западной Европы, США, Канаде, вынуждены искать другие легальные и нелегальные возможности устройства на работу или получения политического убежища в России, странах СНГ, Восточной Европы и Балтии. В результате все большее число иностранцев из стран «третьего мира» оседает в России, в том числе из-за трудности получения виз в ПРС. Как отмечают авторы, иммиграционная политика и законодательство ПРС касаются в основном трех категорий иностранцев: иностранная рабочая сила; лица, ищущие убежища; въезд по линии воссоединения

семей. Авторы подробно анализируют систему регулирования иммиграции в США, Швеции, Канаде, Австралии, Бельгии, Дании, Германии, Швейцарии, Франции, Норвегии и других странах.

По мнению авторов, анализ практики оказания помощи беженцам в ПРС свидетельствует о невозможности перенесения их опыта в Россию (с.40). Единственное, что может быть использовано в практической работе в России, – опыт приема и адаптации в Германии российских немцев и опыт адаптации и расселения еврейских репатриантов в Израиле.

В третьей главе рассматривается нелегальная миграция и проблемы ее предотвращения. Авторами рассматривается международный опыт борьбы с нелегальной миграцией. Система мер, предпринимаемых ПРС в борьбе с нелегальной иммиграцией, предусматривает ряд положений, которые могут быть применены и в России: предотвращение нелегальной иммиграции; проведение информационных компаний; укрепление границ; создание системы иммиграционного контроля, повышение технической оснащенности пограничной службы; работа с транспортными перевозчиками; ужесточение штрафных санкций за нелегальную иммиграцию, незаконную занятость и контрабандную переправку мигрантов; организация немедленной депортации нелегалов из числа иностранных граждан; регулирование статуса иммигрантов, осуществление программ легализации для незаконных иммигрантов (с.42).

Авторы особое внимание уделяют предотвращению нелегальной миграции. Правительства независимых государств самостоятельно определяют направления своей иммиграционной политики, и в реализации этой политики большое значение имеет деятельность по борьбе с незаконной иммиграцией. Система мер по предотвращению нелегальной иммиграции включает два основных направления: а) принятие мер по упорядочению пребывания иностранных граждан на территории страны и б) проведение информационных компаний по предотвращению незаконного въезда мигрантов. Первое обеспечивается путем информационных компаний по доведению общественного сознания до понимания отрицательных последствий нелегальной миграции. Для потенциальных мигрантов достоверная информация о возможности законного въезда в ПРС имеет большое значение, помогая им воздержаться от принятия и осуществления дорогих и рискованных предложений о работе за рубежом со стороны

сомнительных посредников и туристических фирм. Авторы рассматривают приемы информационно-разъяснительной работы по предупреждению нелегальной миграции в ряде ПРС, в том числе в США, Канаде, на Филиппинах. Достоверная информация о легальных условиях въезда и работы в странах-реципиентах особенно важна для мигрантов-женщин.

Особую значимость приобретают мероприятия различных государств по организации контроля на границе. Для большинства стран важнейшим путем борьбы с нелегальной иммиграцией остается ужесточение порядка въезда и иммиграционного контроля. Многие ПРС для борьбы с нелегальной иммиграцией ужесточают свой визовый режим. Так, в 90-е годы страны – участники ЕС определили 110 стран, граждане которых при въезде в страны ЕС должны оформлять визы. В ряде случаев визы вводятся для граждан тех стран, откуда особенно велик наплыв нелегальных мигрантов. Для въезда в США, например, требуются визы для граждан всех государств, за исключением 26 стран, гражданам которых разрешен безвизовый въезд в США на срок не более 90 дней (с.45).

Авторы в качестве одной из мер борьбы с нелегальной иммиграцией рассматривают укрепление пограничной полосы, тем более что нелегальные иммигранты в одиночку или группами во главе с проводниками пересекают труднодоступные участки государственной границы, особенно в лесных и горных районах. В качестве примера приводятся мероприятия по укреплению государственных границ США, Германии, Малайзии, Кувейта. Пограничные службы многих стран принимают эффективные меры по усилению паспортного контроля и выявлению недействительных документов. Для борьбы с фальшивками используются специальные методы выявления поддельных штампов и печатей. Ужесточаются требования к транспортным перевозчикам. Принимаются дополнительные меры по пресечению нелегального пребывания и незаконной трудовой деятельности, по борьбе с уклонением от официальной регистрации, со вступлением в фиктивные браки. Авторы подробно анализируют санкции за незаконную занятость, за незаконное привлечение и использование иностранной рабочей силы. Подробно рассматриваются методы депортации на примере США, Канады, Польши, Австралии, Финляндии, Франции, Германии, Чехии, Вьетнама, других стран.

Авторы обращают внимание на необходимость стандартизации процедур предоставления убежища. Это особенно актуально для европейских стран, в которых длительное время многочисленные нелегальные иммигранты без особых проблем получали политическое убежище и статус беженца. Значительная часть подобных мигрантов на поверку оказывалась по сути экономическими мигрантами, причем во многих случаях соответствующее прошение подобные мигранты подавали одновременно в несколько стран. Создание менее благоприятных условий для иммигрантов и усложнение процедур признания беженцами привело к росту числа нелегальных мигрантов во многих странах.

Далее рассматриваются практика законодательных амнистий и программы легализации незаконных иммигрантов. Для подобных программ легализации характерны четкая и жесткая фиксация временных рамок, в течение которых можно подать ходатайство о легализации; определение срока проживания мигранта и его семьи к моменту подачи заявления; наличие у заявителей постоянного места работы, источников дохода и жилья; сохранение конфиденциальности предоставляемой заявителем информации; принятие после легализации более жестких административных мер в отношении въезда иммигрантов и пребывания иностранцев (с.60).

Одна из наиболее известных амнистий в мире была осуществлена США в 1986 г., когда американские власти разрешили всем находящимся в стране нелегальным иммигрантам со значительными финансовыми средствами легализовать свое пребывание в стране. В европейских странах легализация иммигрантов была осуществлена в 2000 г. в Бельгии, ранее – во Франции, Италии, Португалии; в странах Азии – в Малайзии, на Филиппинах, Таиланде; в Латинской Америке – в Чили, Эквадоре, Аргентине, Боливии, Парагвае, Уругвае; в Африке – в ЮАР, а также среди других стран – в Австралии. Как отмечают авторы, эффект от легализации был весьма различен, в ряде случаев минимален.

Важным направлением деятельности по легитимизации и декриминализации миграции является борьба с торговлей людьми, а также с преступными группировками, которые организуют вербовку, переправку мигрантов, эксплуатацию их труда, секс-эксплуатацию женщин-мигрантов и другие виды преступлений, связанные с нарушением российских законов и прав мигрантов.

Во втором разделе главы авторы исследуют нелегальную миграцию в России. В переходный период международная миграция в РФ существенно изменилась. Распад СССР привел к наплыву беженцев и вынужденных переселенцев, возросли потоки мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, возросло число стремящихся получить в России работу. Значительное число иммигрантов в России оказалось с одной-единственной целью – перебраться на Запад. Подобные процессы обязательно должны сопровождаться наплывом нелегальных мигрантов. РФ в подобных условиях должна была проводить четко сформулированную и бескомпромиссную миграционную политику.

Нелегальная миграция приобрела тотальный характер и начала крайне отрицательно сказываться на стабильности в российских регионах. Она начала активно соединяться с криминальной средой и сама стала все сильнее приобретать криминальный характер. Ее негативное воздействие ощущается не только в районах, примыкающих к границам страны, но даже в самом центре, в Москве. Пограничные районы РФ все более насыщаются иммигрантами, которые зачастую только посредством криминала оказываются в состоянии обеспечить выживание своих семей.

По мнению авторов, для более глубокого понимания проблем нелегальной миграции следует четко определить основные понятия и термины. Следует, считают авторы, учитывать в первую очередь три важнейших момента: пересечение государственной границы (нелегальный, незаконный въезд в РФ); нелегальное пребывание в России; нелегальная (незаконная) занятость. Авторы дают свое определение нелегальной миграции: въезд, пребывание и/или осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности с нарушением установленного порядка – без оформления или с ненадлежащим оформлением соответствующих документов и разрешений, определенным российским законодательством, а также с использованием недействительных, поддельных, фиктивных и чужих или утративших юридическую силу в связи с истечением срока их действия документов (с.71).

Существующая система мер по противодействию массовой иммиграции в Россию, по мнению авторов, не соответствует сложившемуся положению с нелегальной миграцией. Регулирование иммиграции должно способствовать выполнению страной своих

международных обязательств; реализации и соблюдению прав человека и защите национальных интересов России, в том числе обеспечению ее безопасности.

Проблемы, связанные с распространением нелегальной миграции, являются новыми для России и решаются с трудом не только из-за отсутствия достаточного опыта решения этих задач по международным правилам и отсутствия достаточной правовой основы, но также из-за сложившегося за годы советской власти подхода к подобным проблемам как единичным явлениям.

В стране сложилось совершенно особое положение в части нелегальной миграции. Во-первых, на территории страны скопилось огромное количество нелегальных мигрантов, в том числе в пограничных районах (Приморский, Ставропольский, Краснодарский края, Белгородская, Волгоградская, Калининградская области, районы вдоль российско-казахстанской границы). По некоторым оценкам, их насчитывается несколько сот тысяч человек, и их численность продолжает с каждым годом увеличиваться. Во-вторых, иностранные граждане отличаются в России особой мобильностью и подготовленностью к экстремальным ситуациям и достижению своих целей, как легальных, так и полулегальных. В-третьих, их оседанию в указанных районах России, равно как и в центральных, включая столицу, способствует сложившаяся диаспора, которая уже обосновалась, создала для себя легальную и полулегальную основу, установила тесные контакты с коррумпированными чиновниками правоохранительных органов, обладает большой базой данных о положении на отдельных участках российской границы, о социально-экономической ситуации в отдельных регионах России, о брешах в иммиграционном законодательстве и т.д.

Поэтому меры, осуществляемые различными государственными органами России, как правило, оказываются малоэффективными. Пока что наиболее часто используется система штрафов за нарушение режима пребывания и отсутствия миграционных карт и регистрации у иностранцев. В то же время такая эффективная мера, как депортация, обходится для России слишком дорого и потому применяется в ограниченных масштабах.

Пока что в стране отсутствует комплексный подход к решению проблемы нелегальной миграции, тем более что предпринимаемые

действия выглядят как полумеры и недостаточно проработаны на фоне практики, применяемой странами Европейского союза.

Проблема нелегальной миграции носит широкий международный характер. По данным МОТ, на которые ссылаются авторы, в настоящее время не контролируется около трети всего потока международной миграции (с.73). Пока что в России нелегальная миграция также практически не контролируется. В то же время нелегальные иммигранты создают сложные проблемы на рынке труда России, способствуют сохранению и развитию теневого сектора в экономике. Проблемы нелегальной миграции усугубляются экономическими трудностями, переживаемыми Россией. В стране сложилась ситуация, благоприятствующая трудоустройству иммигрантов при сохранении безработицы среди национальных трудовых кадров. Нелегалы оказываются вовлечеными в теневую экономику и незаконный бизнес, в нелегальную переправку работников в страны Западной Европы, США и Канаду. Нелегалы в крупных городах сформировали этнические сообщества и стали питательной базой для криминального сообщества, будучи в тесном контакте с организованными преступными группировками. Авторы предлагают ряд мер по оздоровлению ситуации в области трудовой миграции, в области социальной защиты иммигрантов, в области борьбы с организованной преступностью.

В четвертой главе проводится анализ международно-правовых аспектов убежища. В первом разделе главы авторы дают определение права убежища (право иностранного гражданина укрыться от преследования в другой стране). Однако право человека на получение убежища не обязывает государства предоставлять подобное убежище. В Декларации прав человека отмечается право «искать и пользоваться этим убежищем», а не право «искать и получать убежище» (с.76). Нуждающиеся в убежище не могут обязательно рассчитывать на право убежища в конкретной стране. Авторы считают категорию «лицо, ищущее убежище» довольно расплывчатой, поскольку она включает лиц, которые в конечном счете будут признаны беженцами, ходатайства которых будут отклонены, а также тех, кому предоставят тот или иной вид на жительство даже в случае, если они не получат официального статуса беженца. Кроме того, людей, которые автоматически могут считаться беженцами, если они перебрались в другое государство, следует рассматривать только как ищущих

убежище, если они следуют транзитом в другие государства и добиваются допуска в страну, где применяется процедура индивидуального рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища.

Как отмечают авторы, многие добивающиеся предоставления статуса беженца на самом деле являются экономическими мигрантами. Поэтому правительства ПРС вводят систему мер, направленных против лиц, стремящихся получить подобный статус беженца. В итоге в ПРС количество ходатайств о предоставлении убежища существенно сократилось, уровень защиты беженцев понизился, их потоки были перенаправлены в другие регионы, масштабы нелегальной миграции существенно возросли.

Далее авторы обсуждают категорию и статус беженца и рассматривают процедуру признания лица беженцем. Приводятся соответствующие примеры из истории рассмотрения определенных категорий лиц беженцами, в том числе категории «русские беженцы», сформулированной в мае 1926 г. на конференции по вопросам русских и армянских беженцев в Женеве. Авторы дают определение понятий «беженец», «вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований», «раса», «вероисповедание», «гражданство», «социальная группа», «политические убеждения», «национальный режим», «режим, установленный для граждан страны обычного места проживания беженца», «наиболее благоприятный режим», «временное убежище».

В третьем разделе главы авторами рассматривается международное регулирование правового режима беженцев, в четвертом – понятие «безопасной страны», в пятом – соглашения о реадмиссии. Как отмечают авторы, Германия объявила все соседние государства либо безопасными странами происхождения, либо безопасными третьими странами и тем самым успешно сняла с себя ответственность за предоставление убежища лицам, прибывающим в нее без действующей визы сухопутным путем. Все большее число стран, отмечают авторы, стремятся интерпретировать критерии предоставления статуса беженца все более ограничительным и запретительным образом. ПРС добились успеха в своем стремлении ограничить и сократить число людей, прибывающих на их территорию в поисках убежища (с.103).

В заключительной, пятой главе рассматривается опыт предоставления убежища и статуса беженца в Российской Федерации.

Отдельно приводится краткий обзор процедур и практики рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища в странах Западной Европы. В РФ на основании ст. 63 Конституции РФ иностранным гражданам и лицам без гражданства в соответствии с общепризнанными нормами международного права предоставляется политическое убежище, временное убежище и статус – признание беженцем.

Указанное политическое убежище предоставляется иностранцам – гражданам других государств и лицам без гражданства, ищущим убежище и защиту от преследований или реальной угрозы стать жертвой преследования в стране своей гражданской принадлежности или стране обычного пребывания, за общественно-политическую деятельность и убеждения, не противоречащим демократическим принципам, признанным мировым сообществом, нормам международного права.

Авторы особо останавливаются на условиях, препятствующих предоставлению убежища (за действия, считающиеся в РФ преступлениями; за привлечение по уголовному делу в качестве обвиняемого; при прибытии из третьей страны, где этому лицу не грозило преследование; при прибытии из стран с развитыми и устоявшимися демократическими институтами в области прав человека; при прибытии из стран, с которыми РФ имеет соглашение о безвизовом пересечении границ; при предоставлении заведомо ложных сведений; при наличии гражданства третьей страны, где данное лицо не преследуется) (с.105). Как отмечают авторы, данный вид убежища (считающийся политическим) почти не используется, имеются только единичные случаи обращения с ходатайством о предоставлении политического убежища. Иностранные граждане и лица без гражданства – предпочитают получать защиту в качестве беженцев.

Далее авторы рассматривают статус беженца в России. Россия оказывается страной, наиболее уязвимой с точки зрения обустройства иммигрантов, желающих найти убежище именно в РФ, причем их поток не ослабевает. Этому, в частности, способствует «прозрачность» границ, чем особенно часто пользуются вынужденные переселенцы и иммигранты. Подавляющее большинство подобных мигрантов бегут не от преследований в собственной стране, а в стремлении улучшить свое социально-экономическое положение. Поэтому перед российскими органами стоит нелегкая задача

вычленить тех, кто действительно нуждается в защите в качестве беженцев, из общего потока просто стремящихся улучшить свое материальное положение.

Россия присоединилась в 1992 г. к Конвенции ООН от 1951 г. и Протоколу от 1967 г., взяв на себя обязательства принимать лиц, ходатайствующих об их признании беженцами. Авторы описывают процедуру предоставления статуса беженца в соответствии с федеральным законом от 28 июня 1997 г. «О беженцах», который вступил в силу 3 июля 1997 г. Одновременно приводится определение понятия «беженец». О признании беженцем могут ходатайствовать иностранные граждане либо лицо без гражданства, которое прибыло или желает прибыть на территорию РФ. При этом желающие прибыть на территорию России должны находиться вне страны своей гражданской принадлежности или страны своего прежнего обычного местожительства. Излагается процедура признания беженцем, которая предполагает, что российское законодательство не предусматривает каких-либо привилегий для лиц, ищущих убежища, прибывших из республик бывшего СССР, а в настоящее время – суверенных государств, или каких-либо «особых» стран.

Процедура признания беженцем слагается из двух основных этапов: первый этап – предварительное рассмотрение ходатайства при обязательной процедуре идентификации личности; второй этап – рассмотрение ходатайства по существу. В то же время работа по признанию иностранного гражданина беженцем является индивидуальной процедурой, с рассмотрением всех обстоятельств и причин, совокупности сведений, получаемых от заявителя, при важности именно событий и их воздействии на заявителя, информации о стране на момент подачи заявления от соискателя статуса беженца. Авторы рассматривают процесс документирования лиц, ходатайствующих об их признании беженцами, и лиц, признанных беженцами; права и обязанности лиц, ходатайствующих о признании беженцем, и самого беженца; деятельность центров временного размещения; срок действия статуса беженца. Отмечается, что подавляющее большинство иностранцев утрачивает статус беженца в связи с получением разрешения на постоянное проживание на территории РФ либо в связи с приобретением российского гражданства.

В заключительной части главы авторы рассматривают особенности реализации механизма предоставления убежища в РФ. Последнее тесно связано с проблемой незаконной миграции, поскольку обращение иммигранта с просьбой о предоставлении убежища позволяет ему легализоваться в случае его незаконного пребывания в России как минимум на срок рассмотрения его дела (ходатайства) о предоставлении убежища. Пока что действующие территориальные миграционные органы могут ежегодно рассматривать не более 3 тыс. обращений иностранцев, тогда как на учете в этих органах на начало XXI в. состояло более 45 тыс. иностранцев, которые хотели получить право считаться беженцами. Причинами подобного дисбаланса авторы считают неравномерное распределение иностранцев по территории РФ; трудоемкость и сложность рассмотрения подобных дел; отсутствие достаточного числа переводчиков; малую численность и недостаточную квалификацию персонала; несовершенство миграционного законодательства и правоприменительной практики; малочисленность центрального и контрольного аппарата; несовершенство механизма получения необходимой оперативной информации; отсутствие соответствующего финансового, материально-технического и программного обеспечения процедуры предоставления политического убежища.

Авторы прогнозируют рост ходатайств о предоставлении убежища. Ежегодно в РФ будут дополнительно обращаться с просьбой о предоставлении убежища 10–15 тыс. вновь прибывших иностранцев (с.115). При возрастании числа отрицательных решений может резко возрасти число обжалований, равно как и в случае ужесточения контроля за пребыванием иностранцев. По мнению авторов, при ныне действующей системе ежегодно возможно признание беженцами 500–1000 человек. Могут возникнуть неординарные случаи правового порядка типа проблемы «афганских детей», образовавшейся в связи с наплывом на территорию страны беженцев с детьми из Афганистана после падения просоветского режима (с.115–116).

Случаи с «афганскими детьми» показали необходимость постоянного совершенствования иммиграционного законодательства и всей работы в сфере урегулирования иммиграционной проблемы в России.

**Современная миграционная ситуация
в приграничных районах Дальнего Востока:
(Мнения экспертов) / Рыбаковский Л.Л., Гришанова А.Г.,
Кожевникова Н.И. и др.; Под ред. Гришановой А.Г. ; РАН.
Ин-т социал.-полит. исслед. – М., 2001. – 45 с.**

Данное исследование осуществлено в отделе миграции Центра социальной демографии ИСПИ РАН и посвящено анализу миграционной ситуации в приграничных районах Дальнего Востока, прежде всего в пределах Приморского и Хабаровского краев и Амурской области. Работа состоит из введения и двух разделов. В первом анализируются современные проблемы миграционных процессов на приграничных территориях Дальнего Востока, во втором дана оценка российскими экспертами миграционной ситуации в регионе.

Как отмечается во введении, распад СССР вызвал коренное изменение геополитической ситуации в России в целом и на Дальнем Востоке в частности. Это по-новому обозначило проблему миграции во всех приграничных районах РФ и выдвинуло ее в ряд актуальных проблем социально-экономического развития. Проблемы миграции на данной территории, по мнению авторов, носят крайне неблагоприятную направленность, приобрели невиданные масштабы и имеют опасные в геополитическом и социально-демографическом отношении последствия не только для региона, но для страны в целом. Эта миграция в общих чертах слагается из потоков, фактически означающих выезд местного населения в Европейскую часть России, экспансии китайского населения на постоянное место жительства в районы Дальнего Востока и Сибири, и временных

перемещений, носящих черты временных трудовых миграций и принимающих зачастую нелегальные формы.

На Дальнем Востоке миграция приобрела специфические черты, отличающие ее от аналогичных процессов в других приграничных районах России. По мнению авторов, специфика ситуации в этом районе состоит в развитии процессов на фоне сохранения неизменности государственных границ страны после распада СССР. Кроме того, это территория, имеющая протяженную границу со странами дальнего зарубежья. Уровень заселенности территории Дальнего Востока остается крайне низким и даже понижается по сравнению с уровнем заселенности сопредельных государств (Китая, Монголии, КНДР, Японии). Территория постоянно испытывает экономическую экспансию как со стороны соседних государств (Японии, Китая), так со стороны иммигрантов из стран Юго-Восточной Азии. Здесь также проявляется откровенный геополитический интерес и территориальные притязания к районам Дальнего Востока, достаточно ярко выраженные и ранее, на определенных этапах исторического развития, со стороны Китая. В то же время, по мнению авторов, отсутствие полноценного в правовом отношении решения вопроса о разграничении сопредельных территорий России и Китая также вносит свой вклад в обострение ситуации.

Острота миграционной ситуации на Дальнем Востоке и особенно на его приграничных территориях в значительной мере способствовала резкому повороту «вспять» вектора миграций внутрь страны, на постоянное место жительства. В результате обострения социально-экономической ситуации внутри страны в целом и в данном регионе в частности происходит массовая миграция внутрь страны, что отмечалось и ранее, в советский период. Прежние, во многом позитивные и долговременные тенденции в развитии миграции, связанные с заселением малоосвоенных пространств и использованием богатств Сибири и Дальнего Востока, фактически были сведены к нулю.

Одновременно усилилось действие фактора нелегальной миграции из Китая, что дополнительно усложнило миграционную ситуацию в регионе в условиях перехода к капитализму. С середины 90-х годов в приграничных районах Дальнего Востока коренное население все сильнее замещалось иммигрантами, в первую очередь

из Китая. Это ускорило процесс изменения национального состава населения приграничных территорий: русское население устремилось на запад, в центральные районы РФ. Как утверждают авторы, экономические интересы китайских иммигрантов сводятся к хищнической эксплуатации природных и человеческих ресурсов Дальнего Востока, вывозу из России капиталов и материальных ресурсов. В отличие от китайцев, корейские иммигранты всегда стремились прежде всего получить российское гражданство (с.8).

По мнению авторов, все эти процессы ослабляют геополитическое положение РФ на Дальнем Востоке и противоречат интересам национальной и экономической безопасности страны. Особенно ярко это проявляется на фоне быстрого роста населения в сопредельных районах Китая. Население северо-восточных районов КНР на несколько десятков миллионов человек превосходит общую численность населения всей РФ. Что касается населения Дальнего Востока и Забайкалья (Приморского и Хабаровского краев, Амурской и Читинской областей), то оно примерно в 10 раз меньше населения непосредственно граничащих с регионом провинций Китая (Хэйлунцзяна и Цзилиня) и автономного района Внутренней Монголии (с.8). Китайские приграничные провинции на данном этапе в экономическом отношении развиты недостаточно, среди их населения распространена безработица, они не могут стать главными зонами миграционного притяжения внутри континентального Китая, а потому стали донорами неконтролируемой миграции в Россию, в первую очередь для ее сопредельных территорий на Дальнем Востоке.

Все это создает острую проблему для приграничных районов РФ, поскольку китайская иммиграция замещает вакуум, образовавшийся в результате массового выезда русских в глубь страны, способствует разрушению ранее сложившегося демографического и профессионального потенциала. Регион теряет кадры, адаптированные к сложившейся производственной и социальной инфраструктуре, природным условиям региона, а это ведет к дальнейшему уменьшению плотности населения на указанных территориях, снижает уровень их хозяйственного освоения. В обозримой перспективе район, как считают авторы, может столкнуться с проблемой крупномасштабной территориальной экспансии со стороны Китая в отношении России, особенно в случае ослабления функций центральной власти РФ на Дальнем Востоке.

Далее авторы переходят к рассмотрению современных проблем миграции на приграничных территориях Дальнего Востока. По мнению авторов, современная миграционная ситуация в регионе вообще и на приграничных территориях в особенности характеризуется принципиально новыми по сравнению с предшествующим десятилетием XX в. тенденциями. Этому способствовали, с одной стороны, общероссийские факторы: распад СССР, дестабилизация ситуации в новых независимых государствах на месте бывшего Советского Союза, внутренние и межгосударственные конфликты на постсоветском пространстве, различия в уровне социально-экономического развития новых государств, рост межэтнической разобщенности, острейший социально-экономический кризис и повсеместное массовое обнищание населения. С другой стороны, сказалось воздействие сугубо региональных факторов, в частности, особого геополитического положения (удаленность от наиболее развитых территорий РФ, соседство с плотнонаселенными странами); неблагоприятных природных условий; автаркии приграничных районов; катастрофического состояния экономики, проявляющегося в глубоком структурном кризисе на фоне сложившейся односторонней отраслевой структуры с ориентацией на добывающие отрасли промышленности. Свою негативную роль также сыграли: многократное сокращение инвестиций Центра; отсутствие достаточных внутренних источников финансирования; падение спроса на многие виды продукции отечественного производства на внутреннем национальном рынке, особенно продукцию ВПК; низкая конкурентоспособность большинства отраслей в условиях перехода к рынку из-за неэффективной отраслевой структуры и отсталой технологии; наконец, либерализация отношений с соседними странами старого зарубежья при отсутствии должного пограничного контроля (с.10).

Все это обусловило остроту миграционной ситуации на приграничных территориях, которая оформилась в четыре основных блока проблем: а) развитие внутренней миграции; б) миграционный обмен со странами нового зарубежья; в) миграционный обмен со странами старого зарубежья и г) нелегальная миграция.

Важнейшая проблема внутрироссийских миграций – необходимость стабилизации численности населения в приграничных с Китаем районах в условиях естественной убыли постоянного

населения. Подобная убыль явилась следствием резкого снижения численности населения образующих этот регион субъектов Федерации в результате сокращения естественного прироста. Результатом миграции на фоне естественной убыли населения стало неуклонное снижение плотности населения, а в ряде случаев обезлюдение важных в стратегическом отношении, но наименее экономически освоенных территорий на границах с Китаем.

В целом приграничные с Китаем территории Дальнего Востока и Сибири потеряли за 1991–2000 гг. в среднем более 8% населения, в том числе Читинская область – 10, Хабаровский край и Еврейская автономная область – 9, Приморский край – 6% (с.11). Это сокращение было стабильной тенденцией (охватывая все приграничные территории), было синхронно на всех территориях и совпало с началом процесса естественной убыли всего населения РФ. Естественная убыль по времени оказалась синхронной с переходом страны к рыночным отношениям и в последующие годы неуклонно нарастала на всех территориях.

Спецификой демографической ситуации в рассматриваемом районе является то обстоятельство, что миграция усугубляет естественную убыль и способствует обезлюдению территорий. И естественная убыль, и сальдо миграции остаются в регионе отрицательными величинами. При этом миграция является также доминирующей компонентой указанной негативной динамики, обеспечивая за десятилетие более 80% общей убыли населения всех приграничных районов. Последние за указанное десятилетие потеряли половину всего миграционного прироста за предшествующие 40 лет (1951–1990). За десятилетие 1991–2000 гг. здесь сложился отрицательный миграционный баланс, причем он отмечался как в каждом отдельном субъекте Федерации, так и на территории в целом.

Основной составляющей миграционных потерь стали внутренние межрайонные миграции, причем их доля в совокупном миграционном сальдо составила 94% (с.13). Авторы делают вывод, что именно ситуация в сфере внутренней миграции сформировала основную особенность миграционной ситуации на приграничных с Китаем территориях и стала одной из наиболее острых проблем (с.13). В то же время отрицательное сальдо миграции со странами нового зарубежья составило всего 6% общей миграционной убыли

региона, а сальдо миграции со странами старого зарубежья вообще оказалось нулевым. Это позволяет говорить о доминирующей роли внутрироссийских межрайонных миграций в формировании миграционной ситуации.

Специфической особенностью внутренних миграций в регионе явилось также образование в 1992–1993 гг. отрицательного сальдо в миграциях населения дальневосточных городов, что было характерно и для городского населения РФ в целом. Дальневосточный регион явился «главным виновником» сокращения городского населения РФ в целом. При этом первоначальная миграция горожан в прилегающие сельские местности региона сменилась межрайонными перемещениями, что оказало крайне негативное воздействие на слабозаселенные приграничные территории Дальнего Востока и Сибири. Сибирь и Дальний Восток теряли не только городское, но и сельское население. В итоге на приграничных территориях Дальнего Востока сокращение населения в результате внутрироссийских миграций происходило быстрее, чем в РФ в целом. Характерно, что в подавляющем большинстве мигранты возвращались в те регионы России, откуда они ранее отправились в поисках лучшей жизни на восток.

Авторы рассматривают три возможных альтернативных сценария дальнейшего развития миграционной ситуации в результате межрайонных миграций на приграничных территориях. Первый – активный, рассчитанный на проведение активной миграционной политики в регионе. Ожидаемые результаты – усиление внутрирегиональной миграции с севера на юг, в приграничные области, сокращение межрайонных миграций вплоть до образования нулевого сальдо. Основные действующие факторы – система социально-экономических льгот в трудовой и социально-бытовой сферах, создание привилегированных условий для жителей приграничных территорий. Геополитическим последствием может стать улучшение геополитической ситуации на приграничных территориях.

Второй сценарий – инерционный, предполагающий отсутствие государственного вмешательства в миграционные процессы в течение ближайших 5–10 лет. Его результатом может стать постепенное увеличение межрайонной миграционной убыли и дальнейшее сокращение численности населения приграничных районов и их доли в населении РФ и Дальнего Востока. Следствием может стать

ухудшение геополитической ситуации, особенно на приграничных территориях.

Третий сценарий – пассивный, рассчитанный на усиление негативных тенденций социально-экономического и демографического развития региона, особенно приграничных территорий. Это может активизировать межрайонные миграции и увеличить миграционную убыль населения на фоне дальнейшего сокращения интенсивности внутрирайонных миграций в рамках всего региона – с севера на юг, а также привести к ускорению миграционного оттока, особенно с приграничных территорий. Это, по мысли авторов, может резко обострить геополитическую ситуацию не только на приграничных территориях, но и в остальной части региона.

Далее авторы рассматривают второй блок миграционных проблем – миграционный обмен со странами нового зарубежья. Основная проблема здесь – обеспечение повышения приживаемости населения, прежде всего мигрантов из бывших союзных республик, которые в той или иной степени адаптировались к специфическим условиям региона. Авторы отмечают ничтожную величину отрицательного сальдо миграционного обмена территорий, составляющих регион, со странами СНГ и Балтии. Особенностью этого обмена является отток, а не приток населения, что характерно для других регионов РФ. На дальневосточной государственной границе нет сопредельных государств ближнего зарубежья, а потому с позиций территориальных притязаний миграция коренных национальностей стран СНГ, хотя и может нарушить гомогенность населения приграничных территорий, не создаст опасности для региона.

По итогам миграционного обмена за десятилетие 1991–2000 гг., по мнению авторов, сформировались негативный характер миграционной ситуации и тенденции ее современного развития, а также и сценарии будущего развития. Отмечается тенденция неуклонного нарастания негативного характера миграционного обмена со странами ближнего зарубежья на приграничных с Китаем территориях Дальнего Востока. В новых социально-экономических условиях возникли трудности в обеспечении приживаемости и адаптации возможных новых мигрантов на этих территориях. Поэтому авторы считают более целесообразным повысить приживаемость уже адаптированных к дальневосточным условиям мигрантов прошлых лет из стран ближнего зарубежья, а не усиливать

отрицательные последствия от увеличения миграционного обмена дальневосточных регионов.

Авторы предлагают свои возможные сценарии развития миграционного обмена. Первый, активный сценарий, рассчитанный на проведение стимулирующей иммиграционной политики в отношении указанных государств, предполагает в течение ближайших 5–10 лет сокращение отрицательного сальдо миграции до нуля, а затем образование положительного сальдо. В этом случае можно ожидать стабилизацию социально-демографической ситуации в регионе на оптимальном в современных условиях уровне. Однако не следует ожидать при подобном варианте общего улучшения geopolитической ситуации. Если предполагать укрепление национальной и экономической безопасности, то подобный сценарий не является оптимальным. В подобном случае население приграничных территорий может пополниться лицами с «дальней этнической дистанцией» (с.14). Подобные категории новоселов будут в значительной мере склонны к повторным и возвратным миграциям, в первую очередь за пределы страны.

Второй сценарий авторы определяют как инерционный. Он предполагает дальнейшую стабилизацию отрицательного сальдо миграции на небольшом уровне, характерном для данного времени. Его последствиями будут сохранение этнодемографической структуры региона. В подобных случаях не следует ожидать существенных корректировок в демографическом развитии и geopolитической ситуации.

Третий сценарий – пассивный, предполагающий в случае дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации на Дальнем Востоке увеличение миграционного оттока населения в страны СНГ и Балтии за счет возвратной миграции в места прежнего проживания переселенцев. В этих условиях социально-демографическая и geopolитическая ситуация в регионе ухудшится. На фоне возможного ухудшения демографической ситуации в РФ миграционная ситуация в регионе может еще более обостриться.

Третий блок посвящен миграционному обмену со странами дальнего (старого) зарубежья. В подобном обмене в предшествующее десятилетие сложилась негативная ситуация, определяемая в первую очередь «утечкой мозгов» по каналам внешней трудовой миграции. На протяжении всего периода развития сложилась картина,

неблагоприятная для социально-экономического развития региона: отмечается выбытие наиболее высококвалифицированных, профессионально подготовленных кадров в обмен на крайне незначительный приезд менее подготовленных. В период 1992–2000 гг. было зафиксировано положительное сальдо миграционного обмена в 12 субъектах РФ, среди которых из числа входящих в рассматриваемый регион авторы выделяют Приморский край (кроме ситуации в 2000 г.) и Читинскую область (кроме ситуации в 1999 г.). Эти территории на протяжении всего рассматриваемого периода из года в год неуклонно аккумулировали иммигрантов из дальнего зарубежья, прежде всего китайцев. Китайцы обеспечили положительное сальдо миграционного обмена со странами дальнего зарубежья. В основном китайские рабочие наполняли региональные рынки труда неквалифицированной рабочей силой. Это привело к снижению качества трудового потенциала приграничных территорий и одновременно создало напряженность на рынках труда и потребительских товаров из-за относительной дешевизны китайской рабочей силы (с.20).

Авторы предлагают вероятные сценарии развития миграционного обмена со странами дальнего зарубежья. Первый сценарий предусматривает проведение активной иммиграционной политики в приграничных районах Дальнего Востока. Эта политика предполагает привлечение в регион определенных социально-демографических групп иммигрантов и проведение протекционистской политики по отношению к коренному русскому населению и трудовым ресурсам. На ближайшие 5–10 лет прогнозируется долговременная тенденция стабилизации незначительного положительного миграционного сальдо. Это обеспечит положительный результат на фоне продолжающейся депопуляции в стране, однако серьезных корректив в складывающейся тенденцию не привнесет. Подобная политика будет осуществляться в первую очередь в отношении китайцев. Концентрация китайцев, по мнению авторов, в данном регионе нежелательна с этнополитической и геополитической точек зрения.

Второй сценарий – «инерционный» и предполагает стабилизацию (близкую к нулевому уровню) относительно небольшого отрицательного сальдо миграционного обмена на всех приграничных территориях на фоне устойчивого оттока населения из Хабаровского

края. Геополитические последствия для этих территорий в целом будут, хотя и в незначительной степени, отрицательными.

Третий сценарий – «пассивный». В случае ухудшения социально-экономического положения на Дальнем Востоке сальдо миграционного обмена приграничных территорий со странами дальнего зарубежья в течение ближайших 5–10 лет будет положительным, с тенденцией возрастания. Поскольку основной поток из Китая составят иммигранты коренных этносов, это окажет отрицательное воздействие на обороноспособность и территориальную целостность России в районе Дальнего Востока.

Указанные три блока проблем охватывают далеко не все аспекты миграции. За рамками официальной статистики остается значительная часть миграционного обмена, которая оказывает в некоторых случаях значительное влияние на социально-экономическое положение в регионе. Поэтому авторы придают особое значение четвертому блоку – нелегальной миграции. Основную проблему здесь создают ее нерегулируемый характер и распространение криминальных элементов, особенно среди пришлых китайцев. В отличие от других регионов РФ, здесь за последнее десятилетие XX в. внешняя миграция получила наименьшее отражение в данных официальной статистики Госкомстата РФ, так же как и воздействие социально-экономических преобразований (вследствие распада СССР) на внешнюю миграцию. На границе региона создались условия для развития нелегальной межгосударственной миграции, прежде всего китайского населения.

Как отмечают авторы, при фактической неизменности государственных границ бывшего СССР миграционный обмен существенно изменился, причем именно приграничные территории Дальнего Востока испытали наиболее существенное воздействие нелегальной миграции. Негативные последствия подобного обмена существенно увеличиваются. В условиях глубокого социально-экономического кризиса, поразившего РФ в прошедшие годы и охватившего все сферы ее жизнедеятельности, возникли новые благоприятные условия для развития именно нелегальных форм миграции. Этому способствовало ослабление пограничного контроля на внешних рубежах. В сочетании с либерализацией миграционных связей РФ, ослаблением визового режима связей с Китаем создалась реальная возможность безвизового проникновения иммигрантов в

Россию в составе туристических групп, причем обратный выезд в Китай не отслеживался. Фактическая «прозрачность» российско-китайской границы создала благоприятнейшие условия для развития нелегальных форм иммиграции из Китая и других стран дальнего зарубежья. В то же время несовершенство российского законодательства создало условия для развития нелегальной иммиграции и из стран ближнего зарубежья.

Проблема нелегальной миграции стала в последнее десятилетие специфической особенностью внешних миграций региона Дальнего Востока. В общей картине нелегальной миграции на Дальнем Востоке особое место занимает нелегальная массовая иммиграция китайцев, хотя для России столь же болезненны проблемы просачивания нелегалов и на других участках государственной границы.

Однако китайская иммиграция на Дальнем Востоке, по мнению исследователей, пока что не приобрела достаточной остроты (с.23). Поскольку данный регион не граничит со странами ближнего зарубежья, на первое место выдвигается проблема именно китайской иммиграции, тем более что с повестки дня не снята проблема территориальных притязаний со стороны КНР. На протяжении почти полуторавековой истории китайской иммиграции ее характерной особенностью было то, что, в отличие от корейцев, китайцы никогда не стремились получить ни подданство Российской империи, ни гражданство РФ. Их целью, как считают авторы, была и остается экономическая экспансия – выкачивание финансовых средств и материальных ресурсов из природно-сырьевых богатств региона (с.23).

Авторы считают, что со времен Российской империи недальновидная и ограниченная политика военно-стратегического, а не хозяйственного освоения региона в целом, особенно его южных территорий, породила не только инертность местных властей в отношении экономического развития региона, но также способствовала развитию экспансии иностранных капиталов и иностранной рабочей силы. Это в буквальном смысле слова вело к разворовыванию богатств всего региона. Как отмечалось еще во времена Российской империи, колоссальные средства, вложенные в освоение региона, приносили государственной казне одни убытки (850 млн. царских рублей), а все реальные богатства, полученные в ходе хозяйственного освоения территории, уходили в Китай, Манчжурию

и другие страны, и только незначительная часть была возвращена в Европейскую Россию. Еще до революции царские чиновники указывали, что в случае войны с Китаем Россия будет ввозить в пограничные районы не только солдат, но в огромных количествах самое необходимое продовольствие, чтобы кормить не только армию, но и все местное население. Эти мысли были высказаны более века назад, но их можно с полным правом отнести к современной ситуации (с.24).

Авторы рассматривают два возможных сценария развития нелегальной миграции в регионе. Первый сценарий – активный, предполагает проведение государственной иммиграционной политики, направленной на ужесточение иммиграционного и пограничного контроля на приграничных территориях. Следствием проведения такой политики через 5–10 лет должно стать снижение масштабов нелегальной миграции, прежде всего из стран дальнего зарубежья. Это должно стабилизировать геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке, особенно на приграничных территориях. Второй сценарий – инерционный, предполагает некоторый рост нелегальной иммиграции в связи с «прозрачностью» российских границ в изменившихся социально-политических условиях. Это может привести к усилению геополитической нестабильности и усугублению отрицательных последствий, сопутствующих нелегальной иммиграции в приграничных районах.

В целом приграничные территории устойчиво теряют свое население в миграционном обмене с другими районами РФ и в обмене со странами ближнего зарубежья. Со странами дальнего зарубежья (прежде всего с Китаем) по всей совокупности территорий отмечается нулевой миграционный баланс.

Специфика миграционной ситуации, сложившейся на приграничных к Китаю территориях Дальнего Востока и Сибири, состоит в том, что отрицательное сальдо внутренних миграций сочетается с отрицательным сальдо миграции со странами СНГ и Балтии. Данный тип миграционной ситуации в последнее десятилетие XX в. свойственен совокупности приграничных к Китаю территорий в целом и резко контрастирует с миграционной ситуацией на региональном уровне во всех регионах РФ, кроме Дальнего Востока. Дальний Восток теряет население как в пользу других регионов России, так и в обмене со странами СНГ и Балтии. При этом сальдо миграции внутри России значительно превышает миграционное

сальдо в обмене со странами нового зарубежья (внутрироссийское сальдо превышало в 16 раз отрицательное сальдо в обмене со странами СНГ и Балтии) (с.26).

Авторы отмечают крайне слабую заселенность территории региона вдоль государственных границ с Китаем, причем подобного слабого освоения пограничных территорий нет на других участках государственной границы РФ. В то же время именно на данном отрезке государственной границы РФ отмечается наибольший контраст в освоенности российской и приграничной китайской территории. В этой связи остро стоит вопрос о соответствии эффективности миграционных процессов (внутренней и внешней миграции) в стратегически важных районах Дальнего Востока задачам обеспечения и дальнейшего повышения обороноспособности РФ в приграничных районах РФ и государств Юго-Восточной Азии. Второй аспект – степень соответствия направлений миграции в приграничных районах Дальнего Востока общенациональным задачам социально-демографического развития России.

Процессы внешней миграции при правильной государственной политике могут стать неотъемлемым элементом всей социально-экономической политики государства РФ и механизмом решения таких задач, как противодействие снижению численности населения РФ в целом и ее основного этноса – русских, содействие процессу стабилизации численности населения, в первую очередь приграничных территорий Сибири и Дальнего Востока.

По мнению авторов, реальным механизмом решения подобных задач могут стать только внешние миграции (с.28). Это предполагает активизацию процессов иммиграции в Россию из зарубежья как русских, так и других россиян. Вторым направлением могло бы явиться сдерживание процессов эмиграции из России и снижение ее масштабов, как в отношении русских, так и других этнических групп. В любом случае требуется усиление государственного вмешательства в указанные процессы, как по привлечению россиян из-за рубежа, так и по предотвращению «утечки мозгов» (с.28). Для предотвращения депопуляции следует увеличить иммиграцию и сократить эмиграцию. В то же время для России не безразлично, за счет каких этнических групп будут решаться эти задачи: важно обеспечить увеличение численности русских, особенно на приграничных территориях данного региона. На протяжении последнего времени

иммиграция неуклонно снижалась, а эмиграция сохранялась примерно на одном уровне. А для предотвращения депопуляции в России должна наблюдаться обратная картина.

В то же время для РФ и ее приграничных территорий остается актуальным вопросом увеличение доли русских и прочих этнических россиян, в том числе за счет возвращения в Россию ранее покинувших ее соотечественников. Именно сейчас следует активизировать государственную иммиграционную политику, тем более что конкретные положительные результаты можно, по мысли авторов, ожидать только через 7–10 лет. А для России и данного региона важно привлекать прежде всего трудоактивное население, а также дотрудоспособных лиц, поскольку иначе возрастет демографическая нагрузка в условиях уже наблюдаемого естественного старения населения (с.29–30). Важно привлекать соотечественников на постоянное место жительства не только для предотвращения дальнейшей депопуляции, но и для обеспечения стабилизации численности населения. Авторы не согласны с выдвигаемыми рядом исследователей предложениями о привлечении в Россию иммигрантов из стран старого зарубежья, в том числе из Юго-Восточной Азии (с.30). Миграция в приграничных территориях, отмечают авторы, имеет geopolитическую подоплеку, а потому эта проблема выходит за рамки региональных проблем миграции.

В заключительном втором разделе авторы рассматривают оценку экспертами миграционной ситуации на Дальневосточном приграничье. Перспективы миграции в стране и регионе зависят от изменений основных факторов миграции, прежде всего социально-политических, экономических, этнодемографических и прочих, сопутствующих проведению в РФ ключевых социальных реформ. Внедрение рыночных преобразований в экономику, изменение форм собственности, политика цен, кризисные ситуации на рынке рабочей силы, проведение жилищной и земельной реформ вносят свой вклад в формирование региональных различий в условиях, качестве жизни и трудовых отношений. Они ведут к социальному расслоению общества и тем самым способствуют миграции населения как внутри страны, так и за ее пределы. Авторы призывают точнее отслеживать действие указанных факторов, чтобы можно было предусмотреть возможную реакцию населения на процессы в стране и составить более точный прогноз перспективы миграции.

В приграничных территориях происходят, по определению авторов, наиболее мощные «миграционные сдвиги» как в размещении населения, так и в его социально-демографическом составе. Для оценки миграционной ситуации авторы провели опрос 150 видных экспертов в трех приграничных районах РФ – в Хабаровском и Приморском краях и Амурской области. Этот опрос заложил основу для оценки миграционной ситуации на Дальнем Востоке, для разработки конкретных направлений и мер миграционной политики в приграничных территориях РФ и на Дальнем Востоке.

Было выявлено, что на миграционную ситуацию в регионе наиболее существенно и негативно влияют внутристрановые межрайонные миграции, хотя ранее более важную роль, по мнению экспертов, играли внешние миграции. Среди причин миграции наиболее часто назывались социально-экономические проблемы как России в целом, так и Дальнего Востока в частности. Выделяются такие общие и региональные проблемы, как бесперспективность дальнейшего развития района, расстройство экономической политики государства, различия в жизненном уровне населения, ослабление экономических связей, общее ослабление российских регионов. Указывались также специфические для Дальнего Востока причины: ухудшение условий жизни, общий низкий жизненный уровень местного населения, низкая зарплата или ее отсутствие, материальные трудности, дороговизна жизни.

В ряде случаев на первое место среди причин миграции выдвигались безработица, отсутствие рабочих мест, сложности трудоустройства, отсутствие постоянной работы и перспектив. Как отмечают авторы, меньше всего в качестве самых значимых факторов назывались социально-политические причины (распад СССР, нестабильность власти, государственная политика с минимальным вниманием к демографическим процессам в стране), geopolитические причины и природные условия.

На второе место среди причин миграции опрошенные выдвигали условия и уровень жизни населения в регионе (высокие цены на продукты питания, товары, транспортные услуги, низкие доходы населения и низкая оплата труда, рост расходов на содержание семьи и низкий уровень жизни, бедность, неустроенность мигрантов, отсутствие жилья). При этом авторы отмечают образование стойких определенных групп факторов, вызывающих

развитие миграционных процессов, включая наличие общезэкономических проблем, проблем в трудовой сфере, а также наличие и социально-политических причин. Выделяется также группа причин второго порядка (социально-психологические причины) и причины, вытекающие из особенностей современной социальной ситуации в странах СНГ и Балтии (нестабильность в странах ближнего зарубежья, притеснения русскоязычного населения, безработица).

На третье место среди групп причин чаще всего выдвигались социально-психологические причины (желание уйти от проблем, обезопасить себя и членов семьи, неуверенность в завтрашнем дне), общезэкономические причины, родственные связи, близость Китая, политика соседних государств, географическая удаленность от центра, подрыв этнических корней, военные конфликты, вымирание деревень.

В целом более половины опрошенных экспертов важнейшим фактором развития эмиграции считают социально-экономические причины. На второе место выдвигаются проблемы в трудовой сфере, хотя при этом почти 60% респондентов указали как на основную причину неблагоприятные условия и низкий уровень жизни населения (хотя условия и уровень жизни являются следствием общих социально-экономических условий в регионе). Отсюда делается вывод, что для закрепления постоянного российского населения на Дальнем Востоке вообще и в приграничных районах в особенности, а также для привлечения соотечественников из-за рубежа следует уделять особое внимание социально-экономическим мерам, охватывающим условия жизни и труда населения.

Особое внимание былоделено проблемам привлечения населения в данный регион и стабилизации его численности за счет активизации не межгосударственных, а внутрироссийских миграций. Поднимается вопрос о необходимости моделирования вероятных сценариев миграции в регионе таким образом, чтобы не нарушать складывающиеся тенденции воспроизводства населения и развития миграции в РФ в целом. В любом случае, по мнению авторов, основной компонентой формирования населения Дальнего Востока по-прежнему останется российское население. Поэтому ключ к решению проблемы привлечения населения в регионе лежит в оптимизации социально-демографической ситуации в РФ в целом.

К.Б.Зайцев

**СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ
СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**
// РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. — М., 2001. — 51 с.

Восточная Сибирь (ВС) занимает 1/3 территории восточной зоны (Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток), но ее население составляет значительно меньше третьей части от всего населения восточной зоны, что означает относительно большую миграционную емкость этой территории.

Миграционные процессы всегда играли для ВС, как и для страны в целом, особое значение. Начиная с XIV в., когда русские освободились от татаро-монгольского ига, расширение Российской империи и освоение новых пространств сопровождалось движением населения из центральных районов страны к окраинам. На протяжении трех веков шло перераспределение населения из европейского Центра на Север, в меньшей степени — на Юг и в большей мере — в Восточную Сибирь.

Особенно активное миграционное перераспределение населения в восточные районы России было отмечено в прошлом веке и было обусловлено в советский период форсированным развитием северных и восточных территорий, связанным с разработкой богатейших природных ресурсов этих громадных и слабозаселенных регионов. Вплоть до 90-х годов прошлого ХХ в. население ВС быстро росло как в абсолютных, так и относительных показателях: в 1926 г. оно составило 3,3 млн. человек, в 1939 г. — 4,7 млн., в 1959 г. — 6,5 млн., в 1979 г. — 8,2 млн., в 1990 г. — 9,2 млн. человек. В период

между переписями 1939 и 1959 гг. оно выросло на 136 %, а в период 1939–1989 гг. – на 192% (с. 3).

В последнем десятилетии XX в. основные тенденции миграции изменились в результате кризисных последствий социально-политического и экономического реформирования на территории РФ. Принципиально новым в миграции в 90-е годы стало кардинальное изменение тенденций миграции в северных и северо-восточных регионах РФ. Так, почти везде (за исключением ВС) сальдо миграции стало отрицательным. В ВС прирост населения составил в 1995 г. 3,9 тыс. человек, но в 1999 г. и здесь эта тенденция была прервана, и миграция пошла на убыль. Отмечается превращение в центры миграционного притяжения Волго-Вятского, Центрально-Черноземного и Уральского регионов, а также увеличение миграционной привлекательности Северо-Кавказского региона.

Общенациональными факторами этих новых тенденций миграции явились: распад Союза; образование в связи с этим новых независимых государств и дестабилизация ситуации в них, что стимулировало выезд некоренного населения в Россию; затянувшийся социально-экономический кризис в РФ и связанные с ним падение производства и появление безработицы; развитие рыночных отношений, приватизация, расширение частного предпринимательства, иные возможности трудоустройства и заработков; дифференциация постсоветского пространства, неравномерность процесса раз渲а экономики на этом пространстве; либерализация и демократизация жизни в России, переход к политике «открытых дверей» для населения «новых государств», массовое обнищание населения на постсоветском пространстве и резкая дифференциация уровня жизни.

На тенденции миграции в ВС помимо перечисленных факторов влияли и региональные факторы, важнейшими из которых являлись: во-первых, исторические особенности заселения ВС; во-вторых, сложные, порой экстремальные природные условия региона, две трети которого находятся в северной зоне: в-третьих, слабая освоенность и труднодоступность территории; в-четвертых, катастрофическое состояние экономики региона из-за глубокого структурного кризиса и недостаточных инвестиций федерального Центра при отсутствии достаточных внутренних источников финансирования; в-пятых, падение спроса на национальном рынке на продукцию местного производства, особенно продукцию ВПК;

в-шестых, низкая конкурентоспособность большинства отраслей в новых рыночных условиях; в-седьмых, слабое развитие рыночной инфраструктуры.

Действие этих региональных факторов обусловило специфику миграционной ситуации в ВС в последнем десятилетии XX в. В результате здесь сформировался такой мощный миграционный потенциал, который может свести на нет результаты предыдущего заселения этой территории. Уже идет отток населения, общие потери северных и приравненных к ним территорий составили за 1991–1999 гг. около 1,3 млн. человек, что в 1,4 раза превышает прирост населения за 80-е годы (с. 8).

Анализ роли миграции в формировании населения ВС позволяет сделать два вывода: во-первых, в ВС по сравнению с Россией в целом миграционные процессы по-разному влияют на общую численность населения (способствуют и его сокращению, и росту); во-вторых, миграционные тенденции и их влияние на динамику населения в ВС сходны с аналогичными процессами в прочих северных и восточных регионах России.

В целом по ВС за период 1990–1999 гг. миграционный отток составил 188,1 тыс. человек, при этом за первую половину периода (1990–1994) 119,2 тыс. человек, а за вторую (1995–1999) – всего 68,9 тыс. человек. То есть миграционные потоки в ВС в переходный период менялись волнообразно, что свидетельствует о неустойчивости тенденции. Миграция сыграла в динамике численности населения России и ВС в 90-е годы принципиально иную роль, чем раньше. Если в РФ миграционный прирост был меньше естественной убыли по абсолютной величине, и миграция только замедляла общую убыль населения, то в ВС, напротив, миграция выступала в роли фактора, ускоряющего убыль населения вместе с естественной убылью (см. табл. 1).

Количественное влияние миграции и естественного движения на динамику населения ВС в целом и в разрезе входящих в нее субъектов РФ можно определить по показателям темпов изменения общей численности населения, естественного и миграционного прироста (или убыли). За рассмотренный период ВС потеряла в общей сложности 2,9% численности своего населения, и в основном (1,8%) эти потери были результатом естественной убыли.

Таблица 1

Динамика общей, естественной и миграционной
убыли населения ВС в 1993–1999 гг., тыс. человек

Причины миграции	Сальдо миграции	Сальдо миграции внутри РФ	Сальдо междунар. миграции РФ
Все причины	100,0	100,0	100,0
В том числе:			
в связи с учебой	55,5	141,3	6,9
в связи с работой	30,3	52,6	17,6
возврат к прежнему месту жительства	-54,1	-140,5	-5,2
обострение межнациональных отношений	12,1	2,3	17,6
Обострение криминогенной обстановки	1,8	3,2	1,0
Экологическое неблагополучие	-0,1	-1,2	0,5
Несоответствие природно-климатическим условиям	-0,4	-1,2	0,1
Причины личные, семейные	51,4	40,4	57,7
Иные причины	3,5	3,1	3,7

Общий негативный характер миграционного перераспределения населения ВС, как в целом, так и по входящим в регион территориальным (края и области) и национально-территориальным (автономные округа и республики) образованиям, определяется как результат разнородных по социально-экономическому и этнополитическому значению потоков миграции, – с одной стороны, внутрироссийских (внутрирайонных и межрайонных), с другой – межгосударственных, внешних (миграций со странами нового

зарубежья (Н3) – СНГ и Балтии и миграции со странами старого зарубежья (С3).

Поэтому изучение совокупного сальдо миграции нужно дополнить изучением миграционного сальдо ВС (и входящих в ее состав субъектов РФ) по названным потокам, чтобы определить влияние каждого из них на общий отрицательный характер миграции в регионе и его отдельных территориальных и национально-территориальных образований.

Особенностью миграционной ситуации в ВС, как и в России в целом, стало принципиальное изменение роли внешней, межгосударственной миграции после распада Союза. Миграционный отток из ВС в 90-е годы был результатом совокупного влияния сальдо внутрироссийской и внешней миграции, которые по-разному влияли на изменение численности населения региона и его субъектов. За период 1992–1997 гг. все территории ВС (кроме Хакасии, население которой немного выросло) теряли население исключительно за счет внутрироссийских миграций (лишь в Республике Тыва отмечен еще и небольшой внешний отток).

В целом по ВС и на отдельных территориях в 1992–1999 гг. максимальные параметры сальдо миграции как внутрироссийской, так и внешней (со странами Н3 и С3) пришлись на годы двух «пиковых» периодов. Первый период – период «шока» после распада Союза, относящийся к 1992–1993 гг. и в меньшей степени к – 1994 г.; второй период – (1997–1999), который условно можно назвать периодом «второй волны» переходного периода.

Первый период (1992–1994) был наиболее драматичным и двойственным и характеризовался миграционным перераспределением населения не в пользу ВС. Двойственность этого периода заключалась в том, что в конце его (в 1994 г.) резко изменилась ситуация в области внешней миграции со странами Н3, началось максимальное перераспределение мигрантов из этих стран уже в пользу ВС.

Во второй период (1997–1999) формируется вторая кумулятивная волна внутрироссийского миграционного оттока из территорий, которые в первой «шоковой волне» не реализовали своего миграционного потенциала (Иркутская и Читинская области, Республика Бурятия).

Таким образом, в целом по ВС отмечено негативное развитие миграционных процессов, обусловленное негативным характером течения внутрироссийских миграций, в то время как внешние миграции сохраняют вторичное по отношению к миграциям внутри РФ положение.

Основные проблемы, вытекающие из анализа миграционного оборота территорий ВС, можно сформулировать следующим образом: во-первых, идет процесс усиления замкнутости миграции в государственных границах РФ; во-вторых, во внутрироссийских перемещениях усиливается их внутрирайонная замкнутость, миграционные потоки все больше локализуются в границах территорий региона – его республик, края и областей. С одной стороны, это отражает начавшийся процесс встраивания в изменившиеся социально-экономические условия; с другой – свидетельствует о повышении миграционного потенциала территории ВС; в-третьих, идет усиление этнического характера миграции на территориях национально-территориальных образований, особенно автономных округов (Таймырский) и республик (Республика Тыва, Республика Хакасия).

Таким образом, основной особенностью развития миграционных процессов на территории ВС является усиление общероссийского характера миграций. Анализ миграции по месту прибытия и выбытия позволяет сделать следующие выводы. Основная масса прибывших в регион – это его жители, которые меняли свое место постоянного проживания в границах территории ВС: такие внутрирайонные перемещения составили 3/4 всех прибытий. ВС выступает в роли ареала миграционного притяжения только для двух сопредельных регионов – Дальнего Востока и Западной Сибири. Они занимают первое и второе места по числу межрегиональных прибытий на территорию ВС, за исключением Таймырского и Эвенкийского автономных округов.

Максимальное отрицательное сальдо в миграционном обмене с территориями ВС имел Центральный район. На втором месте для значительной части территорий стояла Западная Сибирь (ее южные районы), а на третье место в большей части территорий вышел Уральский регион. Это основные регионы миграционного перераспределения населения ВС в пользу территорий, расположенных западнее ВС. Для отдельных территорий ВС помимо трех названных

регионов центрами притяжения миграции явились Северный Кавказ и Поволжье. В то же время можно отметить положительное сальдо в миграционном обмене всех территорий ВС (за исключением Иркутской области) с регионами Дальнего Востока (точнее – с его территориями Крайнего Севера).

С точки зрения оценки фактического влияния миграционных процессов на динамику численности населения ВС и для разработки направлений и мер по оптимизации миграционной ситуации в данном регионе важна территориальная дифференциация результативности его миграционных связей с другими районами России.

В конце 90-х годов самый «обвальный» характер носили миграционные потери в обмене с территориями Северо-Западного, Центрального, Центрально-Черноземного и Волго-Вятского районов. По итогам 1997–1999 гг., число выбывших из ВС в эти районы в 2,7–3,3 раза превысило величину встречного потока прибывших. В миграционном обмене с Поволжьем, Северным Кавказом и Уралом превышение составило 2–2,2 раза. Такая миграционная ситуация сложилась на большей части территорий Восточной Сибири. Особенно выделяются Читинская область и Бурятия, имеющие самый низкий уровень межрайонного миграционного обмена со всеми другими регионами.

В границах ВС по абсолютной величине миграционного сальдо на первом месте стоит Красноярский край, который имеет положительный миграционный баланс со всеми территориями ВС, кроме Хакасии и Бурятии. Аналогична картина миграционного баланса Иркутской области. Усть-Ордынский бурятский автономный округ теряет население в обмене с Хакасией, Иркутской областью, тогда как Хакасия имеет положительное миграционное сальдо со всеми территориями. Региональными «донорами» в ВС в первую очередь выступают Читинская область и республики Бурятия и Тыва.

Что касается причин прибытия и выбытия внутрироссийских мигрантов на территории ВС, то причиной смены места жительства во внутрирайонной миграции по прибытиям лидируют личные причины, возврат к прежнему месту жительства и в связи с учебой. Для межрегиональных выбытий на первом месте для всех территорий остаются личные причины (кроме Тывы, где лидирует выезд на учебу), на втором – в связи с работой и на третьем месте – возврат к прежнему месту жительства. Таким образом, специфической

проблемой межрегиональной миграции в ВС является выбытие из региона: помимо личных причин, прежде всего из-за недостаточного развития сети средних и высших учебных заведений.

Далее автор рассматривает внешние миграции ВС в целом и ее отдельных регионов для государств так называемого нового зарубежья (НЗ, бывшие союзные республики) и СЗ.

Наиболее актуальными являются возникшие после распада Союза проблемы внешних миграций со странами НЗ. Именно они играют позитивную роль в динамике численности населения России в целом и ВС в частности.

Годом максимальных значений сальдо миграции со странами СНГ и Балтии был 1994 г. Для всех регионов была характерна общая тенденция в динамике: в 1993 г. число прибытий по сравнению с 1992 г. несколько сократилось, в 1994 г. возросло до максимума, а затем число прибытий от года к году постоянно снижалось.

В динамике числа выбытий с территории ВС за 90-е годы действует общая, причем постоянная и неуклонная, тенденция снижения числа выбытий в страны НЗ. Годом максимальных выбытий стал первый год после распада Союза – 1992 г.

Сальдо внешней миграции с территориями ВС имеет определенную географическую закономерность – чем ближе государство или территориальная группа государств (государства Средней Азии, Закавказья) к региону ВС, тем больше сальдо миграции. Если за период 1993–1999 гг. определить три года наибольшей величины сальдо миграции для отдельных территорий ВС, то в большинстве случаев эти три года приходятся на период 1993–1996 гг. К концу анализируемого периода во всех территориях абсолютное значение сальдо миграции, как правило, снижалось.

Что касается динамики сальдо миграции со странами СЗ, то за период 1997–1999 гг. оно является отрицательным во всех регионах ВС, за исключением Читинской области, где положительное сальдо внешней миграции сохраняется исключительно за счет положительного сальдо с Китаем.

Для ВС в целом нельзя однозначно говорить о негативном или позитивном характере миграционного баланса со странами СЗ только по виду миграционного сальдо. Учитывая изменившиеся социально-политические и особенно геополитические условия существования России после распада Союза, этот баланс нужно оценивать не только

и не столько с экономических позиций, а скорее с позиций геополитических последствий таких миграций. В условиях депопуляции территории РФ миграция в Россию, особенно в приграничные районы Дальнего Востока, в Иркутскую и Читинскую области ВС с низкой плотностью населения, это явление нежелательно во избежание территориальной экспансии. Оценить потоки прибытий и выбытий с территорий ВС в государства СЗ можно по данным следующей таблицы.

Таблица 2

**Миграция населения ВС со странами СЗ
в 1992–1999 гг. (тыс.человек)**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Естествен- ный прирост (убыль)	110	-207	-738	-870	-832	-818	-750	-696	-929
Миграцион- ный прирост	52	176	430	810	502	344	353	285	165
Общий прирост (убыль)	162	-31	-308	-60	-330	-474	-398	-411	-764

По числу прибытий в ВС на протяжении всего периода 90-х годов лидировала Читинская область, где около 95% всех прибывших составляли китайцы. На втором месте по числу прибытий находится Иркутская область, где китайцы составляют почти треть прибывающих из стран СЗ. На третьем месте стоит Красноярский край, в основном за счет транзитных потоков лиц, направляющихся в Германию. Для всех трех регионов наблюдается снижение прибытий к концу 90-х годов.

В ВС в отношении выбытий в государства СЗ выделяется прежде всего Красноярский край, откуда идет массовый отток в Германию (почти 2/3 выбытий в эту страну и почти 45% выбытий из ВС в целом за 1997–1999 гг.). На втором месте по выбытиям стояли Иркутская область и Хакасия, откуда основной поток тоже идет в

Германию. На третьем месте – Бурятия с основным потоком отбытия в Израиль.

Для внешней миграции в целом, как и для внутрироссийской миграции, на первом месте в числе причин прибытия в ВС выступают личные мотивы, за исключением Иркутской и Читинской областей, где в числе причин прибытия лидирует перемена места жительства в связи с новым местом работы. Второй причиной прибытия выступает перемена места жительства в поисках работы; на третьем месте стоит возврат к прежнему месту жительства. Нужно подчеркнуть, что, в отличие от внутрироссийских миграций, важной причиной миграционных потоков в ВС (как правило, занимающей четвертое место) является «обострение межнациональных отношений», и она характерна исключительно для мигрантов из СНГ и Балтии.

Среди причин внешних выбытий из ВС во всех слагаемых территориях лидируют личные причины. На втором месте в большинстве территорий – возврат к прежнему месту жительства, а в Читинской области и Республике Тыва – в связи с работой. Далее следующими причинами выбытия выступают связанные с поисками работы и в связи с учебой; для Читинской области – возврат к прежнему месту жительства, а для Республики Бурятия – иные причины. Выбытия в государства НЗ обусловлены в первую очередь возвратом к прежнему месту жительства, а в государства СЗ – личными причинами, работой (для краев и областей), а для республик – иными причинами, в том числе в связи с учебой.

В общем во внешней миграции лидирующей причиной прибытий и выбытий в странах и старого (СЗ), и нового зарубежья (НЗ) можно назвать личные мотивы, вторую и третью позицию делят работа и возврат к прежнему месту жительства. Для стран НЗ по прибытиям преобладает работа, а по выбытиям – возврат к прежнему месту жительства. Для СЗ, наоборот, для прибытий преобладает возврат к прежнему месту жительства.

В ВС, как и в РФ в целом, с 1993 г. наблюдаются похожие тенденции нарастания общей и естественной убыли населения, хотя в области миграционного движения населения отмечаются противоположные тенденции – миграционный прирост в РФ и миграционная убыль в ВС, являющаяся причиной сокращения общей численности населения. Территориями миграционной «катастрофы»

в ВС можно считать Таймырский и Эвенкийский автономные округа, вызывают озабоченность Читинская область и Бурятия.

В заключение автор пишет, что ВС служит своеобразным промежуточным звеном миграционного движения населения с востока на запад, так как, с одной стороны, аккумулирует мигрантов в обмене с восточным сопредельным регионом (прежде всего территории Крайнего Севера), с другой стороны, перераспределяет свое население в западные и несопредельные регионы России.

В.И.Шабаева

Миграционная ситуация в городской местности России к началу XXI в.

**/ Тарасова Н.В., Борзунова Т.И., Гришанова А.Г. и др.;
РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. – М., 2001. – 38 с.**

Изучение миграционных процессов в России на рубеже веков показывает, что и в XXI в. они остаются важной составляющей демографического развития страны, поскольку депопуляция в 90-х годах в России перенесла акцент с естественного движения населения на миграцию. Это же определяет и новую роль миграции в формировании городского и сельского населения России в XXI в. Специфика миграционной ситуации в городской местности в конце XX – начале XXI в. определяется тем, что изменения роли миграции произошли на фоне реальных изменений в городских миграциях в России в количественном и качественном отношениях.

Характерной чертой миграционных процессов в городских поселениях России в 90-е годы по-прежнему остается интенсивный приток населения в города, хотя к началу 2001 г. масштабы переселения в города существенно сократились. За период 1991–2000 гг. в города России прибыло в общей сложности более 25 млн. мигрантов, или почти 23% численности городских жителей на начало 1991 г. Число выбывших из городов составило за это время около 22 млн. человек, или 20% числа горожан на начало 90-х годов. В результате за последнее десятилетие (1991–2000) численность городского населения РФ увеличилась за счет миграции в общей сложности на 2,1 млн. человек. За предыдущее десятилетие соответствующий миграционный прирост составил 6,1 млн. человек, т.е. был в три раза больше (с.9). Тенденция снижения объемов миграции

объясняется в первую очередь сокращением демографического потенциала сельского населения из-за предыдущего массового оттока в города, а также из-за уменьшения иммиграционного потенциала населения бывших союзных республик. Основу миграционных потоков составляют внутрироссийские мигранты – 78% всех прибывающих в городскую местность и 84% выбывших из российских городов (с.9).

Миграционная ситуация 90-х годов в городской местности РФ характеризуется рядом принципиально новых моментов.

Одной из основных особенностей, на которую чаще всего обращают внимание исследователи, является отрицательное сальдо миграции горожан, сложившееся в России в период 1992–1993 гг. в результате беспрецедентного за весь послевоенный период (1951–2001) оттока городского населения в сельскую местность, который противоречит развитию процесса урбанизации. Здесь важно подчеркнуть, что превышение числа выбытий из городской местности над числом прибытий наблюдалось только в «шоковый» период 1992 и 1993 гг., и отмечено одновременно и во внутрирегиональных, и в межрегиональных миграционных потоках, составляя соответственно 60 тыс. и 4 тыс. человек и 12 тыс. и 80 тыс. человек (с.10).

Отрицательное внутрироссийское сальдо миграции сложилось за счет оттока в основном из городских поселений Дальнего Востока, Сибири и Европейского Севера, в которых деструктивное влияние распада СССР на экономическое развитие было наиболее сильным. Причем, если в 1992 г. последствия этого влияния оказались главным образом на внутрирегиональных миграциях, то в 1993 г. – на межрайонных перемещениях. Это означает, что трансформация традиционных направлений миграций «село-город» была нетипична и кратковременна, но развивалась поступательно – сначала на уровне локальных, а затем и общероссийских миграций.

Особого внимания требует анализ миграционной ситуации в Москве и Санкт-Петербурге, поскольку за официальными статистическими данными Госкомстата России об отрицательном сальдо миграции в этих городах скрываются, прежде всего, выезды горожан из столицы по двум основным причинам: этнополитической (распад СССР), обусловившей возврат жителей в места коренного проживания, и экономической, связанной с возможностью выгодной

продажи квартир. На самом деле сальдо миграции не достигло отрицательных величин, а, напротив, выросло в результате огромного притока в 90-х годах нелегальных мигрантов. Они обеспечивают постоянный приток населения в столицу, который превышает официальные данные в десятки раз.

Процесс формирования отрицательного внутрироссийского сальдо миграции городского населения в 1992–1993 гг. был вызван действием чрезвычайных факторов миграции и количественно мало изменил величину миграционного прироста городского населения РФ, но доказал возможность отрицательного внутрироссийского миграционного обмена в городах при определенных социально-экономических условиях. Вместе с тем следует иметь в виду, что этот процесс – явление преходящее, вызванное кратковременными условиями «шокового» периода в социально-экономическом и этнополитическом развитии страны.

Другой принципиально новой особенностью развития процесса урбанизации и, соответственно, миграционных процессов в городской местности РФ в 90-х годах является сокращение численности городского населения. Начался этот процесс в 1991 г., а к началу 2001 г. единственными территориями, где городское население продолжало расти, были республики Дагестан, Калмыкия, Северная Осетия, Чеченская, Алтай, Тува, Саха (Якутия), а также Белгородская, Томская и Тюменская области.

Основными причинами сокращения численности городского населения стали естественная убыль населения и административно-территориальные преобразования (АТП), а отрицательный вклад в этот процесс совокупного сальдо миграции был ограниченным и краткосрочным.

В первой половине 90-х годов сельское население росло интенсивнее, чем сокращалось городское. И доля горожан в общей численности населения РФ снизилась с 73,9% в 1991 г. до 72,9% в 2001 г. (с.13). Формально это можно отнести к развитию процесса дезурбанизации, но по сути в основе такой динамики находится не миграция, а естественная убыль горожан и АТП. Миграционные потери населения городов в этот период были относительно невелики. К тому же отток населения из российских городов был связан в большей мере с дальними (межобластными), чем с ближними (внутриобластными) миграциями.

Следующей принципиально новой, специфической чертой современной миграционной ситуации в городской местности является прекращение действия с конца 80-х годов миграции в качестве основного, главного фактора изменения численности городского населения. Лидерство в процессе роста городского населения перешло к естественному приросту. Исключение составляют немногие территории, где развитие миграционной ситуации носит чрезвычайный характер (Европейский Север, Сибирь и Дальний Восток, республики Северного Кавказа).

Еще одна принципиально новая особенность внутрироссийской миграции заключается в расширении ареала миграционного тяготения отдельных городов, особенно крупнейших. Если в конце 80-х годов города, особенно крупные, аккумулировали мигрантов в основном из близлежащих поселений, то в 90-х годах в них стали селиться и мигранты из других регионов страны. Хотя на первом месте по значимости остались внутрирегиональные перемещения (ближние миграции), одновременно резко возросла роль межрегиональных миграций (дальнние миграции). Городские поселения включились в процесс миграционного перезамещения населения, приняв активное участие в изменении вековой тенденции сдвига населения страны с запада на восток. Правда, к началу 2001 г. этот процесс постепенно пошел на убыль.

По поводу половозрастной структуры миграции в городских поселениях автор пишет, что она является важнейшим фактором, влияющим не только на численность, размещение, но и на половозрастную структуру городского населения. В 90-е годы изменился механизм формирования городского населения России: миграция стала играть роль не доминирующего, а компенсационного социально-демографического фактора, частично сглаживающего естественную убыль населения и влияющего на половозрастной состав городского населения.

Исследования показали, что в 1998–2000 гг. выросла роль женщин в миграции. Для сложившейся ситуации характерно: во-первых, на фоне общего снижения объемов миграции (за 1994–2000 гг. она уменьшилась в 1,5 раза) ежегодный объем миграции женщин сократился меньше, чем для мужчин; во-вторых, увеличилась доля женщин во всех миграционных потоках (внешних и особенно внутри страны), а к концу 1990-х – началу 2000-х годов

их доля возросла, составив в среднем соответственно 51 и 53%; в-третьих, совокупный миграционный прирост женщин в городской местности в этот период был в среднем в 1,5 раза больше, чем мужчин (с.17–18). При этом у женщин отмечается большая консервативность решений о миграции, несмотря на влияние ситуационных факторов. Если после дефолта 1998 г. мужчины оперативно изменили свое миграционное поведение, в результате чего в городах страны в 1999 г. мигрантов-мужчин оказалось в 3 раза меньше, чем в 1998 г., то у женщин в тот же период снижение масштабов миграций и изменение их направлений происходило постепенно.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов наибольшее влияние на увеличение численности городского населения и, следовательно, на перспективы стабилизации численности горожан в будущем оказали внешние миграции. По итогам 1998–2000 гг., из 616,2 тыс. мигрантов в города мигранты из-за пределов РФ (внешняя миграция) составили 398,3 тыс. человек (с.19). Это подтверждает, что именно городские поселения интенсивно аккумулируют повторные миграции типа «город-город». В итоге внешние мигранты, составляя всего 1/10 суммарного миграционного оборота населения городских поселений, обеспечивают около 2/3 миграционного прироста российских горожан. При этом доля женщин-мигрантов во всех внешних и внутренних потоках растет и по прибытиям, и по выбытиям, соответственно, а доля мужчин уменьшается. Но даже в изменившихся социально-экономических условиях в отношении повторных переселений женщины менее мобильны, чем мужчины, и вследствие этого больше участвуют в формировании сальдо миграции. Значит, ориентация миграционной политики на женщин с точки зрения приживаемости всегда будет давать лучшие результаты, чем ориентация на мужчин.

Важнейшей закономерностью миграции является то, что мужчины и женщины в миграционном отношении наиболее активны в трудоспособном возрасте, поэтому миграционные процессы остаются важнейшим фактором формирования социально-демографического состава населения страны и ее регионов. Только за 1998–2000 гг. численность населения в трудоспособном возрасте в городах РФ благодаря миграции в составе трудоспособного населения возросла почти на четверть.

Но процессы формирования трудовых и репродуктивных контингентов во многом обусловлены динамикой двух других основных возрастных групп – молодежи 0–15 лет, с одной стороны, и тех, кто уже вышел за пределы трудоспособного возраста, – с другой. Параллельно с ростом доли трудовых контингентов в рассматриваемый период отмечалось увеличение удельного веса старших возрастов в миграционных потоках – в 1,2–1,3 раза за 1994–2000 гг., а в сальдо – в 1,9 раза. Доля лиц моложе трудоспособного возраста среди мигрантов имела в тот же период тенденцию к сокращению – в 1,2 раза в потоках прибывающих и выбывающих и в 1,3 раза в сальдо (с.20). Это свидетельствует о негативном характере воздействия современной структуры мигрантов в городской местности на процессы воспроизводства и на процессы стабилизации численности их населения в настоящее время и особенно в ближайшей перспективе.

В составе мигрантов трудоспособных возрастов в потоке прибывающих и выбывающих преобладают лица в возрасте 20–24 и 30–39 лет. На них приходится почти половина трудоспособных мигрантов (47,2%), но к 2000 г. их доля сократилась до 43%. Второе место по миграционной активности трудоспособных мигрантов занимает молодежь 16–19 лет. Миграционный прирост этой возрастной группы был в 2000 г. самым высоким среди трудоспособных мигрантов (43,6%), их доля увеличилась почти в 2 раза по сравнению с 1994 г. (с.21), но в абсолютном выражении их численность сократилась за рассматриваемый период в 1,4 раза. В целом молодые мигранты от 19 до 29 лет составляли 2/3 всех мигрантов трудоспособного возраста, осевших в городах, что оказывало положительное влияние на их демографическую структуру.

Численность мигрантов моложе трудоспособного возраста (0–15 лет) с 1994 по 2000 г. среди прибывающих и выбывающих городских мигрантов сократилась больше, чем у других возрастных групп (в 2 раза), уменьшилась и их доля в миграционном приросте городов. Одновременно миграционный прирост группы старше трудоспособного возраста, хотя и сократился по численности, показал за период 1994–2000 гг. увеличение в 2 раза. Почти каждый пятый мигрант этого периода был в пенсионном возрасте (с.22).

Таким образом, основными проблемами конца 90-х – начала 2000-х годов являются, во-первых, усиление негативного влияния

половозрастной структуры мигрантов на городское население за счет активизации процесса сокращения численности и доли лиц моложе трудоспособных возрастов в сальдо внутрироссийских и внешних миграций, а также негативное воздействие на городское население волнообразного увеличения доли лиц старше трудоспособного возраста. И хотя старение населения – проблема общероссийская, увеличение во внутрироссийских миграциях за 1994–2000 гг. доли лиц старше трудоспособного возраста в 3,8 раза свидетельствует о качественно новом этапе данного процесса, когда миграция стала играть роль дополнительного фактора процесса старения российского городского населения со всеми вытекающими отсюда социально-демографическими последствиями.

Значительные изменения в 90-е годы претерпели причины, формирующие современную миграционную ситуацию в городах страны. Сравнительно недавно возникли причины этой миграции не только экономического, но и психологического, морально-этического характера.

Таблица
Причины миграции городского населения РФ в 1998–2000 гг. (%)

Причины миграции	Сальдо миграции	Сальдо миграции внутри РФ	Сальдо междунар. миграции РФ		
				1	2
Все причины	100,0	100,0	100,0		
В том числе:					
В связи с учебой	55,5	141,3	6,9		
В связи с работой	30,3	52,6	17,6		
Возврат к прежнему месту жительства	-54,1	-140,5	-5,2		
Обострение межнациональных отношений	12,1	2,3	17,6		
Обострение криминогенной обстановки	1,8	3,2	1,0		

Продолжение табл.

1	2	3	4
Экологическое неблагополучие	-0,1	-1,2	0,5
Несоответствие природно-климатическим условиям	-0,4	-1,2	0,1
Причины личные, семейные	51,4	40,4	57,7
Иные причины	3,5	3,1	3,7

Особенность периода 1990-х – начала 2000-х годов заключается в том, что определенные изменения произошли в структуре причин миграции. В формировании положительного миграционного сальдо городского населения преобладают такие причины, как «учеба», «работа», «личные, семейные», однако появились дополнительные причины. В последнее время важной причиной миграции стал «возврат к прежнему месту жительства». За три года (1998–2000) российские города покинули почти 280 тыс. человек. В том числе более 260 тыс. человек – это мигранты в пределах самой России (с.25). Этот поток по количеству почти совпадает с притоком молодежи в города для продолжения учебы, которая стоит на первом месте среди причин городской миграции.

Такие причины, как «экологическое неблагополучие», «обострение криминогенной обстановки» и «обострение межнациональных отношений», появились среди причин миграции городского населения на территории РФ сравнительно недавно, и на их долю приходятся незначительные перемещения. Однако их появление свидетельствует о развитии неблагоприятных тенденций в миграционных процессах. Гораздо большее значение имеет «обострение межнациональных отношений»: по этой причине в российские города переселился каждый пятый-шестой мигрант.

Такие причины миграции, как «личные, семейные обстоятельства», наряду с «учебой» и «работой» также остаются традиционными и достаточно емкими. Для городских мигрантов внутри России миграции по этой причине обеспечили почти 2/5 миграционного сальдо. В структуре сальдо международной миграции

на долю мигрировавших по этим причинам приходится также почти 2/5 мигрантов.

Учебная миграция населения развивается вслед за формированием сети различных образовательных учреждений. В РФ это формирование происходило неравномерно. Поэтому территории с более высокой концентрацией и широким профильным спектром учебных заведений в наибольшей степени привлекают молодежь для продолжения образования. Примечательно, что по этому показателю Уральский район, хотя и незначительно, опередил такой престижный для учебной миграции район РФ, как Центральный. Подавляющая масса учебных мигрантов в Уральском районе (97,4%) состоит из городских жителей Урала и восточных регионов страны, т.е. здесь преобладает внутрирайонная миграция, тогда как в Центральном районе доля внутрирайонной миграции почти в два раза ниже, чем на Урале, – в 1998–2000 гг. она составляла всего 40%. Больше всего сюда прибывают городские мигранты с Северного Кавказа. Меньше всего привлекает мигрантов на учебу Северный район (с.28).

Анализ трудовой миграции, связанной с поиском работы на всем пространстве РФ, показывает, что наиболее активно этот процесс происходит в Западной Сибири. Сюда едет каждый третий мигрант, ищущий работу на территории России. С целью трудоустройства значительное число мигрантов направляется и в Поволжье, на Урал, в Восточную Сибирь, в несколько меньшей степени – на Дальний Восток. При этом возможности трудоустройства для мигрантов в регионе Поволжья сокращаются, а на Урале и в восточных районах – возрастают. В период 1998–2000 гг. среди мигрантов, поменявших место жительства по причине «работа», в Поволжье прибыл каждый шестой мигрант, на Урал и в Восточную Сибирь – каждый седьмой, на Дальний Восток – каждый восьмой. В Центральный район для устройства на работу в 1998 г. прибывал каждый восемнадцатый «трудовой» мигрант РФ, а в 2000 г. – каждый четырнадцатый.

Отток городского населения на территории России по причине смены или поиска работы в последние годы идет главным образом из двух европейских регионов – Северо-Запада и Северного Кавказа.

Возврат к прежнему месту жительства – одна из основных причин современной миграции городского населения, приводящая в итоге к сокращению его численности. Общее сальдо миграции

городского населения зависит одновременно от результатов внутрирегиональной, межрегиональной и межгосударственной миграции. За период 1998–2000 гг. в итоге всех этих видов миграции численность городского населения РФ сократилась почти на 280 тыс. человек (с.33).

Все остальные причины миграции имеют значительно меньшее значение для изменения структуры населения в городской местности России.

В.И.Шабаева

**Международная миграция населения:
Россия и современный мир /**

**МГУ им. М.В.Ломоносова. Экон. фак. Центр по изуч.
пробл. народонаселения; Редкол.: Ионцев В.А. (отв.ред.)
и др. – М.: МАКС Пресс, 2000. Вып.5. – 161 с. –
Библиогр. в конце ст.**

Пятый выпуск серии «Международная миграция населения: Россия и современный мир» посвящен анализу влияния международной миграции населения на демографическое развитие трех республик бывшего СССР – России, Украины и Армении, а также роли «замещающей миграции». В нем излагается методология изучения международной миграции населения, приводятся материалы по истории иммиграции в Японию и связи международной миграции рабочей силы с демографическим развитием. Приводится хроника научной жизни (проведенные международные конгрессы и семинары по проблемам народонаселения), даются рецензии на наиболее значимые работы по проблемам иммиграции в процессе экономического развития США, роли международной миграции рабочей силы в развитии России.

В предисловии отмечается уникальность и масштабный характер демографических процессов в XX в. На протяжении последнего наблюдались самые высокие в мировой истории темпы роста населения, которые, по мнению автора, едва ли сохранятся в будущем (для достижения численности населения в 5 и 6 млрд. человечеству потребовалось в среднем всего по 13 лет, тогда как для достижения первого миллиарда – несколько тысячелетий); имели место самые высокие потери населения в войнах; проявились

самые значительные в истории региональные различия в демографическом развитии (в динамике численности населения, младенческой смертности, суммарном коэффициенте рождаемости, общей численности населения, развитии международной миграции).

О развитии международной миграции в XX в. свидетельствуют следующие показатели. Только из Европы за 1900–1939 гг. эмигрировало около 29 млн. человек; доля чистой иммиграции в приросте населения США за 1900–1909 гг. превысила 59%, в Австралии за 1906–1910 гг. она составила 15% и за 1986–1990 гг. – 49%. Во второй половине XX в. иммиграция стала ведущим фактором прироста населения Европы: за 1990–1995 гг. она обеспечила 88% общего прироста населения континента (с.5). Роль и значение международной миграции населения в демографическом развитии стали главными темами данного сборника.

По мнению главного редактора серии В.А.Ионцева, в России отмечается относительно слабая теоретическая разработка роли миграции в демографическом развитии и ее места в общей концепции демографического перехода, и в частности второго демографического перехода. Среди ученых нет единого мнения о содержании основных категорий типа «иммигрант», «эмигрант», «беженец», «замещающая миграция» и т.п.; не выработан единый подход к учету и статистике миграции. Как считает автор, миграция (миграционное движение) представляет собой только межпоселенные передвижения. Последние рассматриваются с учетом следующих характеристик: тип (внутренняя, внешняя и международная миграция), вид (безвозвратная и возвратная миграция), подвид (переселения, долгосрочная, сезонная, маятниковая и эпизодическая миграция), форма (добровольная, вынужденная и нелегальная миграция) (с.7).

В различные периоды международная миграция может играть разную роль в демографическом развитии бывших союзных республик. Так, в России миграция уже в течение восьми лет является единственным компонентом, положительно влияющим на ее демографическую ситуацию, однако в условиях демографического кризиса, обусловленного естественной убылью населения и сопровождаемого экономическим кризисом, она не может коренным образом изменить негативную демографическую ситуацию. В Армении миграция населения в постформенный период играла

отрицательную роль. На Украине при отрицательном естественном приросте даже незначительный миграционный отток существенно ухудшает общую демографическую ситуацию. Как отмечает автор, используя данные по России, экономические дивиденды от экспорта рабочей силы могут оказаться противоречащими демографическим приоритетам.

Профессор центра демографических исследований Лувенского католического университета (Бельгия) М.Пулэн анализирует статистические данные, характеризующие международную миграцию в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Автор излагает свое понимание международной миграции, подчеркивает ее важную роль в политической ситуации, по значимости сопоставимую с процессами старения населения (с.14).

Понятие миграции связано одновременно с пространством и временем; миграцию можно определить как одно или множество перемещений, результатом которых является изменение привычного места жительства индивида – с места постоянного проживания на место въезда (с.14). Автор дает свое понимание административного (юридического) или легального места жительства, административного толкования привычного места проживания, используемого в непрерывной системе регистрации населения для привязки каждого гражданина к когорте населения, образующего базовую административно-территориальную единицу.

Международная миграция под углом зрения пространства выступает как смена страны привычного места жительства. Временной критерий создает гораздо больше проблем для определения миграции, как внутренней, так и международной. Для определения различия между временным и постоянным местом жительства используется строгий временной критерий относительно минимального периода проживания. Однако в отношении международной миграции важна не длительность проживания в определенном месте, а длительность пребывания в стране или за ее пределами (с.16). Автор выделяет долгосрочную и краткосрочную международную миграцию, а также лиц, осуществляющих иммиграцию и эмиграцию, выделяет потенциальные источники статистических данных по международной миграции.

Далее рассматриваются различные способы измерения международной миграции при помощи переписи, на основе

регистрации населения по месту жительства, на основе регистрации при пересечении границы, на основе выдачи видов на жительство, на основе обследований. Автор отмечает ограниченность статистических данных для описания миграции в странах ЦВЕ и предлагает свои рекомендации для ее правильного учета. По его мнению, необходимо наладить сотрудничество всех стран ЦВЕ в форме двусторонних соглашений или в рамках международного сотрудничества; улучшить сбор статистических данных о международной мобильности посредством унификации используемых понятий и критерии, методов сбора данных и используемых переменных и собираемой информации; наладить обмен минимальной информацией между странами ЦВЕ о международной миграции и включить единый перечень вопросов во все формуляры декларации о смене места жительства; использовать четкие критерии идентификации иммигрантов и эмигрантов.

В.А.Ионцев далее анализирует международную миграцию населения и демографическое развитие России. Он предлагает разработанную им общую классификацию международной миграции, в которой выделяет такой тип, как безвозвратная миграция, которая по сути является демографическим процессом. Это, по его мнению, может явиться основанием для включения миграции в теорию демографического перехода и обоснованием соответствующей стадии его развития для России. Автор дает краткий обзор демографического развития России; анализирует современную ситуацию как проявление процесса депопуляции, демографического и экономического кризисов и экологических катастроф; рассматривает значение и место международной миграции в этом развитии, ее перспективы и определяющую роль в демографическом будущем России.

Приводится классификация международной миграции населения, ее место в демографической теории, соотношение международной миграции населения и демографического кризиса в России, перспективы развития народонаселения и международной миграции. Как считает автор, России всегда не хватало и сейчас не хватает населения для освоения всей огромной территории, а практически все имеющиеся прогнозы предсказывают дальнейшее сокращение его численности (с.53). Изменение ситуации возможно только в том случае, если общество в целом и его руководители осознают важность демографических проблем. По мнению автора,

для России особенно значим и необходим личный президентский контроль за решением этих проблем.

Сотрудник Национального института украинско-российских отношений А.У.Хомра дает свое видение процессов международной миграции и демографического развития Украины. В этой стране в условиях глубокого демографического кризиса на первое место выдвинулись проблемы, связанные с потерями населения в результате развития эмиграции. В стране возникли предпосылки для существенного недоучета размеров миграции в результате ослабления контроля за регистрацией (пропиской и выпиской) населения, ранее очень жесткой; отмечается перерастание отдельных миграционных потоков в международные; недостаточный контроль за перемещениями сельского населения при незавершенности процесса паспортизации.

Либерализация выезда из Украины в 90-е годы не привела к увеличению интенсивности международной миграции или резкому увеличению потерь населения за счет миграции, поскольку ее объемы определяются не только ориентацией населения на переселение за пределы страны, но и жесткими административными ограничениями на вселение, емкостью рынков труда стран иммиграции. Все это обусловило трансформацию собственно международной миграции в убытие населения за пределы Украины как формы переселения с целью трудоустройства, торговли и т.п.

Кроме того, стремление Украины к суверенитету привело к росту сформировавшегося ранее положительного сальдо миграции. Отток населения за границу из Украины в значительных размерах начался еще в 1994 г., и за 1995–1999 гг. сложилось отрицательное сальдо миграции, прежде всего в результате эмиграции украинцев в Россию, а также в результате миграционного обмена с Израилем, США, Германией. Положительное миграционное сальдо образовалось также в результате миграционного обмена с Узбекистаном, Казахстаном, Азербайджаном, Грузией. Как отмечает автор, экономический эффект миграционного обмена населения Украины с соседними странами ближнего зарубежья (Молдовой, Россией, Беларусью, Арменией) был относительно низким (с.65).

Автор дает отрицательную оценку международным последствиям миграции населения Украины за пределы страны в 90-е годы. Уже сегодня, пишет автор, для Украины характерен интенсивный

приток внешних мигрантов, существенно отличающихся от коренного населения; в среде мигрантов – высокий уровень преступности, наркомания, проституция, распространение различных заразных и инфекционных болезней. Все это порождает среди коренного населения страх перед «иностранным вторжением» (с.76). Переселение на Украину больших контингентов из бедных стран Азии и Африки потребует через определенный период их естественной интеграции в украинское общество, в том числе посредством смешанных браков. Этот процесс с мировой точки зрения автор оценивает положительно. Он призывает примирить далекие культуры, разнообразные традиции и религии. В стране может появиться достаточно большое количество детей, принадлежащих двум культурам, а потому надо стремиться ослабить ксенофобию.

Международную миграцию населения Украины в 90-е годы с демографической точки зрения в принципе нельзя оценить иначе, как отрицательно (с.77). Ожидаемое оживление в экономике страны, устойчивый экономический рост смогут привести к оздоровлению миграционной ситуации на Украине лишь при наличии в стране научной, базирующейся на национальных интересах миграционной политики, направленной на интеграцию в единое европейское миграционное пространство.

Сотрудник Института экономических исследований Министерства финансов и экономики Армении Р. Еганян анализирует развитие миграционных процессов в республике. В Армении за 1990–1999 гг. население выросло, по официальным данным, на 8,2%, или на 288,5 тыс. человек, достигнув к 2000 г. 3803,4 тыс. человек. При этом естественный прирост составил 311,1 тыс. человек, а отрицательное сальдо внешней миграции – 22,6 тыс. (0,6% общей численности населения) (с.79). Автор отмечает малую достоверность приведенных статистических данных о численности населения страны: даже по самым оптимистическим оценкам, потери населения Армении в результате развития массовой эмиграции в 90-е годы более чем вдвое превосходили официальные данные прироста (с.79). Это означает, что процесс эмиграции фактически выпал из поля зрения официальной статистики, что привело к завышению показателей общей численности населения республики.

Для представления о реальных сдвигах в демографической ситуации в Армении автор пересматривает официальные показатели естественного движения населения с учетом неучтеннной части внешней миграции. Это дало более реальную картину размеров и половозрастной структуры населения, годовых сальдо внешней миграции, позволило установить, что численность населения Армении не только не увеличилась, как утверждает официальная статистика, но фактически сократилась почти на 0,5 млн. человек (более чем на 14%) и оказалась на уровне 1979 г. (с.80). Переросшие в решающий фактор естественного движения населения эмиграционные потоки были обусловлены кардинальными изменениями в социально-экономической ситуации и все еще далеки от завершения.

Одним из наиболее тяжких последствий эмиграции явилось нарушение ранее сложившейся половозрастной пирамиды. Автор провел анализ материалов, содержащих прямую или косвенную информацию о реальном внешнем миграционном движении населения Армении за 1991–1999 гг., что позволило ему получить близкие к реальности экспертные оценки величины и половозрастной структуры годовых сальдо внешней миграции за эти годы. Превышение миграционной активности мужчин (более 60% всех эмигрантов) привело к снижению их удельного веса в общей численности населения более чем на 4 процентных пункта (с.81).

Среди наиболее нежелательных последствий миграции – сокращение числа браков и снижение рождаемости, длительная разобщенность молодых супружеских пар, что привело к снижению доли активных репродуктивных возрастов и еще более значительному нарушению полового состава. Массовая эмиграция обусловила также искусственное ускорение роста удельного веса пожилых граждан в населении Армении, определенное сдерживание темпов сокращения удельного веса детей и резкое снижение доли трудоспособного населения и как результат этого существенный рост величины коэффициента нагрузки последнего.

Учитывая тот факт, что на протяжении 80-х годов коэффициенты рождаемости, брачности и естественного прироста населения Армении были стабильными и фактически образовали уровни, отмечаемые в 90-х годах, можно считать их характерными для процессов естественного воспроизводства в условиях экономического спада и радикальных демократических социальных

преобразований (с.82). Коэффициенты рождаемости населения Армении конца 90-х годов обеспечивали только 70–75%-ное возобновление поколений.

Что касается естественного прироста, то главным фактором, предопределившим характер и темпы изменений его уровня, явилась рождаемость: по грубым подсчетам, более чем четырехкратное падение коэффициента естественного прироста за 1990–1999 гг. на 90% было обусловлено снижением рождаемости и только на 10% – ростом общей смертности (с.85).

Автор делает вывод: под непосредственным и опосредованным воздействием отмеченных чрезвычайных явлений и процессов демографическая ситуация в Армении оперативно лишилась практически всех своих положительных характеристик. Особую тревогу, по мнению автора, вызывает то обстоятельство, что отрицательные переходы пока еще не завершены.

Предложенный далее автором подготовленный и рассчитанный краткосрочный вариантный прогноз численности ее наличного населения с учетом изменения социально-демографической ситуации был построен с использованием реалистического, оптимистического и пессимистического сценариев. На их основе автор предложил свои гипотезы внешней миграции, рождаемости, смертности. Перспективы демографического развития Армении могут оказаться совершенно иными, если в развитие событий вмешается «внешний фактор» – резкое изменение социально-экономической и политической ситуации в странах и регионах массовой концентрации армян-эмигрантов или при кардинальном пересмотре иммиграционной политики и законодательства в этих странах. Это может вызвать такое стремительное возвращение в Армению армян-эмигрантов, что приведет к непредсказуемым последствиям для республики.

Доцент кафедры народонаселения экономического факультета МГУ М.Б.Денисенко в своей статье анализирует понятие «замещающей миграции». Под «замещающей миграцией» понимается такой приток мигрантов, в котором нуждаются страны для предотвращения сокращения общей численности их населения и сокращения численности населения в рабочем возрасте, старения населения в целом, обусловленного низкими уровнями рождаемости и смертности. По мнению автора, в подобном определении

содержатся три определения «замещающей миграции»: миграционный прирост с неизменной численностью населения; миграционный прирост с неизменной численностью трудоспособного населения; миграционный прирост с неизменной численностью лиц старших возрастов (с.97). Миграционный прирост замещает недостаток рождений, необходимых для поддержания в данной стране численности населения или его пропорций в возрастном составе на неизменном уровне в определенный период времени.

Как отмечает автор в изложении концепции доклада, реальностью нашего времени стали процессы старения и депопуляции. В начале 70-х годов прошлого столетия долгосрочные демографические прогнозы предсказывали убыль населения в некоторых странах в первой половине XXI в. Старение населения стало четко вырисовываться в ПРС Западной Европы в послевоенные годы. Обе тенденции были обусловлены одними и теми причинами: а) устойчивым снижением уровня рождаемости, который в большинстве ПРС опустился ниже уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения; б) снижением смертности в старших возрастных группах и дальнейшим ростом ожидаемой продолжительности предстоящей жизни.

Прогноз масштабов замещающей миграции сделан на основе классической техники демографического прогнозирования численности и половозрастного состава населения – когортно-компонентном методе: для каждой из восьми стран и каждого из двух регионов разработано по пять сценариев демографического развития на период 1995–2050 гг., причем прогностические сценарии отличались друг от друга только гипотезами о миграционном приросте, а предпосылки изменений уровней рождаемости и смертности оставались постоянными при переходе от одного сценария к другому.

Как было установлено в ходе исследований, при отсутствии замещающей миграции неизбежно сокращение населения; иммиграция может предотвратить сокращение численности населения, хотя величина иммиграционного потока сильно варьирует по странам; количество иммигрантов, необходимых для предотвращения сокращения численности населения, значительно превосходит числа, представленные в прогнозах ООН; миграционный прирост, необходимый для предотвращения сокращения численности насе-

ления в трудоспособном возрасте, значительно больше предотвращающего сокращение численности всего населения; для поддержания численности трудоспособного населения на неизменном уровне Италии и Германии необходимо значительно больше мигрантов по отношению к общей численности их населения; миграционные потоки для предотвращения процесса старения во много раз больше тех, которые предотвратили бы сокращение общей численности их населения; при нулевой миграции коэффициенты поддержки пожилого населения могли бы сохраниться на современном уровне путем повышения верхней границы трудоспособного возраста; сокращение численности и старение населения требуют пересмотра основ современной социальной политики.

Таким образом, с помощью миграционной политики в развитых странах можно приостановить процесс депопуляции и только самые фантастические по своим объемам и происхождению иммиграционные потоки могут остановить процесс старения населения. Вместе с тем иммиграция способствует омоложению возрастной пирамиды принимающей страны, поскольку средний возраст мигрантов ниже среднего возраста коренного населения.

В сборнике дается анализ развития японской эмиграции во второй половине XIX – первой половине XX в., причин и масштабов трудовой миграции, демографической ситуации в юго-западной части Японии, ставшей основным районом выхода эмигрантов, роли денежных переводов, значения эмиграции как средства продвижения японского капитала и политических последствий эмиграции. Особое место занимает исследование международной миграции рабочей силы в контексте демографического развития.

В.Г.Былов

Население в трансформируемом обществе: Демографические процессы и проблемы:

**Материалы круглого стола/ РАН. Ин-т междунар. экон. и
полит. исслед., Центр межрегион. и миграц. исслед.; Отв.
ред. Малаха И.А. – М.: ЭПИКОН, 2001. – 117 с. –
Библиогр. в конце отд. ст.**

Сборник подготовлен по итогам «круглого стола» в рамках осуществления исследовательского проекта «Внешняя и внутренняя миграция населения и проблема экономической безопасности». В нем анализируются актуальные проблемы развития населения РФ, включая проблему депопуляции, особенности миграции на постсоветском пространстве.

Как отмечает во вводной статье «Демографическое развитие России на рубеже столетий» руководитель центра социальной демографии ИСПИ РАН Л.Л.Рыбаковский, РФ вступила в третье тысячелетие в условиях длительного и затяжного периода депопуляции – сокращения численности своего населения, начавшегося с 1992 г. Вследствие естественной убыли населения страны (превышения смертности над рождаемостью) его численность за 1992–1999 гг. сократилась почти на 5,9 млн. человек. Однако положительный миграционный прирост (преимущественно в результате иммиграции русскоязычного населения из республик бывшего СССР) привел к тому, что реальная убыль населения оказалась вдвое ниже: фактически население сократилось всего на 2,9 млн. человек (с.8). С 1993 г. естественная убыль оставалась на стабильно высоком уровне, а масштабы и темпы сокращения численности населения стали всецело зависеть от сальдо внешней

миграции. С 1994 г. отмечается его резкое уменьшение, и к 1998 г. его величина по сравнению с 1994 г. сократилась в 2,8 раза, тем самым значительно увеличив общую убыль населения РФ. Соотношение естественного, миграционного и общего прироста в последнее десятилетие ХХ в. отражено в нижеследующей таблице (см. табл. 1).

Таблица 1 (с.9)
**Динамика естественного, миграционного и общего прироста
(убыли) населения РФ за 1991–1999 гг. (тыс. человек)**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Естествен- ный прирост (убыль)	110	-207	-738	-870	-832	-818	-750	-696	-929
Миграцион- ный прирост	52	176	430	810	502	344	353	285	165
Общий прирост (убыль)	162	-31	-308	-60	-330	-474	-398	-411	-764

По оценкам автора, в стране происходит сокращение миграционного прироста: в 1999 г. он сократился в сравнении с уровнем 1998 г. в два раза (с.10). Автор подробно рассматривает режим депопуляции в России и сравнивает его с аналогичными процессами в ПРС Западной Европы. Специфика депопуляции в РФ, как в Украине и Беларуси, состоит в том, что она осуществляется под двойным давлением: во-первых, она обусловлена уникально низкой, даже по меркам ПРС, рождаемостью; во-вторых, она определяется катастрофически высоким уровнем смертности. Российские параметры депопуляции оказались в десятки раз больше, чем в группе депопуляционных европейских стран (Австрии, Бельгии, Германии).

По мнению автора, в России системный кризис подорвал экономику страны и в значительной мере разрушил социальную сферу, прежде всего здравоохранение и социальное обеспечение. В то же время непосредственное демографическое окружение России (соседство с перенаселенными государствами Центральной Азии и

Тихоокеанского региона) делает необжитые или слабозаселенные пространства страны весьма уязвимыми.

Анализу процессов демографического развития России, ее современным особенностям и перспективам посвящена статья В.А.Ионцева. Автор отмечает большую роль демографического фактора для развития огромной территории страны. Подробно анализируя действие множества факторов, определяющих развитие страны, автор отмечает, что «России явно не хватало населения» (с.15), причем нехватка населения ощущалась уже во времена Петра I и особенно Екатерины II. Автор приводит наряду с прочими компонентами численности населения показатели общего, естественного и миграционного прироста за период с 1897 по 2000 г. (см. табл. 2).

Таблица 2
Динамика населения России за 1897–2000 гг.

Периоды, годы	Общий прирост (тыс.)	Естественный прирост (тыс.)	Миграционный прирост (тыс.)
1897-1916	23527	24392	-865
1917-1926	2600	5100	-2500
1927-1940	17759	16960	799
1941-1945	-13812	-9953	-3859
1946-1950	5398	6505	-1107
1951-1955	9321	9991	-670
1956-1960	8500	9283	-783
1961-1965	6423	6944	-521
1966-1970	3515	4107	-592
1971-1975	3986	4180	-195
1976-1980	4338	3731	607
1981-1985	4807	3938	869
1986-1991	4869	3759	1110
1991-1991	57704	64545	-6841
1992	-31	-207	116
1993	-307	-737	430
1994	-60	-870	810
1995	-330	-833	503
1996	-474	-818	344
1997	-388	-737	349
1998	-420	-705	285
1999	-769	-934	165
2000	-751	-958	207
1992-2000	-3590	-6798	3208

Миграционный прирост определен автором с учетом сальдо миграционного обмена со странами дальнего зарубежья. Это сальдо в периоды 1927–1940 и 1951–1987 гг. было сравнительно небольшим. В частности, в 1986 г. оно составило 2,3 тыс. человек, в 1989 г. 20,4 тыс., а в 1990 г. – 102,5 тыс. человек. Особенno значительная эмиграция из России отмечалась в 1917–1925 гг., когда из страны эмигрировало более 2,5 млн. человек в страны Западной Европы, в США и прочие страны дальнего зарубежья. Всего после Великой октябрьской социалистической революции и вплоть до 1991 г. в страны дальнего зарубежья выехали почти 3,6 млн. человек (с.18). Как отмечает автор, сальдо миграции вплоть до 1890 г. для России было положительным, однако к началу XX в. становится отрицательным и остается таковым почти до конца 70-х годов XX в. В этом отношении Россия отличается от США, где чистая иммиграция вплоть до настоящего времени остается важным положительным элементом демографического развития (с.20).

Крушение мировой социалистической системы и переход к рыночным отношениям с 1992 г. совпал по времени с нарастающим убыванием населения России, несмотря на значительный миграционный прирост в период 1992–2000 гг., составивший более 3,2 млн. человек. В этот же период естественная убыль населения составила почти 7 млн. человек, а в 2000 г. достигла ежегодного уровня падения почти в 1 млн. человек. В стране имеет место серьезное ухудшение демографической ситуации, прежде всего за счет естественной убыли населения (с.25). По мнению автора, с 1993 г. Россия стала одной из немногих стран в мире, переживающей полномасштабный демографический кризис, и главная причина этого состоит в политических и социально-экономических преобразованиях 90-х годов (с.26).

Автор считает ошибочным утверждение об определяющей роли миграции в современном демографическом развитии. Действительно, международная миграция населения все более обуславливает демографическое развитие практически всех промышленно развитых стран, становится главной компонентой роста численности населения этих стран, и останется таковой в обозримом будущем. Однако наивно надеяться только на миграционный приток как на средство преодоления демографического кризиса. На деле при нарастающем демографическом кризисе международная миграция не может коренным образом изменить ситуацию, тем более в такой огромной

по размерам стране, как РФ. Она только может сгладить кризис, смягчить отрицательные демографические последствия, в определенной степени решить отдельные региональные проблемы. Ссылаясь на пример промышленно развитых стран, автор утверждает, что миграция может стать эффективным средством только в условиях депопуляции. Автор считает реальным выходом из демографического кризиса в России и условием ее дальнейшего социально-экономического развития комплексный подход, включающий стимулирование роста рождаемости или хотя бы ее стабилизацию, сокращение смертности, привлечение мигрантов, бережное отношение к человеческой жизни как главной ценности государства. Это должно быть положено в основу разрабатываемой демографической политики в целом и миграционной политики в частности (с.28).

Известный специалист в области географии населения Б.С.Хорев рассматривает проблемы депопуляции под углом зрения будущих перспектив развития России. Как отмечает автор, многие страны Европы попали, как и Россия, в полосу депопуляции, однако этому способствовала массовая эмиграция многих поколений за океан и на Восток. Устойчиво сокращается население огромной славянской популяции в Евразии, основных стран Южной Европы, Германии, стран Балтии. Как утверждает автор, мир идет по пути неограниченного развития товарно-денежных отношений, и в этих условиях не будет никакой нормальной рождаемости, а будет вымирание (с.31). Если в России не будет создано другое общество, то страну ожидает страшная участь: население Земли стабилизируется, но без русского этноса. На территории России поселятся китайцы, представители Средней и Южной Азии и других регионов. В демографическом плане десять последних депопуляционных лет дадут отзвук через тридцать последующих лет, когда уже родившиеся малочисленные поколения не смогут обеспечить нормальное воспроизводство населения, и в России будет продолжаться его сокращение. В то же время Запад, столкнувшись с аналогичными проблемами, сможет справиться с этой ситуацией посредством перекачки не только российских специалистов (стимулируя «утечку мозгов» из России), но и российских невест, а Россию ожидает реальная катастрофа. По имеющимся прогнозам российской Лиги борьбы с депопуляцией, уже к 2025 г. население РФ может

сократиться до 116 млн. человек при уровне рождаемости 2,5 промилле и смертности в 18,3 промилле, а к 2050 г. – до 80 млн. человек, а по прогнозам Госкомстата РФ – до 90 млн. человек. Со второй половины ХХI в. при условии сохранения существующих тенденций может начаться второй виток депопуляции, что может привести к сокращению численности населения РФ до 45 млн. человек, а в последующие 50 лет население страны может сократиться до 26 млн., а к 2200 г. – до 14 млн. жителей (с.32–33).

В сельских районах России за годы демократических реформ численность сельского населения сократилась на 3 млн. человек. Положительное сальдо миграции, возникшее с начала демократических преобразований благодаря возвратной миграции в сельские районы, с 1998 г. вновь стало отрицательным (сальдо миграции в 1998 г. составило – 54,2 тыс. человек, в 2001 г. – 140,2 тыс., в 2004 г. – 226,4 тыс. человек, а к 2009 г. должно быть на уровне – 1 млн. человек). Деревня обречена на вырождение. По расчетам автора, при сохранении действующих тенденций сельское население как общность фактически исчезнет: в деревне будут проживать несколько миллионов человек, из которых 3/4 составят олигофrenы и инвалиды (с.33).

По мнению Хорева, в подобных условиях нельзя рассматривать иностранную рабочую силу как резерв для простого увеличения численности населения России. Следует решать свои собственные проблемы собственными силами, разработав систему мер стимуляции и льгот, которые должны увеличиваться по мере увеличения финансовых ресурсов страны, возможностей федерального бюджета (с.35). Миграционный прирост не сможет компенсировать уменьшение численности населения из-за превышения смертности над рождаемостью. Будет происходить дальнейшее старение населения. По мнению автора, известные для других стран механизмы компенсации убыли населения типа иммиграции и культурной адаптации в промышленно развитых странах почти неприменимы в России (с.37).

Известный специалист по вопросам демографии, профессор МГУ А.П. Судоплатов рассматривает демографические аспекты межнациональных и социальных конфликтов. Он отмечает возрастание роли демографических факторов в зарождении конфликтных ситуаций в условиях социальной напряженности, возникающей в

результате политических и экономических кризисов. В свою очередь, развитие конфликтных ситуаций может способствовать демографическим изменениям, развитию миграционных процессов. Возникновение конфликтных ситуаций, на которые в 40% случаев оказали свое влияние этнодемографические факторы, получило название «войны малой интенсивности». Такие войны приводили к существенным изменениям в размещении населения, вызывая громадные потоки беженцев, вынужденных мигрантов и оказывая кризисное, разрушительное влияние на этномиграционные процессы. Сами этномиграционные процессы играют особую роль в обострении межнациональных отношений. В условиях социально-политического и экономического кризисов получила наряду с трудовой миграцией рабочей силы развитие такая специфическая форма миграции, как вынужденные мигранты (вынужденные переселенцы). Она была следствием усиления конфронтации различных этносоциальных групп населения (с.39–40).

Как отмечает автор, в бывшем СССР исторически сложились три сферы расселения: первую образуют народы, проживающие на своей этнической территории; вторую – народы, живущие в ближнем зарубежье, в бывших союзных республиках; третью – народы, живущие в дальнем зарубежье, за пределами границ бывшего СССР. Различные народы на территории бывшего СССР имеют разное соотношение по трем группам мест проживания. Так, 82% русских проживают на своей этнической территории, 17 – в пределах ближнего и 1% – в пределах дальнего зарубежья. У азербайджанцев это соотношение определяется соответственно в 42, 7 и 51%, у армян соответственно 48, 24 и 28% (с.40). К сегодняшнему дню в РФ насчитывается, по разным оценкам, 100–130 национальностей, все из которых имеют равное право называться гражданами РФ (с.41).

В России на протяжении длительного периода происходило создание смешанных семей, особенно среди сельских жителей, что приводит к формированию у молодого поколения ценностных ориентаций и поведенческих представлений, отличных от аналогичных представлений их родителей. Изменение же поведенческих мотивов молодежи способствует повышению миграционной подвижности населения. Эта подвижность выше в регионах с преобладанием славянских народов и ниже с доминированием народов тюрко-иранской группы, отличающихся низкой

миграционной подвижностью. В подобных этнических различиях миграционной подвижности опосредованно проявляется воздействие различий в образе жизни, семейных традиций, религий, уровня образования и т.п. Наибольший рост миграционной активности отмечается у народов с традиционно низкой интенсивностью миграции, в частности у народов тюрко-иранской группы. В некоторых случаях при экстремальных условиях этнический миграционный потенциал (население данного этноса, проживающее на определенной территории) может приближаться к численности этноса, свидетельством чего стали события в Нагорном Карабахе (с.43–44).

Один из ведущих научных сотрудников ИМЭПИ РАН И.А.Малаха анализирует особенности внешней миграции в приграничных территориях России. Автор отмечает достаточно большую интенсивность внешних миграционных потоков в приграничных регионах РФ, хотя констатирует сокращение внешней миграции населения России в целом. Эти регионы стали своеобразными «фильтрами» миграционных потоков из ближнего зарубежья. Этим потокам свойственны все основные особенности общероссийских процессов вынужденной миграции. При этом они проявляются в наиболее острой форме.

Общей чертой миграционных потоков из ближнего зарубежья независимо от географической направленности миграционных потоков в какой-либо регион России является высокий удельный вес русского населения, вынужденного по тем или иным причинам покидать насиженные места в соседних странах ближнего зарубежья. Как отмечает автор, депатриация русскоязычного населения началась довольно давно, еще до распада СССР, и стала закономерным явлением. В данном случае проявились аграрное перенаселение в республиках бывшего СССР, рост численности национальных квалифицированных кадров, рост конкуренции на локальных рынках рабочей силы. В последующий период, в 90-е годы, после распада СССР, к этим факторам добавились новые, определившие масштабы и структуру эмиграции в России. В их числе важную роль стали играть факторы, вызывающие стрессовые миграции и придающие миграции острый и вынужденный характер. К их числу относятся межэтнические конфликты, военные действия.

В 90-е годы основной поток русских репатриантов приходился на страны СНГ, где полыхали межэтнические вооруженные конфликты (Абхазию, Грузию, Азербайджан), а также на страны Балтии, где русскоязычное население испытывало враждебное отношение со стороны местных властей и представителей титульной национальности. Позднее к числу подобных стран присоединились Казахстан, Украина, Киргизия. В этот же период отмечается усиление эмиграционных процессов из различных пограничных территорий, преимущественно граничащих с европейскими странами дальнего зарубежья, – Карелии, Калининградской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Отмечается также развитие иммиграционных процессов в регионах, принимающих население из соседних и ближайших государств (в основном из стран СНГ).

Далее автор рассматривает миграционную ситуацию в отдельных регионах РФ, прежде всего в приграничных территориях. Анализ начинается с рассмотрения ситуации в Карелии, которая в силу особенностей экономико-географического положения, общности историко-культурного развития и этнической близости стала основным поставщиком рабочей силы в Финляндию. По оценкам автора, более 80% мигрантов в этом направлении выезжают по личным и семейным обстоятельствам. Этому способствуют существенные различия в уровнях жизни и социально-экономического развития Карелии и Финляндии, нестабильность политической и социальной ситуации в РФ, отсутствие реальных возможностей улучшения своего материального положения, стремление обеспечить будущее для своих детей – таковы основные факторы развития эмиграции в соседнюю страну. Фактором, стимулирующим отъезд, является наличие родных и друзей в Финляндии. Развитию эмиграции способствует также приграничное сотрудничество, которое увеличивает миграционный потенциал Карелии. Основной поток мигрантов идет из карельских городов и городских поселков. Сельское население Карелии менее склонно к эмиграции, чему способствует техническая помощь сельскому хозяйству республики, оказываемая Финляндией (с.52).

Как отмечает автор, северо-западные территории РФ (Псковская, Ленинградская, Новгородская, Калининградская области, Санкт-Петербург) стали в основном центрами притяжения иммигрантов из государств Балтии. В приграничные районы

указанных областей прибыли в большом количестве русскоязычные иммигранты, в первую очередь из Эстонии. На втором месте по числу выехавших из соседних стран русскоязычных граждан стоит Латвия, на третьем – Литва.

В то же время внешняя миграция между Россией, Беларусью и Украиной, как отмечает автор, не приняла большого размаха. Хотя три страны различаются по уровню социально-экономического развития, наличие в Украине и Беларуси значительной прослойки русского населения и этнокультурная и историческая близость русского, украинского и белорусского народов препятствуют значительному обострению национальных трений и тем самым не способствуют возникновению значительных потоков вынужденных мигрантов. В приграничных областях РФ оседает лишь незначительная часть мигрантов, а основной поток идет на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток.

Значительно более сложная миграционная ситуация отмечается в Северо-Кавказском регионе России. Этот регион традиционно на протяжении многих лет являлся ареалом притяжения как для внутренних мигрантов, так и для вынужденных переселенцев из республик Закавказья и Средней Азии. Особенно возросла эмиграция в этот регион из республик Закавказья в последнее десятилетие XX в., причем особенно привлекательными для «лиц кавказской национальности» были не национальные республики Северного Кавказа, непосредственно граничащие с государствами Закавказья (за исключением Северной Осетии), а российские края и области с преобладанием русского населения. В эти территориальные образования уже на протяжении длительного времени направляется значительный поток иммигрантов из Грузии. Однако, как отмечает автор, для иммигрантов – русских по национальности, выезжающих из Закавказья, ближайшие пограничные территории региона не являются предпочтительными. Тем не менее, по оценкам автора, на Кубань за последнее десятилетие прибыло более 1 млн. человек, что означает, что практически каждый пятый житель – мигрант. Подобной ситуации нет больше ни в одном регионе РФ (с.53). Неконтролируемая и неуправляемая миграция в регионе привела к перекосу межэтнического баланса: армяне стали второй этнической группой региона после русских, быстро растет численность турок-месхетинцев, курдов, ассирийцев, грузин, азербайджанцев.

Поскольку рождаемость у этих народов значительно выше, чем среди русского населения, в перспективе здесь, как и на Дальнем Востоке, могут произойти значительные и в целом неблагоприятные для России сдвиги в этническом составе (руssкие могут стать национальным меньшинством). Автор отмечает острые проблемы, связанные с прибытием и незапланированным расселением в регионе турок-месхетинцев. В регионе создана почва для межнациональных конфликтов и дестабилизации социально-политической ситуации.

Централми притяжения мигрантов из республик Центральной Азии стали Урало-Волжский регион и Западная Сибирь. Масштабы миграции сопоставимы с аналогичными потоками на Северном Кавказе. Лидирующее положение по приему иммигрантов занимает Оренбургская область, на значительном протяжении граничащая с Казахстаном и принимающая оттуда значительный контингент вынужденных переселенцев. В Казахстане проживает более двух третей всех россиян, сосредоточенных в Центральной Азии, и из этой республики наблюдается постоянный и быстрорастущий поток мигрантов в РФ. Причиной является сложившаяся в Казахстане система социально-экономических и политических факторов, действующая как выталкивающая сила. Автор отмечает молодость иммигрантов – вынужденных переселенцев из Казахстана (среди переселенцев меньше доля пенсионеров и больше детей), более высокий уровень их образования, что создает более благоприятные возможности в плане использования их трудовых ресурсов. Однако Оренбургская область, как и многие другие в РФ, находится в состоянии затяжного экономического кризиса с сокращением промышленного производства, неразвитостью инфраструктуры для развития фермерского хозяйства. Все это ограничивает возможности занятости для вынужденных переселенцев и способствует их выталкиванию в другие регионы России, а также возвратной миграции в Среднюю Азию.

Автор отмечает довольно сложную ситуацию в приграничных регионах РФ с КНР. Для этого региона отрицательным фактором является слабая заселенность российской территории, включая приграничные районы, по сравнению с прилегающими районами Китая. Разрыв в плотности населения в приграничных районах двух государств определяется в десятки раз. В пограничных районах РФ плотность достигает 10–20 человек на кв.км на юге Приморского

края и в районах Хабаровска и Благовещенска, а на остальных участках вдоль восточной границы она не превышает 5 человек на кв.км. В то же время в соседнем Китае (Северо-Восточный Китай) она достигает 130 человек на кв.км, плюс наличие огромной резервной армии труда (7–8 млн. человек), равной численности всего населения российского Дальнего Востока. С учетом ряда аспектов российско-китайских отношений, политики открытости, различий в уровнях социально-экономического развития двух стран и жизненном уровне существуют реальные условия для интенсификации миграционных процессов из Китая и экспансии китайцев в приграничные районы. Численность китайцев на российском Дальнем Востоке в конце 90-х годов уже оценивалась в 1 млн. человек (с.57), причем официальные данные далеко не отражают истинной картины китайской экспансии. К этому следует добавить значительный контингент иммигрантов из Северной Кореи и других стран Юго-Восточной Азии. В итоге уже в настоящее время численность иммигрантов в некоторых районах Дальнего Востока в несколько раз превышает численность коренного русского населения.

Все это создает взрывоопасную обстановку на ряде приграничных территорий России, обостряет конкуренцию за рабочие места между российским и пришлым иностранным населением. Особую остроту приобретает проблема социальной и трудовой адаптации мигрантов – зарегистрированных беженцев и вынужденных переселенцев, которые являются благоприятным источником для пополнения теневой экономики трудовыми ресурсами, криминальных структур, средством давления на российский рынок труда и снижения заработной платы для россиян.

Особое место на конференции «круглого стола» заняло обсуждение проблемы международной учебной миграции россиян и выработка механизмов ее регулирования. По итогам обсуждения соответствующая статья в сборник была подготовлена Л.Л.Леденевой, сотрудником Центра экологии человека ИНХП РАН. Как отмечает автор, процесс выезда российской молодежи за рубеж для получения высшего образования и ученых степеней зарубежных университетов стал успешно развиваться в последнее десятилетие после снятия ограничений на выезд из РФ. По мнению автора, процесс получения высшего образования за рубежом можно считать позитивным явлением. Рост профессионального мастерства молодежи и ее

географическая и социальная мобильность позволяют ей в дальнейшем занять соответствующую нишу в России, обеспечивает ей возможности для профессиональной карьеры. Наши молодые специалисты получают доступ к современной технологии, получают информацию о последних достижениях мировой науки, осваивают иностранные языки и в целом получают возможность интегрироваться в международное научно-профессиональное сообщество. После возвращения в Россию наиболее талантливые и инициативные молодые специалисты могут способствовать развитию российской науки и подъему экономики.

Однако в реальности дело подготовки кадров за рубежом принимает несколько иной характер. Многие молодые специалисты после завершения образования за рубежом не стремятся вернуться на родину, а это чревато потерей для России интеллектуального потенциала. Речь идет об «утечке мозгов» в случае их невозвращения.

Многие из числа выехавших за рубеж на учебу прилагают все силы, чтобы «закрепиться» за рубежом, найти работу в университетах, научных учреждениях, в частных компаниях, в международных органах, транснациональных корпорациях. Для лиц, находящихся в отрыве от своей родины, процессы, протекающие в России, часто непонятны; молодые специалисты живут старыми представлениями о России, в основном на момент их выезда за рубеж. В то же время процессы, протекающие в России, не могут внушать оптимизм молодежи, которая сталкивается с более благополучной ситуацией в Западной Европе, США, Канаде. Молодежь не имеет представления о возможностях профессиональной деятельности в стране в условиях сокращения расходов на науку, упадка военно-промышленного комплекса, общего сокращения заказов в промышленности.

В подобных условиях стоит задача поддержания научно-технического и интеллектуального потенциала страны на фоне происходящей в стране «утечки мозгов», выработки адекватных механизмов регулирования интеллектуальной миграции.

Как отмечает автор, в России нет достоверных и тем более полных данных о характере, размерах и направлениях учебной миграции из страны. Одновременно известно, что российские студенты и специалисты разбросаны практически по всему миру. Автор, ссылаясь на данные ЮНЕСКО, определяет численность студентов-россиян, проходящих последипломное обучение (маги-

стратура и докторантура) за рубежом примерно в 13 тыс. человек (с.62). Из этого числа большинство (более 10 тыс. человек) проходят обучение в четырех странах: США, Германии, Франции и Великобритании (с.63). Согласно оценкам автора, только в США сосредоточено до 40% российских студентов, обучающихся за рубежом. В 1998/99 уч. г., согласно американской статистике, в США обучалось 6,9 тыс. россиян (с.63).

На основании социологических обследований автором был создан типичный портрет потенциального российского студента-эмигранта. Чаще всего это представитель естественно-технических и физико-математических специальностей, нежели ориентированный на гуманитарное образование. Хотя гуманитарии едут за границу даже чаще, чем «технари», им закрепиться за рубежом оказывается сложнее, поскольку именно знания в естественно-технических областях в настоящее время, по мнению автора, пользуются повышенным спросом на Западе. На Запад среди прочих категорий мигрантов устремляются самые умные, образованные, серьезные, активные и уверенные в себе молодые специалисты. Уже в процессе учебы в России они проявляют самое настоящее рвение в учебе, настроены на совершенствование профессионального образования и на высококвалифицированный труд. У них выше компьютерная грамотность, они лучше знают иностранные языки и готовятся найти для себя нишу на западном рынке труда, освоить западные требования к специалистам, западный стиль жизни. В любом случае российское общество должно проявлять большую тревогу в связи с потерей элиты российского студенчества, с превращением международной учебной миграции в эмиграцию.

Автор рассматривает предпосылки формирования высокого уровня интенсивности международной интеллектуальной миграции молодежи. По ее мнению, политика запретов и ограничений на выезд противоречит современным международным тенденциям развития. Она отмечает стремление молодежи к международным квалификационным стандартам и одновременно государственную потребность в зарубежном обучении. Знания и квалификация – актив человека и являются главными факторами, определяющими развитие в XXI в., а международный рынок труда предъявляет высокие и возрастающие требования к индивидуальному уровню и качеству подготовки специалистов, степени конкурентоспособности знаний и

личного опыта, к культурному уровню. Поэтому молодежь стремится получить профессиональную подготовку мирового уровня, поскольку это позволит им найти широкое применение своим знаниям и получить высокооплачиваемую работу. Образовательный потенциал, молодой возраст и здоровье стали главными составляющими социального ресурса личности.

Государство испытывает растущую потребность в зарубежном обучении. Постоянно возникают новые специальности, а старые, традиционные требуют постоянного обновления в условиях внедрения новых технологий, включая информационные и телекоммуникационные. Однако специализация стала очень дорогим процессом, и многие даже промышленно развитые страны не могут позволить себе реализовать современные эффективные университетские образовательные программы по всем дисциплинам и типам специализации. Поэтому получила широкое распространение практика использования образовательных и исследовательских возможностей других стран, в которых сформировались лучшие научные школы и направления.

Как отмечает автор, уходят в прошлое такие понятия, как выезд за рубеж на постоянное место жительства, а на их место приходит свободная миграция на основе модели оптимизации индивидуального поведения. Появляется модель международного «свободно-плавающего» фонда высококвалифицированных и талантливых специалистов, мобильных и уверенных в себе, способных легко адаптироваться. Появляется категория «сильно ресурсных» личностей со знанием английского языка, компьютерных технологий, специальными знаниями, пользующимися спросом на мировом рынке труда. По мнению автора, определенная часть молодых россиян отвечает этим требованиям и критериям, а их модель поведения отвечает понятию космополитической. Для них характерен примат профессиональной ориентации перед территориальной, ориентация на хорошую работу вне зависимости от места жительства.

Далее автор рассматривает вопросы, связанные с учебой за рубежом, — цели, способы выезда, источники финансирования. Как отмечает автор, индивидуальные устремления молодых специалистов часто соседствуют с практикой посылки студентов и молодых специалистов по межправительственным программам международного обмена студентами и специалистами, а также с программой

аспирантуры совместного обучения (наличие двух научных руководителей – российского и иностранного). Для обучения за рубежом главную роль играет не материальный уровень российской семьи, а набор личных характеристик самого студента, что позволяет ему находить и привлекать внешние источники финансирования своего обучения за рубежом (с.71).

Результаты обследования российских студентов за рубежом свидетельствуют об их действительно высоком интеллектуальном и профессиональном уровне: большинство опрошенных российских студентов входят в группу сильнейших.

При выезде российских студентов на обучение за рубеж существует большая вероятность их невозвращения на родину, когда временный характер миграции переходит в постоянный. При этом часть студентов с самого начала планирует при благоприятном стечении обстоятельств остаться на чужбине, где, по мнению студентов, существуют более благоприятные условия для профессионального роста, карьеры, занятий наукой, большая зарплата – условия для развития международной миграции. Другая часть студентов, ранее планировавших вернуться домой, обнаруживает менее благоприятные условия для работы дома, для реализации своих знаний и квалификации, приобретенных за рубежом, в сравнении с местом обучения, выражает свою неудовлетворенность условиями и организацией труда на родине. Прожив несколько лет за рубежом, российский специалист плохо воспринимает социальные и экономические реалии в России, хотя условия могут существенно измениться за время его отсутствия. В этом случае опять имеет место действие выталкивающего фактора международной миграции.

Автор выделяет две группы факторов международной миграции россиян, уже имеющих практический опыт жизни и учебы за рубежом: 1) факторы, способствующие превращению временной миграции в эмиграцию (наличие и частота предыдущих визитов за рубеж вообще и в страну-реципиент в частности; продолжительность пребывания в данной стране; наличие диплома о высшем образовании и ученой степени); 2) факторы, сдерживающие превращение временной миграции в эмиграцию (языковые проблемы, недостаточный профессионализм; немолодой возраст; личные или семейные проблемы; ристрикционное законода-

тельство страны-реципиента). Молодой возраст мигранта является фактором, способствующим его невозвращению на родину (с.73).

Автор анализирует характер возвратных намерений современных российских студентов-мигрантов из-за рубежа, что должно дать представление об общей ориентации молодежи на последующую жизнь, после окончания учебы, в стране или за рубежом. Выявлены следующие стратегии миграционно-профессионального поведения: российская стратегия (жесткая ориентация на возвращение на родину, которой придерживается пятая часть опрошенных); эмиграционная стратегия (твердое желание остаться жить и работать за рубежом, 15%); промежуточная стратегия (гибкая ориентация, 65%). По мнению автора, столкнувшись с жесткой конкуренцией после окончания вуза на Западе, молодежь выберет возвращение домой, особенно если ей будут предложены более выгодные условия, чем на Западе (с.74).

Автор рассматривает основные стимулы и факторы возвратной миграции: наличие высококлассной научно-профессиональной среды, независимый свободный рабочий график, возможность быстрой профессиональной карьеры, возможность международных профессиональных контактов, зарубежных поездок, доступ к современному оборудованию, информационным и коммуникационным технологиям, долгосрочная и стабильная занятость, возможность получить работу в определенном городе России, работа в престижной фирме, возможность участия в принятии решений и выработке политики. Подавляющее большинство опрошенных специалистов готово рассмотреть и оценить эти факторы, что говорит о возможности их возвращения на родину. Однако есть значительная группа специалистов, которые не принимают во внимание ни один из указанных факторов. Ряд опрошенных специалистов считают наиболее желаемым стимулом возможность после окончания учебы на Западе выполнения краткосрочного исследовательского проекта или заключение долгосрочного трудового контракта в России. Ряд специалистов заинтересованы в получении в России гранта для начала профессиональной деятельности.

В заключение автор указывает на важность проведения в России такой политики, которая должна быть направлена

на повышение заинтересованности российской экономики в специалистах, получивших образование за рубежом; на необходимость разработки новых подходов к интеллектуальной миграции, включая разработку в перспективе специальных программ «возвращение молодых умов».

В.Г.Былов